Антология абхазской поэзии

Государственное издательство художественной литературы
Москва — 1958

Антология составлена Союзом писателей Абхазской АССР и Абхазским Институтом языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Бгажба Х. С., Гулиа Г. Д., Деев А. Д., Липкин С. И., Шинкуба Б. В.

ОФОРМЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА А. БИЛЮКИНА

СОДЕРЖАНИЕ

- **ПРЕДИСЛОВИЕ (Х. БГАЖБА И К. ЗЕЛИНСКИЙ)**
- **НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ АБХАЗИИ**
  НАРОДНЫЕ ПЕСНИ СОВЕТСКОЙ АБХАЗИИ
- **СОВЕТСКИЕ АБХАЗСКИЕ ПОЭТЫ**

Дмитрий Гулиа
«Милое» созданье. *Перевела В. Потапова*
Гуляка. *Перевела В. Потапова*
Лома и Буска. *Перевела В. Потапова*
Ходжан Большой. *Перевела В. Потапова*
Абрыскил. *Перевел Л. Кочетков*
«День своего рожденья люди чтят...» *Перевел Л. Мартынав*
«Если б мог добро я напевом слов...» *Перевел К. Липскеров*
Весенний дождь. *Перевел А. Кочетков*
Песня о герое из героев. *Перевел Я. Сашин*
Горы и море. *Перевела В. Потапова*
В поезде. *Перевел Л. Мартынов*
Дамей. *Перевели Л. Длигач и В. Потапова*
Юным друзьям. *Перевел М. Светлов*
Нас слышит целый мир. *Перевел Л. Мартынов*
Рождение горы. *Перевел М. Соболь*
Новогоднее. *Перевел М. Соболь*
Стихи об Октябре. *Перевел М. Соболь*
1. «Аврора»
2. Ленин
3. Ван Ю с Желтой реки
4. Баллада о спасенном пастухе

Мой город. *Перевел М. Соболь*
1. Тень
2. Желтая смерть
3. Год двадцать первый
4. Городской сад
5. Цветы на улицах
6. Друзья

Человек в горах
Голубь
Олень
Другу
Признание
Партии
Защитнику нашей страны
Стихи для детей. *Перевел С. Маршак*
1. Про солнце
2. Про луну

3. Доктор и старик
4. Родник
5. Дедушкин заказ
6. Телескоп
7. Наш офицер
8. Часы

Юный год. *Перевел С. Маршак*
Ленин с нами. *Перевел М. Соболь*
Рыбак. *Перевел В. Лифшиц*
Река. *Перевел А. Чивилихин*
На морском берегу. *Перевел В. Державин*
Парус. *Перевел В. Державин*
В воздухе. *Перевел В. Державин*

Самсон Чанба
Дева гор. *Перевел В. Стражев*

Иуа Когониа
Навей и Мзауч. *Перевел В. Брик*
Засхан Ачба и сыновья Беслана Жанаа. *Перевел Б. Брик*
Хмыч-охотник. *Перевел Д. Голубков*
«Темною ночь была...» *Перевел Д. Голубков*
Моя дорога. *Перевел Ю. Левитанский*
«Солнце село за домики...» *Перевел Ю. Левитанский*
Абхазия. *Перевел Ю. Левитанский*
«Время движется...» *Перевел Ю. Левитанский*
Добрые песни. *Перевел Ю. Левитанский*
Махаджир. *Перевел Ю. Левитанский*
Сплетник. *Перевел Ю. Левитанский*
Не говори мне про него... *Перевел Ю. Левитанский*
«Сижу в потемках...» *Перевел Ю. Левитанский*
Оор, оор, проклятые! *Перевел Д. Голубков*
Вечером. *Перевел Д. Голубков*
Охотник. *Перевел В. Брик*
«Леса сверкают свежими листами...» *Перевел Б. Брик*

Мушни Хашба
Зять твоей матери. *Перевел В. Микушееич*
Зима. *Перевел В. Микушевич*
«Друг мой, вставай...» *Перевел Ю. Левитанский*
«На лошади синей по синему полю скачу...» *Перевел Ю. Левитанский*
«Ну-ка, песни...» *Перевел Ю. Левитанский*

Владимир Агрба
Мы всесильны! *Перевел В. Микушееич*

Отар Демердж-Ипа.
Перевел Б. Лейтин
Ночью на море
Навек прощайте, друзья! (Слово юноши)
«Пока я жив — дышу тобою...»
4-е марта

Леварса Квициниа
4-е марта. *Перевел Б. Брик*
Бригадир Арсана. *Перевел Л. Длигач*
В горах. *Перевела В. Потапова*
Апсны. *Перевел Б. Лейтин*
Водопад. *Перевел Б. Лейтин*
Моя апхярца. *Перевел Б. Лейтин*
«Ты хлопотливо бродишь по двору...» *Перевел Б. Лейтин*
Гагра. *Перевел Б. Лейтин*
Горы. *Перевел Б. Лейтин*

Весна. *Перевела В. Потапова*
Песня о Хабидже. *Перевел Б. Брик*

Леонтий Лабахуа
Девушка у станка. *Перечел В. Микушевич*
Вот какие новости в Река. *Перевел А. Чивилихин*
Правда. *Перевел Ю. Вронский*
Голос Ткварчели. *Перевел Ю. Вронский*

Шалва Цвижба
«По саду вешнему иду...» *Перевел А. Чивилихин*
Виновата весна. *Перевел А. Чивилихин*
Вернитесь на родину! *Перевел А. Чивилихин*
Мать. *Перевел А. Чивилихин*
Кипарисы. *Перевел В. Микушееич*
Абхазским актерам. *Перевел В. Микушевич*
Абхазке-пианистке. *Перевел А. Чивилихин*
Опора. *Перевел Ю. Вронский*
Яблоня Эдги. *Перевел А. Чивилихин*
Леван-кораблестроитель. *Перевел А. Чивилихин*
Маленький скрипач. *Перевел А. Чивилихин*
Зима в Абхазии. *Перевел А. Чивилихин*

Киазым Агумаа
Семья Гыда. *Перевел С. Спасский*
Колхида. *Перевел С. Спасский*
В саду. *Перевел В. Брик*
«Вспыхнул порыв в глубине сердечной...» *Перевел А. Кочетков*
Я люблю Квикви. *Перевел Б. Брик*
Песня о родине. *Перевел Б. Серебряков*
Абхазские горы. *Перевел Б. Серебряков*
Письмо в Апсны. *Перевел А. Оленич-Гнененко*
Генацвале. *Перевел В. Микушевич*
Ласточка. *Перевел В. Микушевич*
Спой мне, красавица... *Перевел Ю. Вронский*
Девушка в саду. *Перевел А. Чивилихин*
Любовь моя. *Перевел В. Микушевич*
Ачарпын. *Перевел Д. Голубков*
Прощание воина. *Перевел Ю. Вронский*
Весна. *Перевел Ю. Вронский*
Одиночество. *Перевел В. Микушевич*
Ночью. *Перевел В. Микушевич*
Песня пшава. *Перевел Б. Серебряков*
Твои песни. *Перевел Б. Серебряков*

Баграт Шинкуба
Сон. *Перевел С. Липкин*
Моя звезда. Перевел С. Липкин
Капля. *Перевел Я. Козловский*
Осенний сад. *Перевел К. Брик*
День Победы. *Перевел Л. Длигач*
Песня ранения. *Перевел Д. Голубков*
Сонет. *Перевел Д. Голубков*
Ветер мой, лети! *Перевел С. Липкин*
Мои земляки (Фрагменты из романа в стихах)
    Глава первая. *Перевел С. Липкин*
    Глава шестая. *Перевел Я. Козловский*

Иван Тарба
Язык Октября. *Перевел А. Кронгауз*
С первых дней. *Перевел М. Максимов*
На скачках. *Перевел Я. Козловский*
Машинистка. *Перевел А. Кронгауз*

Детство. *Перевел Я. Козловский*
«Лишь только в песнях горных...» *Перевел А. Межиров*
У родника. *Перевел Я. Козловский*
«Пусть она — какая ж в том обида?..» *Перевел Н. Гребнев*
«Дмитрий Гулиа в гостях...» *Перевел П. Козловский*
«Нет, не чувствовал и жажды...» *Перевел П. Козловский*
«Ты стихов не пишешь...» *Перевел Б. Дубровин*
На суд товарищей (Из поэмы). *Перевел Я. Козловский*

Сандро Сангулиа
Другу летчику. *Перевела В. Звягинцева*
Родина. *Перевела В. Звягинцева*
Я люблю тебя, Черное море. *Перевела В. Звягинцева*
«Месяц выплыл легко из-за туч...» *Перевел Р. Ивнев*
Ночь в саду. *Перевел Л. Длигач*
Охотник. *Перевела В. Потапова*
В поле. *Перевел Л. Длигач*
Море. *Перевел Л. Длигач*
Кодор. *Перевел Л. Длигач*
Герачский источник. *Перевела В. Потапова*
Песня о Сухуми. *Перевел Л. Длигач*

Чичико Джонуа
Ачамгур. *Перевел А. Ревич*
Песня ранения. *Перевел А. Ревич*
Ответ. *Перевел А. Ревич*
Эшерский табак. *Перевел А. Ревич*
Мать. *Перевел А. Ревич*
Ночь в Члоу. *Перевел А. Ревич*
Танцор. *Перевел А. Ревич*
Двор колхозника. *Перевел В. Серебряков*
Осень. *Перевела В. Потапова*
Вечер у моря. *Перевел А. Ревич*
Ливень. *Перевел А. Ревич*
В дороге. *Перевел А. Ревич*
Верность. *Перевел А. Ревич*

Алексей Джонуа
Воспоминания. *Перевел В. Брик*
Ауаз махаджира. *Перевел В. Державин*
Дуб. *Перевела В. Звягинцева*
Луна. *Перевела В. Звягинцева*
Цветок. *Перевел В. Микушевич*
Осень. *Перевел А. Межиров*
Конь и наездник. *Перевел В. Лифшиц*
Первая любовь. *Перевел Л. Длигач*
Песня кузнеца. *Пересел Л. Длигач*
Сборщица чая. *Перевел Л. Длигач*
На скачках. *Перевела В. Потапова*
Песня аробщика. *Перевела В. Потапова*
Поэту. *Перевел Л. Длигач*
Шахтеру. *Перевела В. Потапова*
Ботанический сад. *Пересел В. Луговской*
На колхозном рынке. *Перевела В. Потапова*
Танцор. *Перевел В. Микушевич*
«Чудо». *Перевел А. Кронгауз*

Алексей Ласуриа
Здравствуй, Абхазия! *Перевел М. Соболь*
Тост. *Перевел Г. Куренев*
Под Москвой. *Перевел А. Кронгауз*
Чем хорош мой край. *Перевел А. Кронгауз*
Стихи о дочке. *Перевел А. Кронгауз*

1. Перемена
2. В роддоме № 4
3. Как назвать?

К сестре. *Перевел В. Авдеев*
Эвкалипт. *Перевел В. Соколов*
О самом необходимом. *Перевела М. Павлова*
Абхазия открыта Октябрем. *Перевел А. Кронгауз*
Мельник. *Перевел А. Кронгауз*
Сердце друга. *Перевел А. Кронгауз*
«По сторонам смотрю...» *Перевел Д. Голубков*
Отчего поседела моя голова. *Перевел Д. Голубков*
О любви. *Перевел Д. Голубков*
Скромный человек. *Перевел А. Кронгауз*
Рождение. *Перевел А. Ревич*

Константин Ломиа
Красная площадь. *Перевел Г. Абрамов*
Теплый город. *Перевел А. Кронгауз*
В рядах москвичей. *Перевела В. Тушнова*
Поток любви. *Перевел А. Кронгауз*
Земляки. *Перевел А. Кронгауз*
Ответное письмо. *Перевел Ю. Островский*
Синее море. *Перевел А. Кронгауз*
Гости Сухуми. *Перевел А. Кронгауз*
Необыкновенный день. *Перевел А. Кронгауз*
Черное море. *Перевел А. Кронгауз*
«Образ милой зачеркнуть пытался...» *Перевел А. Кронгауз*
Горький на берегу Кодор-реки. *Перевел А. Кронгауз*
Дмитрию Гулиа. *Перевел А. Кронгауз*
Голос матери. *Перевел А. Кронгауз*
Колыбельная. *Перевел А. Кронгауз*
Любовь к родине. *Перевел А. Кронгауз*
«Я был разбужен...» *Перевел А. Кронгауз*
Маяковский с нами. *Перевел А. Кронгауз*
Новая ветка. *Перевел А. Кронгауз*
Формировщица чая. *Перевел А. Кронгауз*
Голос гнева. *Перевел А. Кронгауз*
Песня в эфире. *Перевел А. Кронгауз*
Мать. *Перевел А. Кронгауз*
У старшего брата. *Перевел А. Кронгауз*
Мы о любимых вспоминали. *Перевел А. Кронгауз*
Вечером на Ленинских горах. *Перевел А. Кронгауз*
На берегу Волги. *Перевел А. Кронгауз*
Московский университет. *Перевел А. Кронгауз*
Время пришло. *Перевел А. Кронгауз*
Новый год. *Перевел А. Кронгауз*
Слово о любви. *Перевел А. Кронгауз*

Киршал Чачхалиа
Вопросы и ответы. *Перевел А. Николаев*
Ночь. *Перевел А. Николаев*
Сонет. *Перевел А. Кронгауз*
Первый день. *Перевел А. Кронгауз*
Директор Миха. *Перевел А. Николаев*
Служба Чира. *Перевел А. Николаев*
Туска. *Перевел А. Николаев*
Малютка Лала. *Перевел А. Николаев*
Приезжайте отдыхать. *Перевел А. Николаев*
Сердце говорит. *Перевел А. Николаев*
Если любишь ты жизнь... *Перевел А. Николаев*
Хохлатка. *Перевел А. Николаев*
Пчела и цветок. *Перевел А. Николаев*
Зимнее утро. *Перевел А. Николаев*

«Босиком я топтал эти травы...» *Перевел А. Николаев*
«Цветы в Абхазии цветут...» *Перевел А. Николаев*
Гагра. *Перевел А. Николаев*
Ожидание. *Перевел А. Николаев*
Эх, Махаз, Махаз!.. Перевел А. Николаев
Осел. *Перевел Н. Разговоров*
Струны гитары. *Перевел А. Кронгауз*

Кица Ачба
Перевел Ю. Вронский
За мир
Русалка
В закусочной
«В нем наглости не стало меньше...»
«Она от каждого мужчины...»
«Я»

Шалико Сангулиа
Мы вернемся, Севастополь! *Перевел Д. Голубков*
О кукушке и других птицах. *Перевел Д. Голубков*

Константин Аргун
Звезды над Сухуми. *Перевел Н. Коржавин*
Мороз и солнце. *Перевел Н. Коржавин*
Я нынче любимой тебя назову. *Перевел Н. Коржавин*
Март на исходе. *Перевел Н. Коржавин*
Псырцха. *Перевел Д. Голубков*

Джота Тапагуа
Поэту Иуа Когониа. *Перевел Ю. Вронский*
Хирургу. *Перевел Ю. Вронский*

Георгий Гублиа
Перевел А. Ревич
«На воде, как мостик серебристый...»
«Темнела моря синева...»
«Ты мне приснилась...»
Вечер в селенье
Мать
Выпускной вечер
«С тоской гляжу во мрак ночной...»
«Часто заходил я к вам когда-то...»
Владимиру Харазиа
Часы капитана
Т...
Сухумская крепость
У памятника Ленину

Анатолий Аджинджал
Перевел Ю. Вронский
Однажды
Окна
Весна
Зимним вечером

Владимир Анкваб
Антипка играл па апхярце. *Перевел Ю. Вронский*
«Однажды увидав тебя...» *Перевел Ю. Вронский*
Мама, где ты? *Перевел Н. Коржавин*
Оружейная палата. *Перевел Н. Коржавин*
Гунда (По народным мотивам). *Перевел Л. Щеглов*

Борис Тужба

Перевел Н. Коржавин
Моя судьба
«Путь освещал нам свет луны...»
«Мы в детстве здесь в саду с тобою...»
«За этой черной шалью...»

Шота Чкадуа
Красная кофточка. *Перевел Ю. Вронский*
Действуй сам. *Перевел Н. Коржавин*
К невестке. *Перевел Ю. Вронский*
Одинокий. *Перевел Ю. Вронский*
«Пятнадцать лет он в трудной был дороге...» *Перевел Н. Коржавин*
Бывшему другу. *Перевел Н. Коржавин*

Алексей Гогуа
Перевел Г. Ярославцев
«Недавно мы были вместе...»
«С утра я пишу за столом в тишине...»
Поток
Другу труженику

Константин Герхелиа
Думы на поле битвы. *Перевел Ю. Вронский*
Сухуми. *Перевел Ю. Вронский*

Шамиль Пилиа
Перевел Г. Ярославцев
В саду
Первый урок
«Когда твои лебяжьи руки...»
«В небе ласточка кружится...»

Нелли Тарба
Перевела Эм. Александрова
«В чаще сада в час закатный...»
«Врозь по городу мы бродим...»
Женихи
«Мама, прошу, сбереги мое платье...»
Выпускники
Последняя арба
Кто одинок?
«Чую, мама, вижу, знаю...»
«Где ты, комната «13»...»

Илья Ласуриа
Перевел Ю. Вронский
Дерево
Где облик милый?
Воспоминание
Сердце
Памятник летчику
Памятник поэту

Платон Бебиа
Перевел Ю. Вронский
Любовь заставит
Кто виновен?
С нею но сравнится...

- **КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

Предисловие

В этой книге собраны образцы абхазской поэзии, начиная с произведений безыменных творцов устных легенд и сказаний и кончая стихами представителей молодого поколения поэтов. Абхазская письменная литература насчитывает всего немногим более полувека. Она по праву может быть названа ровесницей Октябрьской социалистической революции. Ее путь, ее творческие достижения всецело связаны с экономическим и культурным расцветом абхазского народа после победы Октября. В этом отношении абхазская литература являет собой картину, сходную с развитием литератур у других младописьменных народов СССР. И то, что такой численно небольшой народ, как абхазцы, сумел при советской власти создать за исторически короткий срок в несколько десятилетий свою национальную культуру и литературу, говорит о подлинном торжестве ленинской национальной политики коммунистической партии, о значении помощи, которую русский народ оказывал другим народам, запоздавшим в своем историческом развитии.

Абхазская литература выросла, опираясь, с одной стороны, на устное творчество своего народа, с другой стороны — творчески осваивая литературный опыт других наций, и прежде всего — опыт русского классического реализма, русской советской литературы. Абхазская литература — как национальная литература — в настоящем смысле слова начала складываться уже на путях социалистического реализма.

Ближайшим и плодотворнейшим источником средств поэтической выразительности для абхазских поэтов явился родной фольклор. Черпая отсюда образы и художественные примеры решения новых задач, которые пыдвигались уже советской действительностью, абхазские поэты стремились приспособить этот художественный арсенал для новых целей. Абхазский фольклор и сегодня представляет собой живую стихию народного творчества, оплодотворяющую и письменную литературу. Впрочем, ныне письменная литература начинает оказывать обратное влияние на фольклор. Без знакомства с устным народным творчеством абхазцев нельзя с необходимой полнотой представить себе и современную абхазскую поэзию, ее облик.

Абхазский народ, не имевший более полувека тому назад своей письменности, отстоял свой язык, сохранил памятники своей бесписьменной, самобытной культуры. В устное творчество абхазцев, являвшееся на протяжении более тысячелетия единственным выразителем их поэтического восприятия мира, входят сказки, эпические сказания о богатырях — нартах и герое Абрыскиле, легенды, мифологические рассказы об охоте, бытовые и историко-героические песни, пословицы, загадки и т. д. Среди многочисленных бытовых песен есть сатирические, хороводные, любовные и колыбельные.

Работа по собиранию и изучению художественного творчества абхазского народа усилилась после письма А. М. Горького к молодым писателям Абхазии. В этом письме (1932) говорилось:

«...Займитесь изучением народной устной поэзии, собирайте и записывайте абхазские песни, сказки, легенды, описывайте древние обряды... переводите с абхазского языка на русский. И это может много дать не только вам персонально, а и ознакомить многих людей с прошлым Абхазии».

Среди абхазских героических сказаний, дошедших до нас в большей или меньшей сохранности, выделяются: легенда о закованном в пещере Абрыскиле, нартские сказания и историко-героические песни.

Сказания о прикованном к скале или заключенном в пещеру герое или богатыре в различных вариантах известны ряду кавказских народов. У абхазцев — это Абрыскил, у грузин — это Амирани, у осетин — Амран, у армян — Мгер, у кабардинцев — это великий страдалец Насрен, прикованный к горе Ошхамахо. О происхождении этих легенд и об отношении их к греческому мифу о Прометее высказывались различные

соображения. Одни дореволюционные авторы в этих сказаниях кавказских народов видели отголосок греческого мифа (Л. Г. Лопатинский и др.). В. Ф. Миллер еще в 1883 году высказал иную точку зрения: по его мнению, сказания кавказских народов о прикованном или заключенном великане или богатыре сложились независимо от греков(1). Классик грузинской литературы Акакий Церетели в комментариях к пьесе «Медея» полагал, что древнейшие мифы о Прометее и Язоне — Медее — «дети нашего края; здесь они родились, здесь выросли и в сказках перешли через Колхиду в страну эллинов». Такое же предположение высказал впоследствии акад. Н. Я. Марр(2).

Нартские предания, занимающие выдающееся место в абхазском фольклоре, повествуют о сказочных богатырях, совершавших свои подвиги на древних землях абхазцев, адыгейцев, кабардинцев и осетин. Этот эпос очень древен. Его возникновение специалисты относят приблизительно к началу нашей эры, и с тех пор эти сказания, переходя из уст в уста, сохранялись в памяти народов, которые некогда, по-видимому, составляли более тесную этническую группировку.

Рассказы о нартах, о героях-богатырях являются специфически кавказским материалом, хотя в них используются и традиционные общефольклорные мотивы (например, коварство братьев, победы над великанами и пр.).

Ни в преданиях, ни в рассказах о нартах нет достаточно ясных указаний на конкретные исторические события, которые могли бы лежать в их основе. Рассказы эти имеют нередко фантастический характер; вероятно, они возникали еще на очень ранних ступенях развития народа и являются выражением его представлений о героизме, отличаясь этим от преданий и песен собственно исторического характера (каковы, например, русские исторические песни и рассказы об Иване Грозном, Петре I, Степане Разине и др.).

Как ни близки сказания о нартах у разных народов Кавказа, все же у каждого народа они отличаются самобытностью в разработке образов и тем. Абхазские нартские сказания до сих пор почти не освещены в научной литературе. Только за последние годы предпринята серьезная попытка выяснить своеобразие этого эпоса, описать его основные сюжеты и образы.

О популярности нартского эпоса среди абхазцев могут свидетельствовать, в частности, следующие факты. С нартской темой связывают названия отдельных местностей, некоторые пословицы и даже приветствие, обращаемое к работнику, собирающему виноград на дереве. Существует поговорка: «Героизм — порождение нарта Сасрыквы, а трусость разнесли злые духи».

В народных представлениях абхазцев о нартах в настоящее время нет уже полной ясности и определенности. Одни сказители сообщают, что нартов было сто братьев, другие — девяносто девять, иные же ограничиваются семью братьями. Все же чаще всего упоминается о сотне братьев.

Легенды повествуют, что нарты появились в Абхазии после истребления карликов — цанов. Вместе с нартами упоминаются и семиглавые великаны — адаумыжьха. Нартам пришлось выдержать с ними тяжелую борьбу. Особенно яростно сражался с великанами Сасрыква. Он шашкой рубил им головы, но всякий раз вместо отрубленной головы вырастала новая. Сасрыква, чтобы истребить их, насыпал на перерубленные шеи золу с пылающими углями, после чего головы уже не вырастали. Так великаны адаумыжьха были в конце концов уничтожены.

Среди абхазских сказаний много преданий о богатыре Сасрыкве, который добывает огонь с неба, борется с чудовищами, совершает ряд других подвигов.

Мотив чудесного рождения Сасрыквы из камня встречается и у других народов, имеющих нартский эпос. Рассказ о зависти братьев и о том, как они столкнули Сасрыкву в пропасть и тот очутился в подземном мире, эпизод о борьбе его с крокодилом (агулшапом) и спасение из пропасти с помощью орла — все это напоминает известную сказку о трех царствах.

Сасрыква — похититель огня. Этот мотив роднит его с греческим Прометеем.

Конкретизация мотива похищения огня в абхазском варианте обращает на себя внимание архаичностью. Сасрыква выстрелом сбивает с неба звезду и согревает окоченевших братьев. Умом и хитростью он побеждает великана — адау. Состязание Сасрыквы со злым адау, хранителем огня, — вариант другого популярного в древних мифах сюжета: об одолении стихии, о борьбе героя с драконом.

Выдающийся русский языковед и кавказовед П. К. Услар, касаясь нартоких сказаний у горских народов Кавказа, писал:

«Песни и сказки (нартовские), наружно разрозненные, но имеющие между собой тесную связь, образуют в совокупности целую эпическую поэму, которой в близком будущем предстоит или быть забытой безвозвратно, или — кто знает? — явиться перед образованным миром наряду с великими национальными поэмами»(3).

Л. Лопатинский предположил, что сохранившиеся нартские сказания — это «раздробленные фрагменты забытой поэмы», «Кавказской Илиады». Действительно, многое из нартского эпоса унесено временем. Но вместе с тем эпос сохранил свою основу. Общий сказочный или эпический материал глубоко национален. О внедрении эпоса одним народом в культуру других народов едва ли можно говорить всерьез. Как справедливо отмечает проф. В. И. Чичеров, в «процессе культурно-историчоских связей народов известны творческие восприятия одним народом у другого отдельних произведений; известны также факты развития и переработки того или другого поэтического образа. Но неизвестно внедрение эпоса во всем его объеме в искусство и культуру народа, которому этот эпос был чужд»(4).

В основе нартского эпоса лежит мифология тех племен, которые, развившись в народности и нации, до наших дней сохранили сказания о нартах. Древнейшие элементы нартского эпоса возникли еще в условиях доклассового общества. «Общие черты нартского эпоса, — пишет В. И. Чичеров, — не могут затушевать явственно проявляющиеся национальные особенности в его разработке. Эпос каждого народа самостоятелен и требует конкретно-исторического анализа»(5).

Абхазские сказания о нартах и Абрыскиле бытуют преимущественно в прозаической форме, но вместе с тем нартские сказания существуют и в виде эпических песен, из которых наиболее характерны «Песня о Сатаней Гуаша», «Встреча Зартыжва с Сатаней Гуаша», «Как Сасрыква приручил своего коня Араша» и некоторые другие.

Наряду с нартскими напевами в абхазском фольклоре значительное место занимают историко-героические песни и былины. Они часто исполняются с музыкальным сопровождением. Любимые музыкальные инструменты старой Абхазии — это апхярца (двухструнный смычковый инструмент) и ачарпын (свирель).

Подвиги храбрецов, защита родины, борьба за социальную справедливость — преобладающие темы старой абхазской героической песни.

Восхваляя храбрость, благородство «афырхаца»(6) и «ахаца-ихаца» (героя из героев) и проклиная «апсыбза» (живые трупы), изменников и трусливых, эпос воспитывал в людях высокие моральные качества и культивировал чувство любви к родине.

Героическая песня облетала всю страну. Далеко и быстро разносится слава о герое. Песня была самым верным средством выражения общественного мнения. Величайшей наградой для героя считалась песня, славящая его имя.

Героические песни исполнялись на сходах, свадебных пиршествах, на скачках, столь популярных в Абхазии, и на других празднествах. В песнях находят свое выражение важные события в жизни народа, отражаются его быт и психология.

Песня «О храбром Манче и красавице Мадине» рисует борьбу народа с иноземными завоевателями. В основе поэмы несомненно лежит историческое событие, глубоко запечатлевшееся в сознании народа, затушеванное с течением времени текстуальными наслоениями. Сражаясь с напавшими на его страну чужеземными завоевателями, Манча не жалея своей жизни самоотверженно защищал родину.

В абхазских эпических сказаниях и песнях мы встречаем женщин-героинь, которые,

переодевшись в мужское платье, совершают героические подвиги, мстят за своих мужей, выручают братьев и сестер из заточения. Но среди женских персонажей абхазского эпоса выделяется образ Мадины — этой нежно любящей жены, цельной и мужественной натуры, обладающей огромной силой воли и глубоко преданной народу и своему патриотическому долгу.
Песня «О храбром Манче и красавице Мадине» занимает наиболее выдающееся место среди абхазских историко-героических сказаний.
Обращают на себя внимание песни («Уазбак», «Котел цабальцев»), рисующие трагическую судьбу абхазских крестьян-махаджиров, насильственно переселенных турецкими колонизаторами в султанскую Турцию.
В циклах героических песен обычно восхваляются подвиги личной храбрости отдельных героев. В этих произведениях не видно широкого участия народа. Темой этих сказаний обычно служит защита своего села или округа от тех или иных набегов. От этих набегов, устраиваемых местными и соседними феодалами, жестоко страдал народ.
В народных сказаниях созданы ярко очерченные образы защитников крестьянства, боровшихся против произвола феодальных властителей, выступавших инициаторами набегов и других преступлений.
Излюбленными и популярными героями, боровшимися против феодальных набегов, во многих сказаниях выступают Напха Кягуа, упомянутый выше Пшкяч-ипа Манча, Аджыр-ипа Данакай, Кудж-Капыт, Кях-Хаджарат и др.
Напха Кягуа — историческое лицо, пользующееся особой популярностью среди сказителей. В «Песне о Напха Кягуа» и ее многочисленных вариантах рельефно вырисовывается образ благородного и бесстрашного защитника трудового крестьянства. Напха Кягуа мужественно отражал феодальные набеги и отличился в борьбе против жестокого князя Мазлоу, который ограбил и разорил родное село Напха Кягуа, угнав крестьян и их скот.
В труднопроходимой горной теснине Напха Кягуа подстерегает и уничтожает Мазлоу и его отряд и спасает своих односельчан. Но при этом (как и во многих других сказаниях) герой становится жертвой своей неосторожности (или, вернее, обычая, адата). Напха Кягуа оставляет живым одного из своих врагов для того, чтобы тот сообщил своим сородичам о неудачном походе и его печальных последствиях. Однако притаившийся враг стреляет в самого Напха Кягуа.
Сказание заканчивается смертью Напха Кягуа. Но образ героя, отдавшего свою жизнь за народные интересы, по оптимистическому духу самого сказания, не умирает, он становится примером подражания для остальных. В уста умирающего героя вложены мужественные, вдохновляющие слова:

Хоть жить хочу, но смертью я доволен,
Ведь я умру, победу одержав,
А это лучше, чем упасть в обрыв
Или расстаться с жизнью побежденным.

Среди других сказов выделяется историческая песня «О Кях-Хаджарате». Возникновение ее можно отнести к началу XX века, когда начались массовые выступления крестьян против произвола самодержавия и местных князей и дворян, в то время, когда революционным движением в Абхазии руководил Г. К. Орджоникидзе.
В построении историко-героических песен сказители выработали некоторые общие приемы. Зачины этих песен или поэм обычно дают общую характеристику героя, выражающую его положительную оценку, в общем точку зрения самого сказителя. Дальше, как правило, действие развертывается в таком порядке: на село или на округ нападают враги, в битве с ними герой одерживает победу, но в конце боя его ранят и он умирает, как это описано в поэме о Напха Кягуа.

Не все в народном творчестве для нас приемлемо, есть в нем сказания, утверждающие реакционную идеологию. Они возникли на основе адата. Кровная месть, безусловное подчинение жены мужу, слепое подчинение старшим, враждебное отношение к тому, что находится за околицей данного села, взгляд на соседей, не принадлежащих к данному роду, как на врагов — вот что составляет тематику этих немногочисленных преданий и песен. Ограниченность кругозора приводит к племенной и родовой ограниченности, понятия о доблести и пороке превращаются в застывшие догмы.

Как мы говорили, письменная абхазская литература принадлежит к числу молодых литератур народов Советского Союза. Буквенные начертания для абхазского языка на основе русской графики впервые составил в 1862 году известный русский лингвист-кавказовед П. К. Услар, являющийся также и первым автором грамматики абхазского языка. Абхазский букварь был издан в 1865 году.

До установления советской власти в Абхазии (то есть до 4 марта 1921 года) были изданы главным образом церковные и богослужебные книги (в том числе евангелие и псалтырь), а также несколько учебников для начальных классов, но художественная литература находилась в зачаточном состоянии.

Зарождение абхазской письменной поэзии (проза возникла гораздо позже, фактически уже в советские годы) относится к первому десятилетию XX века. Первые ее семена посеял ныне здравствующий народный поэт Абхазии Дмитрий Гулиа. Книжка его стихов, вышедшая в 1912 году в Тбилиси, заложила основы абхазской поэзии.

Дмитрий Гулиа — сын абхазского крестьянина. Его дарование всеми истоками своими связано с народной жизнью, с песнями и думами родного народа. Как поэт, культурный и общественный деятель Абхазии, Гулиа в своей творческой и общественной деятельности явился выразителем его чаяний и интересов. Эта сильная сторона Гулиа-поэта особенно полно сказалась в советскую эпоху, в годы великих социалистических преобразований в Абхазии и приобщения ее к общекультурной жизни всего Советского Союза.

Какой же круг знаний, интересов определил мировоззрение и художественные склонности поэта?

Во-первых, сама абхазская жизнь с ее национальными традициями, песнями, преданиями. Этот мир, красочный и самобытный, с героическим образом славного Абрыскила, абхазского Прометея, давал богатую пищу воображению поэта.

Можно сказать, что поэтический талант Д. Гулиа разбудили именно устные произведения народа. Живые родники устного творчества питали его поэзию, щедро наполняли ее своими образами и красками. Создавая свои первые стихи на абхазском языке, он широко использовал образы народной поэзии, ее сюжеты, ритмико-мелодический строй.

Другим значительным источником, питавшим поэтическое творчество Гулиа, были русская классическая литература и грузинская поэзия. Территориальная близость и общность исторических судеб абхазского и грузинского народов оказали влияние на развитие абхазской культуры. Поэт уже в детстве изучил грузинский язык. Еще в молодые годы он восхищался гениальным творением Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Уже в преклонных годах ои осуществил давно задуманное им дело — перевод «Витязя» на абхазский язык.

В формировании мировоззрения Д. Гулиа и его художественном развитии несомненную роль сыграло творчество таких выдающихся грузинских поэтов революционно-демократического направления, как Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели. Уже в первый, дореволюционный, сборник своих стихов он включил переводы и из грузинской литературы. В 1918 году Д. Гулиа перевел поэму А. Церетели «Воспитатель», посвященную абхазским крестьянам. Перевод этой поэмы вошел в золотой фонд абхазской литературы.

Дмитрию Гулиа были особенно близки Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели и потому, что оба они выступали глашатаями дружбы грузинского и русского народов, и Гулиа мог бы повторить слова своего современника, автора всенародно известной песни «Сулико»

Акакия Церетели: «Мы высоко ценим братство, единение и дружбу с народами России... Есть молодая Россия, с которой мы желаем идти рука об руку для осуществления национальных и общечеловеческих идеалов, которые называются братством, единением, равноправием».
На примере Д. Гулиа мы видим, как передовые представители ранее угнетенных народностей вопреки национализму местных феодалов и политике царизма, старавшегося ссорить и разъединять народы, умели находить дорогу к сокровищнице русской народной культуры и брать из нее для себя все ценное и вдохновляющее.
Эпиграфом к своей первой книге поэт избрал старую абхазскую пословицу: «Лошадь околеет — поле останется, человек умрет — слово останется». По своему содержанию первая книга Д. Гулиа делится как бы на две части — наряду с отображением тогдашней абхазской действительности немало стихов посвятил поэт исторической теме и родному фольклору. В его первых произведениях отразился круг бытовых и социально-общественных интересов, которыми в дореволюционные годы жила абхазская деревня. Здесь мы видим поэтические зарисовки жизни абхазской деревни и природы Абхазии. Примечательны стихи нравоучительные, сатирического характера. Д. Гулиа направлял стрелы своей сатиры против тех людей и явлений в дореволюционной абхазской действительности, которые являлись помехой на пути возрождения и просвещения родного народа. В стихах этого сборника нашли верное отражение чувства и мысли трудового народа, его ненависть к угнетателям, его мечты о свободе и счастье. Поэт обращается к труженикам, «работающим в поте лица», а в стихотворениях «Ходжан-ду», «Гуляка», «Хищник» он поднимается до сатирических социальных обличений. Стихи его дышат любовью к людям труда и протестом против социального гнета, проникнуты верой в лучшее будущее.
Эти мотивы в раннем творчестве Д. Гулиа несомненно явились своеобразным отзвуком нараставшей революционной борьбы. Однако поэту еще не был ясен путь, который действительно привел бы народные массы к победе над эксплуататорами. Неясна ему была тогда и необходимость революционного переустройства общества; в те годы Д. Гулиа придавал еще слишком большое значение нравственному его усовершенствованию. Первая книга стихов на абхазском языке явилась ценным вкладом Д. Гулиа и в области создания и утверждения абхазского литературного языка.
Д. Гулиа прав, когда в одном из стихотворений, отмечая свое семидесятилетие и вспоминая пройденные дороги, говорит:

Вместе с Абхазией я стоял
У колыбели нового века,
Вместе с Абхазией благословлял
Ленина — мудрого человека.

Д. Гулиа не являлся единственным писателем досоветской Абхазии. В начале 1919 года стала выходить первая абхазская газета «Апсны», которую редактировал Д. И. Гулиа. В этой газете начали свою творческую деятельность абхазские писатели С. Чанба, И. Когониа, М. Лакербай, М. Хашба, Д. Дарсалиа и другие. «Апсны» просуществовала меньше двух лет и была закрыта меньшевистским правительством. Но первая абхазская газета сделала свое дело — она объединила начинающих писателей, способствовала дальнейшему развитию периодической печати на абхазском языке, что стало возможным только после установления советской власти.
В советские годы абхазская поэзия выросла и расцвела, наполнилась новыми соками. Она стала живой веткой большого дерева советской поэзии. В абхазской поэзии окрепли и зазвучали голоса таких самобытных и разных поэтов, как Дмитрий Гулиа, Самсон Чанба, Иуа Когониа, Леварса Квициниа, Отар Демердж-ипа, Леонтий Лабахуа, Владимир Агрба, Киазым Агумаа, Баграт Шинкуба, Шалва Цвижба, Иван Тарба, Алексей Ласуриа, Алексей

и Чичико Джонуа, Сандро Сангулиа, Кумф Ломиа, Киршал Чачхалиа, Георгий Гублиа, а также поэтов самого младшего поколения: Алексея Гогуа, Нелли Тарба, Бориса Тужба, Джото Тапагуа и других.
Возрожденная коммунистической партией и советской властью Абхазия, естественно, стала для абхазских поэтов любимейшей темой их произведений. Ей посвящены лирические стихи, песни, поэмы, роман в стихах. Эти произведения рисуют живые сцены преображенного социалистическим строительством края и дают поэтические образы его новых людей.
Наряду с Д. Гулиа одним из крупнейших деятелей абхазской литературы является Самсон Чанба (1886—1937), который в 1920 году опубликовал первое оригинальное драматическое произведение «Махаджиры» и стал основоположником абхазской драматургии. С. Чанба известен также как первый большой мастер абхазской прозы, автор повестей и новелл, рисующих рождение и формирование новой, Советской Абхазии. Его перу принадлежит первое наиболее значительное реалистическое произведение абхазской литературы — повесть «Сейдык», посвященная первым годам колхозного строительства в Абхазии и изданная также на русском языке в переводе самого автора, часто выступавшего со своими произведениями на русском языке.
Из поэтических произведений С. Чанба наиболее значительны романтическая поэма «Дева гор» (1920) и «Колхозная песня».
Зародившись под влиянием революционного романтизма, творчество С. Чанба в дальнейшем развивалось на путях социалистического реализма. Лучшие произведения Самсона Чанба сильны своей живой связью с советской действительностью, глубиной характеристики героев, народностью образов и языка.
Иуа Когониа (1903—1928), один из талантливейших абхазских поэтов, начал творческую деятельность в канун установления советской власти в Абхазии. За короткий срок он создал цикл поэм и несколько десятков лирических стихотворений. Произведения Когониа явились ценным вкладом в абхазскую художественную литературу.
И. Когониа известен главным образом своими поэмами. Сюжетной основой большинства из них являются мотивы, почерпнутые из фольклора, но своеобразно обработанные. Поэзия Когониа богата в ритмическом отношении, отличается образностью, опирающейся на фольклорную поэтику.

По-настоящему абхазская поэзия возмужала после Первого Всесоюзного съезда писателей. Для советского человека характерно чувство единства с трудовыми людьми всех народов. И примечательно, что поэты небольшого абхазского народа с особенной силой ощутили и выразили широту нашего мира, чувство братской дружбы и единства советских людей всех национальностей.
Дружба народов — вот мотив, который давно и прочно, особенно в годы войны и в послевоенные годы, вошел в круг идей и образов всей многонациональной советской литературы. Много стихов посвятили и посвящают дружбе народов и абхазские поэты. Они нашли свои слова, свои образы для выражения сокровенных чувств единения всех советских людей. Характерны в этом отношении стихи Д. Гулиа «Друзья», «Человек в горах», «Новогоднее», А. Ласуриа — «Коммунистической семьей», И. Тарба — «Старший брат», В. Шинкуба — «Руставели», К. Ломиа — «Песня из Тбилиси» и другие.
Успешно работает над развитием стиха народный поэт Абхазии Д. Гулиа. Его лирика, многосторонняя, разнообразная по своей тематике, отличается глубокими поэтическими обобщениями. Характерна концовка стихотворения «Всё», которая звучит как девиз:

...Все для стихов,
для мужественных строк —
тех, что дойдут до сердца и ума...
Все для стихов —

таких, как жизнь сама!

Это не декларация, а живая страсть, реальный итог многолетней работы, давшей такие поэтические произведения, как «Партия», «О Ленине», «Пламенное слово», «Стихи о любви», «Олень» и другие. Так бывает, когда поэт соразмеряет свой голос с пульсом жизни, с дыханием современности, глубоко проникает в душу народа, остро воспринимая его мысли и чаяния, горячо любя друзей и ненавидя врагов.
Используя богатейший опыт многонациональной, и в первую очередь русской и грузинской советской поэзии, а также сложившиеся традиции молодой абхазской литературы, лучшие абхазские поэты стремятся широко «охватить» окружающий мир, вырабатывают свою творческую манеру, настойчиво ищут индивидуальные средства и приемы художественной выразительности.

Великая Отечественная война явилась суровым испытанием для Советской страны. В те трудные годы абхазские поэты работали напряженно, направляя все свои силы и стремления к одной цели — полной победе над ненавистным врагом. Многие из них, как, например, Л. Квициниа, К. Агумаа, Ч. Джонуа и другие, с оружием в руках защищали родину на полях сражений. Значительным вкладом в развитие абхазской поэзии явилось творчество Леварсы Квициниа (1909—1941). Такие его произведения, как поэмы «Шаризан» и «Даур», стихотворения, вошедшие в сборник «Новое время», получили заслуженную популярность. После окончания Литературного института имени Горького в 1937 году Л. Квициниа в течение нескольких лет был ответственным секретарем Союза писателей Абхазии. Он погиб на фронте в 1941 году.
Одним из наиболее ярких явлений абхазской литературы, посвященных Великой Отечественной войне, были стихи и рассказы талантливого поэта и прозаика Киазыма Агумаа (1914—1950), активного участника партизанского движения в Белоруссии и на Украине.
В формировании абхазской поэзии видное место принадлежит Баграту Шинкуба. Он и поэт, и фольклорист, и ученый-лингвист. В каждую из этих областей он вносит свой вклад. Лирика Шинкуба воодушевляет глубиной мысли, народностью, правдивостью вложенных в нее чувств. Он силен в эпическом изображении действительности, отличный мастер стиха.
Роман в стихах Баграта Шинкуба «Мои земляки» — значительное явление в абхазской литературе. Это — широкое эпическое полотно, отличающееся художественной дельностью, глубоким знанием жизни. В романе раскрыты высокие духовные качества рядовых тружеников колхозного села. Поэт рисует конкретные судьбы людей. Писателю удалось показать реальные конфликты, правдиво отобразить борьбу нового со старым.
В сюжет романа органически вплетается любовная линия. Главный герой романа — передовой человек нынешнего, социалистического села Дамей — любит молодую учительницу Астанду. В любви к Астанде Дамей чуток и целомудрен. За Астандой ухаживает также Сакун, в образе которого автор выводит и подвергает осмеянию «идеал» прошлого времени, тип бездельника и тунеядца.
У автора широкий кругозор. Картины, изображенные в романе «Мои земляки», получают глубокое обобщение. В них ярко выражены идеи дружбы народов нашей страны. Амзарские колхозники — это частица многомиллионного коллектива советских людей. Поэт пишет:

О том, что мощный ствол цветет,
По малой веточке мы судим!
О том, что счастлив наш народ,
Мы судим по амзарским людям.

«Мои земляки» — роман с многосложным, последовательно развивающимся сюжетом, с хорошо разработанными характерами, стройной композицией. Замечательным достижением поэта является недавно законченная им поэма «Песнь скалы».
О творческом росте свидетельствуют вышедшие за последние годы книги поэтов И. Тарба, А. Ласуриа, А. Джонуа, К. Ломиа и других. Многие их произведения нашли отклик в сердцах читателей, обогатили нашу поэзию. Это поэты разного темперамента, вкусов и наклонностей.
Стихи Алексея Ласуриа полны задора и жизнерадостности, стремления говорить «во весь голос». Следуя традициям Маяковского, а порой обращаясь и к его стихотворной форме, Ласуриа стремится сделать свой стих эмоционально насыщенным и темпераментным. Ему не чужды полемический тон, ораторско-разговорная интонация, стихи его взволнованны и задушевны.
Автор умеет и личную тему и бытовую картинку поднять до уровня общественного звучания. Невольно испытываешь волнение, читая такие его произведения, как, например, стихи о рождении дочери. Достоинством лучших стихотворений Ласуриа является то, что за ними стоит советский человек со всеми его переживаниями, думами и чаяниями. Ощущение полноты жизни исходит от его поэмы «Незабываемое».
Лучшие поэтические произведения, помещенные в сборниках стихов Ивана Тарба «С первых дней» и «Испытание», привлекают своей жизненностью, верностью действительности, яркостью поэтических образов. Он много пишет об Абхазии. Однако он не замыкается в пределах родного края. Об этом говорят стихи Тарба о Москве, о Грузии, о Волге, о Волго-Донском канале, о Цимлянском море, о труде сталеваров, горняков, рыбаков, колхозников. Рельефно выражены в его стихах темы дружбы народов, трудового подвига советских людей.
Поэмы И. Тарба «На суд товарищей» и «Испытание» рассказывают о силе любви и дружбы, проникнуты активным и горячим восприятием жизни, требовательным отношением к человеку.
В поэме «На суд товарищей», рассказывая о силе настоящей дружбы, поэт пишет:

Мы с другом честно разделить готовы
Свой хлеб и славу, порох и ночлег,
Не крепок дом без каменной основы,
И без друзей не крепок человек.
Он без друзей — как деревце в пустыне,
Ему весны нерадостен приход.
Боясь глядеть в лицо небесной сини,
Он больше существует, чем живет.

Во второй части поэмы автор развенчивает людей, ставших моральными уродами и приспособленцами, променявших свое призвание и профессию на доходные места.
Центральной темой творчества Алексея Джонуа являются наполненные пафосом созидания наши трудовые будни. Лучшие стихи его — «Песня аробщика», «Осень», «На заводе», «В кузнице» и другие — отличаются свежестью интонаций, богатством словаря, образностью.
Каждый народ вносит в общую сокровищницу культуры свои краски, свою национальную специфику. Эта специфика проявляется не только в языке, традициях, обычаях, а в самых многообразных формах жизни. Одним из видов ее проявления служат литература и искусство. Именно литература призвана познакомить другие народы с национальным своеобразием народа. Национальное богатство глубже раскрывается в таком реализме, который бы вскрывал исторические силы, управляющие движением жизни, и, как выразился Маркс, «человеческое содержание» того или другого народа.
Великих целей приобщения к мировой литературной жизни может достигнуть литература

самого малочисленного народа. Эти цели может и должна перед собой ставить и абхазская литература. Достижение их связано прежде всего с глубоким изучением самой жизни, всей советской действительности, а затем с успешным освоением опыта реалистической литературы, прежде всего русской.

В этой связи нельзя не вспомнить слова Горького, сказанные им на Первом Всесоюзном съезде писателей в 1934 году, о том, что художественная ценность произведений того или иного творца не определяется численностью народа, его выдвинувшего. Чтобы создавать художественные произведения, прежде всего требуется талант, и тут, конечно, не играет прямой роли национальность писателя и численность народа, к которому он принадлежит. Но талант — это только творящая сила. Содержание произведения определяется опытом, жизненным материалом, наконец мировоззрением писателя, идейной направленностью его творчества.

В течение ряда лет абхазская литература, как и вся советская литература, испытывала вредное влияние культа личности, зачастую приводившее к сковыванию творческой инициативы писателя, к обеднению жизненного материала. Все это ослабляло связь литературы с жизнью. И в абхазской поэзии в свое время появлялись декларативные, бесцветные, риторические стихи. Но, говоря об этом, мы не можем и не должны ни в какой мере умалять несомненных творческих достижений абхазской литературы. Многие произведения абхазских литераторов, как, например, Д. Гулиа, И. Папаскири, Б. Шинкуба, И. Тарба, А. Ласуриа и других, получили высокую оценку и заслуженное признание в самых широких кругах читательской общественности.

Абхазская поэзия — на подъеме. За последнее время в нее влились и продолжают вливаться новые, свежие, молодые творческие силы. Произведения абхазских поэтов в русских переводах становятся все более известными широким читательским массам Советской страны. Дальнейшие успехи абхазской литературы возможны лишь на тех путях, о которых говорил первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев в своей статье «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа»: «А главная линия развития состоит в том, чтобы литература и искусство были всегда неразрывно связаны с жизнью народа, правдиво отображали богатство и многообразие нашей социалистической действительности, ярко и убедительно показывали великую преобразовательную деятельность советского народа, благородство его стремлений и целей, высокие моральные качества. Высшее назначение литературы и искусства — поднимать народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма».

Настоящая антология абхазской поэзии знакомит читателя с устной и письменной поэзией абхазского народа. В ней представлены наиболее характерные образцы как национального поэтического фольклора, так и произведения письменной абхазской поэзии.

Примечания

1. Миллер Вс., «Кавказские предания о великанах, прикованных к горам», ЖМНП, 1883, стр. 107.
2. Н. Я. Марр, Кавказоведение и абхазский язык, Петроград, 1916, стр. 22.
3. П. К. Услар, Кое-что о словесных произведениях горцев. Сборник сведений о кавказских горцах, Тифлис, 1868.
4. В. И. Чичеров, Теория эпоса и нартские сказания осетин, «Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз.», т. XI, вып. 5, М. 1952, стр. 402.
5. Там же, стр. 403.
6. Афырхаца — молодец; буквально: «герой, рожденный молнией».

Х. Бгажба, К. Зелинский

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ АБХАЗИИ

- **Нартские сказания.** *Перевел С. Липкин*
  Сатаней Гуаша
  Как появились у нартов песня и свирель
  Нарты
  Как нарт Сасрыква приручил коня
- **Исторические песни и песни о героях**
  Песня об Инапхе Киагве. *Перевел С. Липкин*
  Песня о Куджбе Капыте. *Перевел С. Липкин*
  Песня о Каце, сыне Хабыра. *Перевел С. Липкин*
  О храбром Манче и красавице Мадине. *Перевел С. Липкин*
  Строки о разных воинах. *Перевел С. Липкин*
  Песня о Саатбее. *Перевел С. Липкин*
  Неудачник. *Перевел С. Липкин*
  Песня о Гудысе Смырба. *Перевели С. Мар и К. Арсенева*
  Песня о Хаджарате. *Перевели С. Мар и К. Арсенева*
  О том, как убили Чригба Салумана. *Перевели С. Мар и К. Арсенева* Котел Цабальцев. *Перевела С. Мар*
  «На побережье за Чижа Маана...» *Перевел Я. Козловский*
- **Обрядовые и трудовые песни**
  Аурааша. *Перевела С. Мар*
  Песня ранения. *Перевел Я. Козловский*
  Дзиоу. Перевел *Я. Козловский*
  Песня девушек. Перевел *Я. Козловский*
  Песня про Ажвепша. Перевел Я. Козловский
  Песня жернова. Перевел *Я. Козловский*
  Старинная колыбельная. *Перевела С. Мар*
- **Песни любовные и шуточные**
  Лирическая песня. *Перевел Я. Козловский*
  Могу ли выйти замуж за него? *Перевел Я. Козловский*
  Разговор парня с девушкой. *Перевел Я. Козловский*
  Песня юноши и девушки. *Перевели К. Арсенева и С. Мар*

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ СОВЕТСКОЙ АБХАЗИИ

Перевел А. Шпирт

- Ленин
- Песня о нашей партии
- Две жизни
- Новой жизни пою я песню!
- Рассказ вам поведаю чудный
- Аробная песня
- О том, как я навестил родственников моей жены
- Чай
- Мечта двух братьев
- Отечественная война
- Песня о советских воинах
- Песня о Хамсе
- День Победы
- Герой Махаз

- Сборщица чая Зина
- Говорит Дурипшская земля
- Песня о посеве
- О Антица! (Шуточная песня)
- Река, озарившая Сухум

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

НАРТСКИЕ СКАЗАНИЯ

САТАНЕЙ ГУАША

Идет величавая мать Сатаней,
Родившая богатырей.
Не солнце, а солнечным светом полна,
Сверкает, хотя не луна,
Проходит она по долине Кубани.

Пряла неустанно она
И нитки сучила для ткани,
Работая с буковым веретеном
(А прясло из камня на нем),
Старалась она от зари до темна
И тысячу стоп наткала полотна
Из доброго льна.

Так за день, бывало, спрядет Сатаней,
Соткет и сошьет, побелив добела,
Одежду для ста сыновей.

Однажды она неутомно пряла,
Прилежно белила холсты,
Потом она долго вдоль берега шла,
И там, где темнели кусты,
Почуяв к полудню усталость,
Разделась она догола,
В чем мать родила.

Она ветерком наслаждалась,
А тело струило свой свет,
Подобное только что снятому сыру,
А тело струило свой свет,
Как солнце, желанное миру.
Когда же в прохладную воду вошла Сатаней,
Еще оно стало нежней.

В тени, на другом берегу,
Лениво жевали траву на поемном лугу
Спокойные нартов быки.
И, нежась в прохладе реки,
Увидела их Сатаней.

Сказала: «Да, это пастух моих ста сыновей,
Я так ему рада!»

Лежал и храпел среди стада
Зартыжв: он у нартов служил пастухом.
На камне лежал он сухом,
Лохматые брови касались травы;
Как взвихрит их ветер Кубани с востока —
Достигнут они головы,
Раскроются очи широко...

«Зартыжв! Ты ли это, Зартыжв?» —
Кричит пастуху Сатаней издалека.
Проснулся от крика пастух,
Нависшие брови раздвинул,
И берег он взглядом окинул,
И зренье напряг он и слух.
И что-то, что ярче дневного светила,
Ему озарило глаза,
И словно гроза,
Его оглушив, ослепило.

«Какое же диво средь белого дня
Сильнее, чем солнце, меня озарило,
Потом ослепило меня?» —
Сказал он, и, встав перед стадом,
Глаза он спросонок протер,
Внимательным взглядом
Окинул простор,
Увидел: лежит Сатаней на спине,
Купается, нежась в кубанской волне.

Пастух задрожал,
Горячая кровь закипела,
По телу огонь пробежал —
И вспыхнуло тело.
Горит его плоть, его дух.
Что делать? — спросонок поймет он едва ли!
Колеблясь вначале,
Хотел он. чтоб яростный пламень потух,
Но даже здоровый и сильный пастух
Не может быть страсти любовной сильней.
И вот он воззвал к Сатаней:
«Не ты ли кричала сейчас?
Не мне ли кричала сейчас?»

А надо, правдивый слагая рассказ,
Сказать, что давно не смыкала очей,
Что много ночей
Уже не спала Сатаней,
Пылала, томилась,
К Зартыжву стремилась...

Услышав Зартыжва слова на другом берегу,
Ответила: «Я не солгу,
Да, да, я кричала,
Тебе я кричала,
А что я кричала, — отсюда сказать не могу,
Ко мне переправься сначала!»

Душа пастуха затряслась:
«Не знаю, что делать, Кубань разлилась,
Боюсь, что в реке утону.
Куда ты прикажешь, пойти я готов,
Но страшно пойти мне ко дну».

«Эх, жалкий пастух бессловесных быков!
Когда до тебя снизошла я,
Ты сделаться мог бы, служить мне желая,
Немного смелей!»
Так молвив, как солнце светла,
К воде повернулась лицом Сатаней,
И к берегу, плавно качаясь, она поплыла.

От этого сердце забилось пастушье,
Он вздрогнул, объятый огнем.
Ужели то было не явью, а сном?
Зартыжв, на свое рассердясь малодушие,
Оперся на палку сперва, а потом
С размаха в бурлящую ринулся воду.
Зартыжва ко дну потянула волна,
Не дав ему ходу,
На берег отбросила, разъярена.

Проснулась в нем новая сила,
Он бросился в воду, надеясь Кубань обуздать,
Но снова Кубань пастуха не пустила,
На берег отбросив опять.
Все жарче волнуется кровь.
Собрав напоследок и мощь и отвагу,
На палку оперся он вновь,
В бурлящую бросился влагу, —
Упал на корягу.

Одевшись уже, в это время у края земли
Гуаша стояла вдали
И думала думу, смотря на беднягу:
«Что сбудется с ним? приплывет ли ко мне,
Иль гибель найдет он в кубанской волне?»

Когда убедился пастух молодой,
Что с бурной не сладит водой,
Что в сон превращается явь,
Он крикнул: «Доплыть не дает мне поток!

Ты юбку из барсовой шкуры поправь,
Затем подними ты платок,
Ты шею свою обнажи,
Свой облик ты мне покажи».

Исполнив желанье Зартыжва, она
К нему повернулась лицом,
Во всем обаянье представ перед бедным пловцом,
Сияя, как солнце, блестя, как луна,
Спросила: «Вот так ты хотел?»
Он молча и страстно глядел
И крикнул: «Идет, эй, идет!»
И, жаркую силу свою напрягая,
Направил в гуашу стрелу, и стрела
Пустилась в полет,
Как молния грозно сверкая,
И небо и землю она потрясла,
И громом взгремела от края до края,
И тучей нависла, живое пугая.

За камнем огромным Гуаша укрытье нашла.
От страха тряслись ее плечи.
Но в камень вонзилась мгновенно стрела
И высекла образ на нем человечий.
Вновь стала долина тиха и светла,
Вблизи и далече.
Гуаша тот камень кругом обошла,
На той стороне, где вонзилась стрела,
Увидела образ она человечий.

Поняв, что пред нею таинственный знак,
«Я выдолблю образ, его унесу я домой», —
Решила Гуаша, но крикнул ей так
Пастух молодой:
«Поможет тебе лишь кузнец Аинар,
Чей мощен удар.
Клещи у него вместо левой руки,
А молот ему — вместо правой руки,
Нога ему стала служить наковальней,
И чтут его близкий и дальний».

Гуаша пошла, кузнеца привела
На берег, где в камень вонзилась стрела.
К огромному камню присел Аинар,
Явил он уменье и дар:
И правой рукою и левой рукой
Три дня проработал кузнец,
И вот наконец
Из камня он выдолбил образ людской.

Он каменный образ вручил Сатаней,
И молвил он ей:

«Когда этот витязь родится на свет,
Родит жеребенка-араша(1) кобыла,
Которой владеет сосед.
В коне будет страшная сила,
Погибельная для людей.
Чтоб ярость людская его не убила,
Обязана ты, Сатаней,
Того жеребенка спасти:
Для нарта, который родится на свет,
Другого такого коня не найти.
Прими мой совет».

Из камня был выдолблен образ людской.
Под мышку его положив, Сатаней,
Пошла с ним домой.
Гуаша, родившая богатырей,
Таила в тепле, чтоб не видел народ,
Носила его круглый год.

---

1 Араш — сказочный конь.

КАК ПОЯВИЛИСЬ У НАРТОВ ПЕСНЯ И СВИРЕЛЬ

Хотите вы знать, как у нартов возникла свирель
И песнь, о которой не знали досель?
У нартов был брат Кятаван.
Охотником был он отважным и метким стрелком.
Долины прошел он пешком,
И брал он легко, быстроногий,
Вершин высочайших отроги.
Был многим охотник знаком,
Но слава его лишь тогда загремела,
Тогда лишь высокий обрел он удел,
Когда он впервые запел.
Вот так началось это дело.
Случилось, что нарт Кятаван
Пошел на охоту в погожий денек,
Сказал, что вернется в назначенный срок.
Стреляя, забрел он в глухие края,
Где дичи была благодать,
Но в ногу ужалила нарта змея,
Он стал умирать.
С трудом он дополз до реки, чуть живой,
Он к дереву жаркой прильнул головой.
Дрожа, обжигая кору,
Пылая в недужном жару,
Услышал он голос как бы за листвой:

«Скажи, Кятаван, что с тобой?
Ты лучшим из нартов считался всегда,
Ужели теперь ты погибнешь бесславно?

Взгляни-ка сюда:
Огромные бревна уносит вода,
Тебя же поднимет подавно!
Садись на бревно, для воды не тяжел,
Домой поплыви ты дорогой речною».

Тот голос в сознание нарта привел:
«Да что это вправду со мною?
Пора мне вернуться давно!»
И в реку свалил он бревно.
И сам на бревне он уселся с ружьем за спиною
А рядом сложил он убитую дичь.
Звенел в его сердце таинственный клич,
И вот на бревне по реке
Поплыл он, поплыл понемногу,
Все время во влажном держа холодке
Распухшую ногу.

Почуяли братья тревогу,
Стоят и глядят: не покажется ль брат?
В назначенный срок не пришел он назад!
Один из них вышел тогда на дорогу,
А нарт Кятаван по реке, на бревне,
Уже приближался к родной стороне.
Боясь, что, теченьем влекомо,
Бревно уплывет мимо дома,
На помощь позвал он, от боли совсем ослабев,
И голос протяжный звучал, как напев:
— Уа, рарира, райда, раша!

Услышала крик Сатаней:
«Эй, кто-то плывет,
Да это же брат вас на помощь зовет,
О дети, спасите его поскорей!»
Тут нарты к реке побежали стремглав.
Бревно повернулось, лежало уже на мели.
«Скажи, Кятаван, что с тобой?» — закричав,
Пошли и на берег пловца понесли.
Увидели: весь он распух.
«Скажи, Кятаван, что с тобою?» —
«Пришла моя смерть, я ужален змеею,
И гаснет мой дух».

Домой понесли они брата в печали,
Потом человека послали
За мудрой седой старухой.
Она ведь людей исцелила немало,
Она от болезни любой врачевала.
Недуг Кятавана узнав,
Старуха присела к больному
И свой заговор повела по-чужому:
— Хути, хути, уалкватас! —

И дуть начала на распухшую ногу:
«Вставай-ка сейчас,
Ступай-ка к порогу!
Где дело твое, там дело мое.
Где тело твое, там тело мое.
Ашихва абзыки заикуку,
Язык — к языку, язык — к языку.
Охотник распух от змеиного жала,
Я опухоль сдуну, чтоб жить не мешала.
Подую, подую на кожу твою,
Змеиною кровью омою змею,
Омою стрелка человеческой кровью, —
Вернется к здоровью».

Страдал Кятаван. От недуга совсем ослабел он.
Слова повторял он, которые пел он,
Когда его вниз уносила вода:
— Уа, рарира, райда, раша! —
Вполголоса братья ему подпевали тогда,
Они полагали,
Что песня от боли спасет, от вреда,
От горькой печали,
И вторили брату, желая развеять болезнь:
— Уа, рарира, райда, раша! —
С тех пор среди нартов рожденная песнь
В народе жива.
Поэтому нет у абхаза
Ни песни, ни сказа,
В которых не слышатся эти слова:
— Уа, рарира, райда, раша!

* * *

Узнайте о том, как тростник-ачарпын
Стал музыкой нартских вершин и долин.
В горах Кятаван находился со стадом.
Жарой истомленный дневной,
На камне прилег он с овечками рядом,
Сморил его зной.
Когда погрузился он в дрему,
Во сне головою поник.
Рассыпались овцы по лугу большому,
Ломая тростник:
То был ачарпын, только здесь он и рос!
Тут кто-то над спящим слова произнес:
«Эгей, Кятаван, что с тобой, нартский брат?
Заснул, головою не вертишь,
Не жди ты, пока твои овцы съедят
Все то, чем себя обессмертишь!»
Вскочил Кятаван, посмотрел на овец:
Ломают, едят ачарпын.
Все заросли съедены были вконец,

Остался лишь корень один.

Вбежал он в средину, овец разгоняя,
Он срезал тот корень пастушьим ножом,
И долго стоял, озираясь кругом,
Что дальше с ним делать не зная.
Внезапно схватил этот корень баран,
Но дернул рукой Кятаван,
Чтоб корень барану тому не достался.
На корне зубов отпечаток остался,
Когда он сломался,
И сдавленным верхний конец оказался.
Подул в этот полый тростник ветерок, —
Пройти не сумел он, хотя и пытался,
Но чудные звуки оттуда извлек:
Пленительный голос раздался.
Был нарт Кятаван поражен.
Ножом понадрезав с обеих сторон,
Он дунул в ту дудку, что стала свирелью,
Пастух заиграл в первый раз,
И песня его разлилась по ущелью.

С тех пор на свирели играет абхаз,
И песня о нартах великих звучит величаво,
И в мире бессмертна их слава.

НАРТЫ

Могучие витязи жили в давнишние дни,
Великими нартами их нарекли в старину.
Абхазами были они,
Абхазов они населяли страну.
Они были статны, стройны,
Отважные, рослые эти сыны
От матери были одной рождены.
Когда они, голову локтем своим подпирая,
Лежали на ложе простом,
То кошка могла бы большая,
Со вздыбленным, пышным хвостом,
Пройти между локтем и станом свободно.
Так были они сложены благородно:
Тонки были в поясе, в бедрах крепки,
В плечах широки.
Увидев их, очи закрыл бы ты сразу,
Невольно боясь, чтобы не было сглазу.

Восславим их бранных одежд красоту!
Кинжал волосок разрезал на лету,
Как прутья, сгибались их сабли стальные,
Кружились их бурки, как их скакуны вороные,
Порхали папахи, подобно семье голубей,
Когда в архалуках, в черкесках нарядных,

В доспехах, что солнца светлей,
Садились они на коней
Могучих и ладных.
Кольчуги имелись у нартских мужей
Для славных походов, для битв беспощадных,
Составленные из колец,
Ни сабель удары, ни пули свинец
Им не были в битве страшны.

Воспитаны были Елхвызами эти сыны,
Все, кроме Сасрыквы, из камня рожденного сына.
У честных Елхвызов и нартов все было едино:
И радость и горе делили друзья.
Такой была нартов семья:
Прекрасная мать Сатаней,
Родившая богатырей,
Сто братьев с единственной Гундой-сестрой,
Чья прелесть блистала зарей.
Был старшим воинственный Сит,
Был младшим Сасрыква, из камня рожденный, —
Его не страшили, молва говорит,
Свинец раскаленный, булат закаленный.

Из камня они воздвигали дома.
Трапезный покой был просторен весьма,
Был погреб гораздо просторнее винный.
Закопаны были большие кувшины,
А самый большой звался Вадзамакят.
Вино из него, говорят,
Одни лишь могучие пили мужчины.
У нартов искрилось вино,
И всех одаряло оно
Огнем и прохладой.

Усадьбы у нартов за каменной были оградой,
Украшенной тонкой словесной резьбой.
Тех надписей странен язык неизвестный,
И тайны словесной
Еще не раскрыли ни свой, ни чужой.

С открытой душой
За правду боролись отважные братья,
Повсюду карая неправду и зло,
Откуда б оно ни пришло,
Без всякого лицеприятья.
Не шли они в бой напоказ,
Они воевали для славы, для чести,
С обеих сторон охраняли Кавказ
От злобы и мести.

Гора иль долина, полночная тьма или рань, —
Не делали нарты различья.

Исполнены были величья,
И там они жили, где Бзыбь и Кубань
Текли то светлы, то суровы.
У них были кони и овцы, быки и коровы,
И нартскою меткой отмечены были стада.

Врагов человечества нарты карали всегда,
Владык, притеснявших и грабивших бедных людей.
Противен был нартам злодей,
Что алчно смотрел на богатство народа,
И скот угонял, и терзал стариков и детей, —
Была ненавистна им эта порода.
Все знали, какая у нарта природа:
Со злыми он злой, а с хорошим — хорош,
Со взрослыми — взрослый, с младенцем — ребенок.
Охотно ты с ним разговор поведешь,
В беседе остер он и тонок.

Известно, что витязи нартской земли
Любили свои табуны и стада,
Что каждое стадо отдельно пасли,
Что зорко животных своих берегли,
Чтоб не было им никакого вреда.
Коней охранял, их броня и защита,
Пастух Уахсит, сын отважного Сита.
Мужи, не жалея труда,
Особенно зорко следили за стадом овечьим,
Чья шерсть одеяньем была человечьим.
Мы скажем о Куне, о нарте еще молодом, —
Следил он за мелким рогатым скотом.
Быков охранял Кятаван, а коров — Атлагуца.
Мы нартов других упомянем потом,
Пусть мирно стада их пасутся!

Когда храбрецы уходили в поход,
Воюя со славой вдали,
Тогда их соседи стада стерегли,
Затем, что имуществом нартов владел и народ.
Стада ежегодно давали приплод,
И было обычаем нартского рода
Десятою частью приплода
Владыку лесов одарять,
И гордо шумела обитель лесная,
Домашних животных назад принимая,
Чтоб вольными стали опять.
У нартов, длиною в их каменный дом,
Была из железа скамья.
На это сиденье семья
Садилась, довольная честным трудом,
Всегда старшинство соблюдая:
Сит — первый, Сасрыква — на самом конце,
А солнце сияло на чистом крыльце.

У нартов стояла витая
Железная коновязь: к ней
Привязывали богатырских коней, —
Сто веток — и сто скакунов.

У нартских сынов
Стрела не летела впустую ни разу,
Мишень подчинялась их зоркому глазу,
Но младший, Сасрыква, в те давние дни,
Из лучников метких был самым умелым:
Куда он приказывал стрелам,
Туда и летели они.
На голову матери птичье яйцо
Сасрыква, бывало, поставит,
Посмотрит он матери милой в лицо,
Стрелу поточнее направит,
И вышибет это яйцо, не задев волоска.
Да, более меткого в мире не знали стрелка!

Охота доставила витязям славу,
Она им была не в забаву,
Не знали привычки они за собой
С пустыми руками вернуться домой.
Прельстить их нельзя было мелкою дичью:
Бывало, породу помилуют птичью,
И зайца, и даже лису;
Но зубров, оленей — большую добычу
Всегда настигали в лесу!
Сестру свою Гунду, коль верить рассказам людей,
Кормили охотники мозгом костей.

Вели с великанами нарты войну.
Ужасное бедствие ту постигало страну,
В которую, быстрой добившись победы,
Врывались враги-людоеды.
Они отбирали добро и стада,
И жен и детей угоняли всегда,
В рабов превращали свободных людей
И ели, как лакомство, мясо детей.
Но храбрые нарты, с отвагой нагрянув,
Громили убийц-великанов,
Преграду при этом сломав не одну,
Несли они гибель злодейскому роду!
Рабам, что в живых оставались в плену,
Они возвращали покой и свободу,
Они возвращали родную страну.
Наверно, за это с почтеньем и лаской
О нартах в стране вспоминают абхазской.

КАК НАРТ САСРЫКВА ПРИРУЧИЛ КОНЯ

«Да что ты напрасно волнуешься, мать,

Уж я ли коня своего не найду!» —
«Сыночек мой, дай мне хоть слово сказать, —
Твердит Сатаней, — я скажу и уйду.
«У нартов родился братишка меньшой,
И вот уже начал он с первого дня
Искать скакуна с богатырской душой,
А мать не дала мальчугану коня», —
Так будут соседи порочить меня.
А ну, оседлайте коня поскорей,
Чтоб лучшим он был из могучих коней, —
Людей посылает в табун Сатаней, —
Коня под седлом приведите сюда!»

Горячий, добротно оседланный конь
Предстал пред младенцем Сасрыквой тогда.
Сасрыква вскочил на него, как огонь,
«Эй, чоу!» — вскричал, отделясь от земли,
Но тщетно: под тяжестью нарта не мог
Скакун управлять четверицею ног,
И в землю они по колено вросли.
Воскликнул Сасрыква, слезая с коня:
«Наверное, скажут и свой и чужой:
— У нартов родился братишка меньшой,
И лошадь попортил он с первого дня!»

«Сынок, если вправду, — ответила мать, —
Коня своего ты решил отыскать,
Уздечку ты на руку, мальчик, повесь,
Чтоб люди подумали: видимо, здесь
Ему ни один из коней не под стать...
Ступай же, из камня рожденный на свет,
Ты крикнешь — и ржанье услышишь в ответ».

Сасрыква с уздечкой на крепкой руке
Пошел — и увидел коня вдалеке.
«Эй, Бзоу, — вскричал, — ты из тех лошадей,
Которые, слышал я, губят людей?
Скажи, почему? Иль твой жребий тяжел?»
Со ржанием Бзоу к нему подошел
И начал ласкаться к нему головой,
Уже принимая свой новый удел...
Сасрыква уздечку на Бзоу надел,
И вместе они возвратились домой.

Выходит Гуаша, сияет светло,
Железное сыну вручает седло.
Сказала: «Соратника-друга храня,
До балки железной расти ты коня».
Ликуя, заржал, встрепенулся скакун,
Железного бруса коснулся скакун.
«Корми его сталью», — сказала она
И сталью кормить начала скакуна.

Насытился Бзоу железной едой,
Увел скакуна богатырь молодой.

А нартов семья, как всегда поутру,
Затеяла, плотно покушав, игру,
Мечами, кольчугами громко звеня.
«Эй, братья, смотрите, что скажете вы:
Ведет за уздечку большого коня
Малюточка ростом не больше травы!»

«Откуда ты, миленький? Чей ты сынок?» —
«Великие нарты, какой в этом прок, —
Пустые слова говорить невпопад?
Вы знаете сами: я — младший ваш брат!» —
«Ты умным решил показаться, малыш,
Заважничал, нартам великим дерзишь!
Иль нам не известно, кто младший наш брат?
Смотри, самый младший высок да усат!» —
«Я — младший ваш брат, хоть покуда безус.
Вы, значит, не верите в наше родство?
Эй, Бзоу, мой конь, подожди, я вернусь,
Есть дело, — я мигом исполню его».
Воскликнул Сасрыква, а был он горяч,
До коновязи добежал он бегом,
Схватил одного из коней и, как мяч,
Легко перебросил коня через дом,
Потом подбежал он с другой стороны,
Коня подхватил и поставил назад.
Со страхом глядят на него скакуны,
Не веря глазам своим, нарты глядят!

Вот так девяносто я девять коней
Подбрасывал маленький сын Сатаней,
Подхватывал, бережно ставил назад.
А нарты в тревоге, в смятенье молчат.
«Увы, не к добру это», — вымолвил Сит.
Хабжноу: «Нам, братья, опасность грозит».
А Хныш: «Это морок волшебный возник!»
Гутсакиа крикнул, остер на язык:
«О нарты, напрасно мы бедствия ждем.
Чего мы дрожим? Иль не ведомо нам,
Что витязь не надобен нартским коням,
Чтоб сделать прыжок через каменный дом?
Ужели мы к нашему, нарты, стыду
Мальчишке присвоим у всех на виду
Отвагу, которую конь проявил?»

Тут Бзоу заржал изо всех своих сил,
Как будто сорвать он задумал звезду.
Стерпеть не желая обиды такой,
Изрыл он бугристую землю ногой,
Стремительным гневом он был обуян,

И пар из ноздрей превратился в туман.

Воскликнул Сасрыква: «Готов я опять
Вам силу и удаль свою доказать!»
На Бзоу вскочил он. Все стали смотреть.
Стальной молоток заменил ему плеть.
Скакун, словно ястреб, внезапно исчез, —
Не в поле исчез, а в пространстве небес!
Хотел он разбить своего седока
О своды небес, где лазурь глубока,
Но только небесной достиг вышины, —
Под брюхо седок соскользнул со спины.
Хотел он о землю разбить седока, —
Тот на спину вспрыгнул, сжимая бока.

Хотел он разбить седока о закат, —
Тот спрятался справа, отвагой богат.
Хотел он разбить седока о восход, —
Тот, спрятавшись слева, помчался вперед.
От ярости грива и челка взвились,
Вновь Бзоу на синее небо взлетел:
Как видно, скакун разъяренный хотел
Разбить седока о лазурную высь,
Но поднял Сасрыква стальной молоток,
Ударил по темени Бзоу седок,
На землю посыпались искры огня,
Тогда потемнело в глазах у коня,
Тогда закружилась его голова,
С бугристой землею слилась синева.
Простился мгновенно скакун с высотой,
Скатился он падающею звездой.
Упал на Эльбрус, ослабев на бегу,
Распластался брюхом на горном снегу.
Осталась там выемка с этой поры,
Навек раздвоилась вершина горы.

Седок на мгновение передохнул,
Стальным молотком троекратно взмахнул, —
И спрыгнул скакун его к нартам во двор.
Сошел невредим бесподобный седок.
С тех пор как покинул небесный простор,
Он вырос на локоть и целый вершок!

Тогда в удивление нарты пришли,
И стали шептаться, и стали смотреть:
«Эй, мать, почему притаилась вдали?
Кто ныне пред нами? Приди и ответь!
Мы видим в нем нартского нрава черты,
Мы видим: в нем нечто оставила ты,
Но знаем, отец наш — бессильный старик,
Сто лет возле печки он греться привык,
Беспомощным стал он и дряхлым слепцом,

Не может он быть мальчугану отцом.
За дерзкие речи прости нас, о мать,
Но чей это сын? Соизволь нам сказать!»

«О славные нарты! Умру я за вас,
Но вам от стыда не придется краснеть.
Тот маленький брат, что пред вами сейчас,
Воистину нарт, и запомните впредь:
Уж если отвагой он вас не затмит, —
Ни в чем не уступит, в бою знаменит!
Ваш брат сотворен не из плоти людской —
Из камня возник над Кубанью-рекой.
Был высечен образ его на скале.
Я жарким железом кормила его,
Расплавленной сталью поила его,
Увидите, дети: на этой земле
Прославится юная сила его!

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ И ПЕСНИ О ГЕРОЯХ

ПЕСНЯ ОБ ИНАПХЕ КИАГВЕ

За врагами следил он с вершины горы,
Разжигал на долине пастушьи костры,
Разводил он порою в пещере очаг,
Этот Ипапха Киагва, смелых вожак.
Вот однажды на туров, в ночи без луны,
Он охотился с Нигуха, с братом жены.
В эту ночь налетели грабители с гор
И в селенье его учинили разор.
В эту ночь неспокоен был Киагвы сон,
Все кряхтел, да вздыхал, да ворочался он.
Полусонный, он кинулся к спутнику вдруг:
«На вершину взберись-ка ты, Нигуха-друг,
На равнину взгляни, — не стряслась ли беда?»
Тот пошел, на вершину поднялся тогда,
Глянул вниз, — видит пламя во мраке ночном,
Все родное селенье объято огнем.

Возвратился в пещеру, прилег он опять,
Не решился он Киагве правду сказать:
«Ты всегда волновался, как был молодым, —
Тот же нрав у тебя, хоть и стал ты седым.
Друг мой Киагва, спи до рассветной поры!
На равнину взглянул я с вершины горы,
Там спокойно, лишь стелется синий туман».
Молвил Киагва: «Нет, это слово — обман!»
На вершину взобрался охотник седой,
На равнину взглянул он с вершины крутой,
Видит: небо в огне и селенье в огне...
«Что же правду, мой друг, не поведал ты мне?
Испугался ты, видно, что Киагва стар,

Что не сможет ответить врагам на удар,
Испугался ты, видно, что вражеский сброд
Над моей сединой издеваться начнет!
Если сможешь догнать, ты меня догоняй,
А не сможешь, — хотя бы мой след не теряй».
Это слово смельчак произнес горячо.
Он повесил кремневку свою на плечо.
Он помчался как ветер и скрылся из глаз.
Вот бурливая Бзыбь перед ним разлилась.
Перешел он ее, словно мелкий родник.
Перед Киагвой кряж неприступный возник.
Он взобрался на кряж, оглянулся кругом, —
На грабителей, мнилось, низринулся гром.
Убежали грабители за перевал,
Но окликнул их Киагва, властно позвал:
«Назовите себя, разорившие нас!» —
«Что ты, путники мы, в поздний странствуем час,
Только с Киагвой можем вести разговор» —
«Говори же: я Киагвой был до сих пор,
Встань, чтоб видел тебя, если впрямь ты не трус
«Что ты, я ли тебя одного побоюсь?» —
Так воскликнул грабитель, на камень вскочив.
«Получай от меня, если ты не труслив!»
Грянул выстрел, и в лысину пуля впилась, —
Не в того, а в другого, что рядом стоял.
«Эй, откуда кремневка такая взялась?
Из нее, видно, раньше горохом стрелял?» —
«Ты попробуй горох, мой горох неплохой!» —
Грянул выстрел, — второй уничтожен злодей.

«Наконец-то вы поняли, кто я такой,
Так верните наш скот, и добро, и людей!» —
«Потеряли мы двух, а не стали слабей, —
Может, пали случайно от пули твоей!» —
«Если так, — уничтожить я вынужден всех,
Я уверен, что ляжет на вас этот грех.
Кто мужчина из вас? Выходите вперед,
Потому что черед и для вас настает!»

Он стреляет в упор, убивает подряд, —
Кроме трех, уничтожил он целый отряд.
Он троих окликает: «Проклятые вы!
Не убью вас, — годитесь в глашатаи вы!
Известите людей, и чужих, и своих:
«Все погибли от Киагвы, кроме троих,
Мы же, трое, убили его наповал», —
Так стреляйте в меня», — он злодеям сказал.
Встал на камень пред ними охотник седой.
«Нет, бессмертен ты, Киагва, славный герой», —
Так ответили трое с вершины скалы
И кремневок своих опустили стволы.

«Мне не нужно глашатаев робких таких», —
Он сказал и убил из кремневки двоих.
«Ну, а ты, — крикнул третьему, — как тебя звать?
Ты последний, хочу твое имя узнать».
Тот ответил: «Я — Чич, и гнетет меня стыд». —
«Не убьешь ты меня, — сам ты будешь убит,
А убьешь — невредимым вернешься назад». —
«Я стрелял бы, но жуток и страшен твой взгляд.
Отвернись, чтоб моя не дрожала рука:
Не привыкла в такого стрелять старика».

Старый Киагва стал к супостату спиной,
И тотчас обожгло его пулей стальной.
«Ну, теперь ты не бойся, вернешься домой,
Обо всем ты расскажешь врагам и друзьям,
Ну, а что рассказать, — верно, знаешь ты сам.
Не оставь мертвецов на съедение псам,
Уходи ты отсюда нагорной тропой,
Можешь всем говорить, что убит я тобой».
С песней двинулся Киагва старый домой,
От неволи он спас изнуренных людей, —
Никому не поведал о ране своей.
— Уа, райда, райдари, — звенит за горой, —
Райда, Инапха Киагва, славный герой,
Из героев — храбрец, из отважных — смельчак!
Где бы ни был в ущелье пастуший очаг,
Где б ни пелись охотничьи песни в горах,
Где б ни падал от меткого выстрела враг. —
Всюду славили Киагву, правде верны,
Как защиту народа, твердыню страны.
Надвигалась беда на отеческий край —
Восклицали: «О Киагва славный, спасай!»

Для кого была голень оленья, что кол?
Кто из ребер оленьих ограду возвел?
Кто и в старости бегал быстрей, чем олень?
Чья кремневка всегда попадала в мишень?
Чья большая ладонь, широка и смугла,
Для ружейного пороха меркой была?
Кто мизинцем вгонял пулю меткую в ствол?
Кто бы целое войско в смятенье привел?
Это Инапха Киагва, храбрых вожак,
Невысок был он ростом, а сердцем — смельчак.

Он отсутствовал, — недруги нашей земли
И ограбили нас и селенья сожгли.
Кто, узнав о несчастье, направился в бой
Недоступной, неведомой горной тропой?
Кто отбил земляков, кто вернул их домой —
На прекрасную землю отчизны родной?
Это Инапха Киагва, славный герой!

Он смертельною вражеской пулей пронзен,
Встал, пошел, подавляя в груди своей стон.
Он о ране своей никому не сказал,
Он по горным тропам меж утесов и скал
Возвращался в крови, песню мужества пел,
Поспевал он бесстрашных и сильных удел,
Легче боль становилась от песни такой,
Эта песня душе приносила покой.
Так до сакли своей добираться пришлось
Пораженному пулей смертельной насквозь.
«Это муха», — сказал он. Решил: теплый пот,
А не кровь по уставшему телу течет.

Возле сакли героя толпился народ, —
Словно скошенный дуб на тахте он лежал,
Уа, райда, последнее слово сказал:
«Хоть и хочется жить, — смерть моя хороша.
Пусть умру, но победу узнала душа.
Это лучше, чем ночью свалиться в обрыв
Или пасть побежденным, главу преклонив».

Земляки отвечали на честную речь:
«Славный Киагва, наша защита и меч!
Тот народ, за которого пал ты в борьбе,
Никогда не забудет, герой, о тебе.
Будешь вместе с умершим всегда умирать,
Вместе с тем, кто родится, — родишься опять».

ПЕСНЯ О КУДЖБЕ КАПЫТЕ

Уа, рарира, родились они вместе
И умерли вместо, лишенные чести,
Из рода Самехва два брата-злодея!
Предательство сея, коварством владея,
Они торговали рабами открыто
И брата украли у Куджбы Капыта.
Был за море продан злодеями пленник
За множество тканей, за множество денег.

Заморским богатством их дом знаменит.
И, гневом пылая, приходит Капыт:
Им Куджба за брата теперь отомстит.
«Мне брата верните до полной луны,—
Сказал он,— и будете вы прощены».
И вот округлялась на небе луна
И полного круга достигла она.
На ум двум злодеям, двум братьям пришло:
«Две свадьбы сыграем Капыту назло!»

К ним Куджба явился, он ждет объясненья,—
Полны к нему злобные братья презренья.
Они разговаривать с Куджбой не стали:

«Скажи ему, мать, чтоб ушел он подале.
Скажи ему, мать: не увидит он брата.
Ты — наша волчица, твои мы волчата!»

Сказала волчица: «Напрасно ты ждешь.
Ты попусту деток моих не тревожь.
Пойми, что крутой у сынов моих нрав.
Они возвращать не умеют, забрав.

Их дом никогда не пойдет на ущерб.
Едва лишь луна изогнется как серп,
Богатством они наполняют свой дом.
Капыт, возвращайся ты прежним путем,
Смотри, чтоб не скинули голову с плеч,
Нужна тебе,— значит, сумей уберечь».
Ответил он ей: «Ты не мать, а волчица.
С волками я знаю как мне расплатиться:
Свой дом наполняют награбленным златом,
Я — кровью наполню, отмщу я проклятым!»
Когда округлилась луна молодая,
Своим полнолунным блистаньем блистая,
Два брата Самехва две свадьбы сыграли.
Сказали: «Мы будем плясать без печали.
Вновь станет луна полукруглой, щербатой,
И Куджба Капыт не придет к нам с расплатой».

На свадьбе богатой веселье кипит.
На пиршество тайно явился Капыт.
Неведомый гость никому не знаком,
И мелют два брата пустым языком:
«Ну, где же ты, Куджба, ну, где твоя месть?
Пришел бы ты лучше, чтоб гостем воссесть!
Бараньим наваром тебя угостим,
От жира ты станешь покорным, ручным!»
Неузнанный Куджба сидел на пиру,
Спокойно свою продолжая игру.
Он пил, веселился и день и другой,
Злодеям ответил он песней такой:

«Быть может, он еще появится,—
Зимою ночь бывает длинною.
Еще и зорька не кровавится,
Не блещет небо над долиною.
Еще Архыз(1) сокрыт за тучею,
Еще вершины тьмой завешены.
Поет Агрибза(2) песнь могучую,
Адцапш(3) бушует, грозный, бешеный.
Река полна той силы внутренней,
Что будет в ней бурлить до старости,
Она звезды не видит утренней
И землю бьет в припадке ярости!»
Неузнанный Куджба вскочил на рассвете:

«Теперь получайте, за все вы в ответе!
Где брат мой родной? Он в плену? Получайте!
За то, что терзали страну,— получайте!
За братьев, сестер, дочерей — получайте!
За слезы седых матерей — получайте!»
Двух подлых убил он, их силу развеяв,
Наполнил их логово кровью злодеев.
Погибли два волка,— согнулась волчица:
К чему ей стремиться? И чем ей гордиться?

Эй, смелые, кличет вас Куджба Капыт,—
Идите, чье сердце кипит от обид!
За Куджбою рыщет огромная рать,—
Передним отрядам небес не видать,
У войска в тылу кровь рекою течет,—
То сделал Капыт, наш герой, наш оплот.
Отвагу его прославляли вокруг,
Но Куджба погиб от предательских рук.

Был в доме Самехва, по имени Маф,
Прилежный пастух; озверев, одичав,
Всего-то и знал, что потребно стадам,
Служил он покорно своим господам.
Вступился за тех, кто свиреп и жесток,
Кто заживо душу из парня извлек.
Увидел он Куджбу на черной скале.
Два выстрела грянули разом во мгле.
Два выстрела грянули разом во мгле,
И двое скатились по черной скале.

---

1 Архыз — название местности.
2 Агрибза — горная река.
3 Адцапш — горная река.

ПЕСНЯ О КАЦЕ, СЫНЕ ХАБЫРА

«Мой сынок дорогой, пожалей ты меня,
Без тебя на земле не прожить мне и дня!
Те, кто подвигов жаждут, во прах обратятся»,—
Горько плакала мать седовласая Каца.
А глашатай взывал по селеньям окрест:
Выгоняют насильственно с дедовских мест
Землепашцев, что столько познали страданий,
Высылаются бедные люди, крестьяне.

Но жена говорит ему: «Ты не робей,
Ты не слушайся матери старой твоей.
Речь старухи — позор для крестьянского дома.
Дождь, мы знаем, идет не от всякого грома,
Не от всякого света ясна синева,
Не от всякого ветра спадает листва.

Видишь, муж мой, пора приближается злая:
Изгоняют крестьян из родимого края».

Молвил Кац: «Я готов. Нам враги не страшны».
Он с друзьями помчался к пожару войны.
Но друзья, не дойдя до огня, разбежались,—
В шалашах пастухов молоком наслаждались...

Кац ворвался в огонь, он пошел напролом,
Сам в огне боевом становился огнем!
От него побежали враги врассыпную,
Возвратил он соседей на землю родную.
Но герою погибнуть в сраженье пришлось.
Быстро люди связали носилки из лоз
И домой понесли бездыханного Каца.
Принесли, а у матери слезы струятся.

Причитает старуха: «Зачем я жива?
Можно шапку надеть, если есть голова,
Словно ливень, пройдет у жены твоей горе,
За другого, поплакав, пойдет она вскоре,
А моя неизбывна печаль и беда,
Словно осенью дождь, буду плакать всегда.
Мой сынок, мой красавец, погибший в сраженье,
О, найду ли я в славе твоей утешенье?

О ХРАБРОМ МАНЧЕ И КРАСАВИЦЕ МАДИНЕ

О Манче мы начнем слова.
У Манчи было сердце льва,
А имя было всем известно
На родине и повсеместно.
Он был неутомим в ходьбе.
Он был непобедим в борьбе.
Он был уже не очень молод,
Служил стране и в зной и в холод.
Была душа его тверда,
Что скажет — сделает всегда,
Поймаешь — путы разорвет он,
С ним вступишь в бой — тебя убьет он.
Давно сородичи его
Жену искали для него,
Но сердце Манчи все дремало,
А времени прошло немало.

Летала весть, и не одна,
Что Баалоу Мадина
Подобна дивному алмазу,
Но с ней не встретился ни разу.
Однажды возле Цебельды
Скакал он, как лучом звезды
Ее прозваньем озаренный,

Уже в молву о ней влюбленный.
Решил заехать к ней во двор,
Увидеть светлый, чистый взор
И, если суждено судьбою,
Посвататься, назвать женою.
Коня, что стал строптив и дик,
Что за год от седла отвык,
Он оседлал седлом расшитым,
Во всей округе знаменитым.
Надел он пояс золотой,
Кинжал с чеканкой дорогой,
Башлык на белый снег похожий,
Чувяки из отменной кожи,—
Такие, что носок к носку,
Повесил шашку на боку
Да пистолет, бойца достойный,
И сам — плечистый, гибкий, стройный,
Гарцуя на коне гнедом,
Неспешно свой покинул дом.
Взмахнул он плеткою горячей
И в путь пустился за удачей.

* * *

Семь братьев, а сестра одна.
Жила без горя Мадина,
Жила, не ведая тревоги,
Сырой земли не знали ноги.
Нет солнца — светится она,
Блестит, хотя и не луна,
От братьев, добрых, милых,— слова
Ни разу не слыхала злого!
Она затмила всех кругом,
Чьи косы были под платком.
К ней льнули парни-сердцееды,
Весельчаки и непоседы
К ней сватались из разных мест,
Не глядя на других невест,
И сваты со всего Кавказа
На двор съезжались к ясноглазой.
Им не внимала Мадина.
Увидев свата из окна,
Не говорила: «Едет кто-то»,
А говорила: «Едет что-то».

Однажды видит: вдалеке
К ней скачет всадник в башлыке,—
Не больше голубя, примерно,
А конь стремится плавно, мерно,
Он скачет до того двора,
Где братьев семь, одна сестра.
Ах, что за конь, какая грива,

Как приближается игриво,
Как всадник светится светло,
Как ярко вышито седло.
Все ближе конь, все ближе быстрый,
Из-под копыт взлетают искры.
Заволновалась Мадина,
В смятенье мечется она,
Взывая к братьям, чуть не плачет:
«Скажите мне, что это значит?
К нам в гости едет верховой,
Как пляшет конь под ним гнедой!
Башлык на белый снег похожий
Чувяки из отменной кожи,—
Такие, что носок к носку.
Пойдем навстречу к седоку!»

Как сердце у нее забилось!
Стремглав по лестнице спустилась
Затем, стыдлива и ловка,
Взяла коня у седока,
Коня гнедого привязала,
Дорогу гостю указала.
Шесть ярусов прошли вдвоем,
Затем на ярусе седьмом
Вошли в покой отдохновенья.
Казалось, не прошло мгновенья,
Как приготовила обед.
Семь дней сиял им чудный свет,
Смеялись, пили, веселились,
Мечтами, думами делились:
Друг другу лица и сердца
Милы, и счастью нет конца!
Чамгур, что звенел напевно,
Она взяла и задушевно
Слова заветные свои
Запела голосом любви:
«Кого ждала, о ком гадала,
Того сегодня увидала.
Не долговязый, не черныш,
Не толстомясый коротыш!
Когда б черкескою была я —
К нему приникла бы, пылая,
Когда б рубашкою была —
Его бы грудь я облегла,
Когда б я поясом блеснула —
Я б тонкий стан его стянула,
Когда б я стала башлыком —
Белела б над его челом.
Всегда была бы с ним я рядом,—
Задел он сердце жарким взглядом!»

Он подхватил напев любви:

«Навек в душе моей живи!
Не склонно сердце к многословью,
Когда оно полно любовью.
Моя царица, свет дневной,
Должна ты стать моей женой.
С другого берега, ликуя,
Тебя сюда перенесу я,
А надо — с ношей дорогой
Пойду я на берег другой.
Со мной забудешь ты про холод,
Со мной забудешь ты про голод,
В тебе увидел я жену,
Две жизни мы сольем в одну,
Моей не забывай ты речи,
Прощай — до новой, скорой встречи».

Был весел Манча-удалец,
Нашел он счастье наконец:
Судьба ему благоприятна!
Он, прежде чем скакать обратно
Гнедого поднял на дыбы,
Потом объехал все столбы,
Потом вернулся к дому снова,
Заставил он плясать гнедого.
Гарцуя, он покинул двор
И поскакал во весь опор.

* * *

С весельем в дом ввалились сваты,
И пир устроили богатый
Семь братьев и одна сестра:
Пришла замужества пора!
Семь братьев Мадину одели
В блеск золота и ожерелий
И проводили со двора,
Сказав: «Будь счастлива, сестра,
Ты — мужу лучшая награда!»
Послали вслед большое стадо.
И Манча наш не сплоховал:
Друзей и родичей созвал,
Устроил пиршество такое,
Что удивилось все живое!
В избытке — вина и еда:
Не съесть, не выпить никогда!
Вода — как лед, вода — отрада,
Из разных видов винограда
Вино там было рождено:
Искрилось белое вино,
В бочонке черное сверкало
И вкус медовое ласкало,
И обходил веселый круг

Пахучий рог, как лучший друг.

Сидели под навесом гости,
Звенела радость в каждом тосте.
Там голос запевал мужской,
Ему подтягивал другой,
Плясали там быстрее бури,
Одни играли на чамгуре,
Другие брали апхярцу
И звонко вторили певцу.
Там о невесте были речи:
«О, как сильны, округлы плечи,
Как тонок стан, как высока,
Сама — белее молока.
Кто описать походку может?
А косы? Скакуна стреножит!
А груди — пара голубей,
А голос — нежный соловей,
А кто опишет, кто расскажет,
Как рукодельничает, вяжет,
Как вышивает, а игла,
Подобно молнии, светла!
Те, от кого ушла, тоскуют,
А те, к кому пришла, ликуют.

Земля ходила ходуном,
Гремели выстрелы кругом,
Там пили, пели по-абхазски,
Кружилась юность в буйной пляске.
Народ валил пять дней подряд,
Чтоб на невесту бросить взгляд,
Сказать привет — сердечный, жаркий,
Вручить красавице подарки.
Наш Манча наконец женат.
Разъехались и стар и млад,
Разъехались друзья, родные,
Вдвоем остались молодые.

Минуло два счастливых дня.
Вдруг топот слышится коня.
Примчался всадник утром рано:
«Спеши к царю, зовет нежданно».
Оделся Манча, сон прогнав,
Сел на коня, летит стремглав.

* * *

Вернулся Манча на закате.
Пришла пора для смелой рати,
Шумит абхазская страна:
Пришла война, пришла война!
«Есть ныне важная причина,

Чтоб доказать, что ты — мужчина,
Готовьтесь, воины, в поход,
Нас храбрый Манча поведет!»
Так юноши, бодрясь, кричали,
Вздыхали матери в печали,
Душа у девушек смутна:
Пришла война, пришла война!
Светает, — не встает денница,
Дождь не идет, а сумрак длится,
Шумит Кодор в урочный срок,
Да теплый дует ветерок.

Домой в смятенье и тревоге
Вернулся Манча грустный, строгий.
«Какое горе у тебя?»—
«Пустяк»,— ответил он, любя.
Не отступилась молодая,
Всю правду выведать желая.
«Узнаешь все равно, жена,—
Сказал он,— что пришла война.
Я призван в правый бой,— сказал он,—
Расстанусь я с тобой,— сказал он,—
Мне гибель не страшна,— сказал,—
Знакома мне война,— сказал.—
Хоть войско не легко возглавить,—
Пойду, чтоб край родной прославить.
Готовлюсь я к борьбе,— сказал,—
А мысли — о тебе,— сказал.
У братьев семерых сестрою —
Единственною, дорогою —
Без горя ты росла,— сказал,—
Судьба твоя светла,— сказал.—
Тебе неведом вихрь жестокий
И слез твои не знали щеки.
Так мне ли стать причиной слез?
Тебе я счастья не принес,
Увы, достоин я едва ли
Мгновения твоей печали!»
Жена сказала: «Что с тобой?
Ты нужен,— так иди на бой.
Не думай обо мне,— сказала.—
Твой край родной в огне,— сказала.—
Иди, тебя зовет народ,
Иди, тебя отчизна ждет.
Себя ты не срами,— сказала.—
Меня ты не срами,— сказала.—
Есть лошадь у тебя, седло,
А меч достать не тяжело.
Ты приготовишь меч и сбрую,
А я — одежду боевую.
Земля отчизны — под тобой,
А за тобой — народ родной,

А рядом — храбрая дружина,
А сам ты — истинный мужчина.
Пойми, что ты счастливей всех,
Я верю, ждет тебя успех.
Будь за меня в бою спокоен:
Ты дела честного достоин.
Отвага родилась с тобой,
А если суждено судьбой,
Пойдешь ты в бой дорогой ратной,
Пойдешь — придешь ко мне обратно».

И Манчи бедная жена,
Тут заметалась Мадина,
Сложила вещи, скрыв тревогу,
Все приготовила в дорогу.
Едва взошло светило дня,
Сел храбрый Манча на коня,
С ним рядом — братья боевые,
И поскакали верховые,
Дорогу выбрали одну:
Вела дорога на войну.

* * *

Кипеньем воинского стана
Полна Гурахская поляна.
А ну, попробуй меж людей
Просунуть палец ты сумей!
И царь и войско ждут прихода
Того, чье имя — стяг народа.
Где Манча, где его отряд?
О нем повсюду говорят —
О том, кто вражьей рати страшен,
Чьей доблестью народ украшен.
Примчались триста верховых
Абхазских воинов лихих.
Отважый Манча их возглавил.
Он свой отряд к царю направил.
Столпилась боевая рать,
Чтоб слово Манчи услыхать:
«Да будет робкий обесславлен:
Ведь край абхазский окровавлен!
Ворота наши держит враг,
Посевы наши топчет в прах.
Не струсим, земляки, соседи,
Сегодня путь найдем к победе.
Нам храбрость нартами дана,
А предок страха — сатана.
Почетно умереть как воин,
Но тот прозрения достоин,
Кто упадет к врагу спиной,—
Он будет схвачен сатаной.

Умрешь как трус — сгоришь в геенне.
Умрешь героем — в упоенье
Придут красавицы, в бою
Платочком вытрут кровь твою,
Кто испугался — стой на месте,
Кто смел — борись во имя чести!»

Тут войско двинулось вперед,—
Заволновался небосвод.
Сошлись две рати на долине,
Мужчина стал лицом к мужчине.
Багровый дым одел поля,
Дышала горячо земля.
Был враг могуч и осторожен.
Вдруг, саблю выхватив из ножен,
Вздымая стяг в руке другой,
Вступил отважный Манча в бой.
Как лев, как волк ворвался в пламя,
В его руке сверкало знамя,
Вокруг сгущались дым и мгла,
А сабля молнией была,
А Манча вспыхнул, словно порох.
Казалось, на земных просторах
Бушует океан огня,
А Манча гнал вперед коня.
Гром прогремел, взвились зарницы,—
Врагов прогнал он до границы.
Семь пуль в ноге и смерть близка —
Зовет к отмщению рука.
Сказал храбрец абхазским людям:
«Эй, лишь вперед глядеть мы будем,
Разучимся глядеть назад!
Враги в последний раз грозят,
Три дня пройдет — врагов развеем,
Три дня — и в битве одолеем!»

Он звал друзей, едва дыша,
Возмездья жаждала душа.
Воителя полуживого
Из дыма вывели густого,
Из полыхавшего огня.
Войну прервали на три дня.

* * *

В четверг жене приснилось, будто
На кряже, что сбегает круто,
Она лежит, ей не вздохнуть,
Ей черный ворон сел на грудь,
Когтит ее,— ужасны муки,
И ноги связаны и руки.
Взывает к Манче: «Где мой друг?»

Но тщетно: никого вокруг,
Он далеко, не слышит милый...
Но собрала, страдая, силы,
Рванулась, вырвалась из пут:
Теперь ей помощь подадут!

Присела в страхе на постели,
А слезы сна еще блестели,
Предчувствием томилась грудь.
Могла ль она в ту ночь заснуть?
Взошла заря алее крови.
Как рассвело, ношла к свекрови.
«Чего ты, дитятко, грустна?»
Сон рассказала Мадина.
«Твой сон хорош. К чему кручина?
Видать, прошел недуг у сына.
Был ранен, и окреп он вновь»,—
Сказала Мадине свекровь.

Вдруг за стеной возникли крики,
Напев сраженья, стон великий.
Шум приближался ко двору,
И мать решила: «Не к добру».
Спросила: «С чем в жилище наше
Пришли вы?» — «С песней о бесстрашье»,
Сказали вестники сперва
И спели горькие слова:

«Манча, Манча, лучший в нашем стане,
Оросивший кровью поле брани!
Он сражался с вражьей силой ратной,
Был он утром ранен семикратно,
До полудня продолжал бороться,—
И погиб, не стало полководца!»

У матери в груди рыданье,
Но подхватила причитанье:

«Возвестили мне друзья потерю.
Хоть я женщина, а вам не верю.
Не хочу вас, вестники, обидеть,
Но должна сама его увидеть.
Не скрывайте: если ранен в спину,
Не смогу начать я плач по сыну,
Показать соседям, с кем был дружен...
Может, мертвый, мертвым он не нужен?
Может, честь отца его уроним,
Если сына рядом похороним?»

Сказали вестники страданья,
Продлили слово причитанья:

«Верь нам: пуля в грудь настигла сына,
За народ погиб он, как мужчина».

Мать услыхала это слово
И песню подхватила снова:

«Я внимала вашему рассказу,
Почему ж вы не сказали сразу,
Что мой сын скончался, как мужчина,
Не позор для нас — его кончина!
Кто погиб в бою, служа отчизне,
Тот не мертв, тот полон вечной жизни».

Защитника равнин и гор
На бурке понесли во двор.
Дрожит скакун, стучат копыта,
Он ржет уныло и сердито.
Висит оружье на седле.
Лежит покойник на земле.
Жена склонилась к изголовью,
Нашла семь ран с засохшей кровью,
Семь пуль в ноге, одна в груди:
Всегда был Манча впереди,
Всегда глядел он смерти в очи...
Он мертвым в дом вернулся отчий,
И два оплакивала дня
Его печальная родня.
Потом покойника омыли,
И лег он в родовой могиле.

* * *

Погас вечерний небосклон.
Жена вернулась с похорон.
Тиха, бледна и безутешна,
Вошла к себе в покой поспешно.
Поела наскоро она,
Переоделась Мадина:
Узнает ли свекровь невестку?
Бешмет надела и черкеску,
Сняла оружье со стены,
Пошла с доспехами войны
И вороного из сарая
Тихонько вывела, вздыхая:
Подарок братьев семерых,
Конь жаждал схваток боевых.
В седло вскочив за поворотом,
Задами двинулась к воротам,
Но передумала потом:
Нельзя ей так оставить дом.
Конь повернулся быстроногий,
Остановился на пороге:

Сидела мать, полужива,
К земле склонилась голова.
Но голову приподнимая,
Узнала сразу мать седая,
Что юный всадник — Мадина:
«Теперь погаснет и луна,
Как солнце сына закатилось»,—
Сказала мать и прослезилась.
«Кровь мужа в бой меня зовет.
Как друг его, пойти в поход,—
Сказала Мадина,— должна я.
Не жди ты худших дней, родная,
Возмездья мы увидим дни!
За то меня ты не вини,
Что ты хранишь его одежды,
А я иду, полна надежды».
Взметнулась плеть, и вороной
Помчался по стране родной,
Как дым от выстрела летучий.
А вражья рать нависла тучей,
И чтобы тучу ту прогнать,
Абхазы в бой пошли опять.
Ночная поднялась завеса.
Ни у кого нет перевеса.
Друг другу смерть несут бойцы,
Лежат вповалку мертвецы.
Повсюду кровь и запах пота...
О нашей родины ворота!
Сюда враги держали путь,—
Не для того ли, чтоб уснуть?
К тому ли были там готовы,
Чтоб жены плакали как вдовы,
Чтоб дети были без отцов,
Отцы остались без сынов?

* * *

Сраженье в полдень разгорелось.
С насильем в бой вступила смелость.
Был воздух оглашен стрельбой.
В разгаре бой! В разгаре бой!
На это грозное сраженье
Смотрело солнце в изумленье,
Увы, не знало и оно,
Кому торжествовать дано.
Окрашен дол кровавой краской,
Но встал стеною стан абхазский:
В нем дух отваги не погас!
Внезапно в этот жаркий час
Примчался грозный всадник с тыла.
В нем ярость коршуна бурлила.
Как вихрь, влетел во вражью рать,

Трусливых начал он топтать,
Могучих сабля рассекала,
Она как молния сверкала.
Одних он пикой сокрушал,
Других он криком оглушал,
Захватчиков добра чужого
Давил он грудью вороного,
Был знаменем для земляков,
Был пламенем для чужаков.
Друзья о нем твердили всюду:
«Подобен этот всадник чуду,
Его послал, наверно, бог,
Чтоб нам он победить помог!»

О нашей родины ворота!
Погибли здесь враги без счета,
Победой кончилась война,
Страна абхазов спасена.
Настал для войска день великий,
Веселая пальба и клики.
Ликуя, с песней боевой,
Вернулись воины домой.
Царь вышел всадникам навстречу,—
К тем, кто победой кончил сечу,
Чтобы взглянуть на храбреца,
С чьим сердцем связаны сердца.
Но кто он? И откуда родом?
Пусть скажет перед всем народом:
То учинил врагам разгром
Не Манча ли на вороном?
Отчизну спас отважный воин,
Любви и славы он достоин!
Доспехами войны звеня,
Воитель соскочил с коня,
Папаху снял при этой встрече —
И косы хлынули на плечи.
Так это женщина была,
Как солнце вечное светла!
Воитель, кем страна гордится,
То — братьев семерых сестрица,
То — Манчи смелая жена,
То — дочь Баалоу Мадина!

СТРОКИ О РАЗНЫХ ВОИНАХ

1

Когда в Очамчирах войну мы вели,
Его от огня оторвать не могли,
А в Гагре дерясь,— не могли нипочем
Его оторвать от горшка с молоком.

То был Самахва Киагура.

2

Ружейное пламя бушует кругом,
Так ринемся в пламя с победным мечом,—
Сказал Сахаткери.

3

Был грому подобен у воина голос,
Кремневка с врагами как пушка боролась,
Но, чтоб наши дети защиту нашли,
Упал он, склонясь до земли.
То был Асацба Смел.

4

Его голова бездыханна лежала,
А тело сраженье вести продолжало.
От жаркой стрельбы пистолет был расплавлен,
А белый скакун был в бою окровавлен.
То был Чизмаа Едиг.

5

Хотя и лежал он, в сраженье убитый,
Он был для детей и для женщин защитой.
То был Башнух Сит.

6

Родился ты сегодня, скажем,
А завтра ты лежишь безгласно.
Но если мы сегодня ляжем,
То мы погибнем не напрасно —
Так молвил Сакун.
Явился он утром, как день молодой,
Погиб он в сраженье с вечерней звездой.
То был несчастливый Чкок Манча.

8

Умирает верный конь — остается поле.
Умирает человек — остается слава.
Если струсил ты, забудь о высокой доле,
Если ты не трус, иди смело в бой кровавый.

9

У дворянских сыновей есть оружье дорогое,
У крестьянских сыновей — допотопное, плохое.

Сыновья крестьян дрались соколов смелей,
Сыновья дворян в ночи крали лошадей.

10

Когда на Лыхненской поляне мы стан собрали боевой,
Не умещался ты под тенью огромной липы вековой.
Когда же начали сраженье на берегу реки Гализги,
То занял ты местечко зайца: ты убежал, трусливый, низкий.
Это был Шмаф Магба.

11

Знал тридцать разных песен один веселый дрозд.
Его ударил ястреб,— забыл их, слишком прост.
На берегу Гализги раздался залп,— тогда
Ты позабыл со страху, как ты попал туда.
Это был Шмаф Магба.

12

Две рати воюют, сражаясь упорно,
Ему же на крыше сидеть не зазорно,
Смотрите же: курам бросает он зерна!
То был Шаратхва сын Алъяса.

13

На Джмаринцвара пошли супостаты в поход.
Он, испугавшись, что кончится Ачбовых род,
Под одеяло залез: там никто не найдет!
То был Шмаф сын Тагуа.

14

На Джмаринцвара военные грянули бури.
Вырвав из черного уса один волосок,
Он подарил его девушкам, меткий стрелок,
Чтоб из него сотворили струну для чамгура,
Чтобы сложили о воине несколько строк.
То был Сасрыква сын Тагуа.

15

Когда на коне ты скакал среди нас,
Ты реял, как знамя, герой знаменитый,
Когда же ты пешим стоял среди нас,
Ты был нашей крепостью, нашей защитой.
Но где же скончался ты? Где ты погас?
Мы плачем о жизни, бесследно сокрытой,
О жизни Эсшоу, сына Дарыква.

16

Когда ты в живых обретался,— страшились
Враги наши горы и долы топтать,
Узнав, что ты умер,— на битву решились,
Наш край затоптала враждебная рать:
Узнав, что на них ты не кинешься с гневом,
Помчались по нашим садам и посевам...
Я думал: и тридцать бы ты перенес
Ранений, и жил бы, могучий и смелый,
И кто погубил тебя? Персик неспелый,
Способный лишь вызвать у деток понос!

17

Вперед! В наступленье! Пусть беды грозят,—
Не дело мужчин озираться назад!
Хоть шаг, но вперед, хоть один, но вперед!
Родившийся — смертен, а смертный — умрет.
От нартов отвага в сердцах рождена.
А праотец трусости — сам сатана!

ПЕСНЯ О САТБЕЕ(1)

— Мать, уводят меня в Очемчира, о мать! —
— Кто же будет мне, сын мой, теперь помогать?

— Есть друзья у тебя и соседи вокруг.—
— Разве сына заменит сосед или друг?

— Есть красивый наш двор, где играл я и рос.—
— Без тебя как на дворик взгляну я без слез?

— У меня двух друзей расстреляли, о мать! —
— Что же сделаю, сын мой? Где силы мне взять?

— Мне такая же участь, о мать, суждена.—
— Почему же тебя потерять я должна?

— Я погибну за долю крестьян трудовых,—
— Значит, матерью ныне я стану для них?

— Будут в Джгердской округе меня прославлять! —
— Разве этим, сыночек, утешишь ты мать?

---

1 Саатбей был расстрелян меньшевистскими властями в Абхазии.

НЕУДАЧНИК

Он не обут и не одет,
В кармане пусто, денег нет.

Пусть он красавец всем известный —
Над ним не кров, а свод небесный.

Он держит прутик: это кнут!
Седло покажет,— засмеют!
На кляче едет еле-еле,
Спит на земле, как на постели.

На нем чувяки: грязный сор.
От шапки отказался вор.
Пряла когда-то бабка-пряха,
Из пряжи той — на нем рубаха.

Там, где он был,— светло давно,
Куда идет — темным-темно!
Ночлег бедняге припасли вы?
Любуйтесь же: какой красивый!

ПЕСНЯ О ГУДЫСЕ СМЫРБА

Бегущего тура в хребет поражал не раз,
Летящему ястребу всаживал пулю в глаз,
Как с барсами ты расправлялся — гремит рассказ.
Охотник отважный, Гудыса-герой.

Звенит твоя песня охотничья в сердце гор,
Твой выстрел с крутых перевалов летит в простор,
На каждой стоянке, как полымя, твой костер.
Охотник отважный, Гудыса-герой.

ПЕСНЯ О ХАДЖАРАТЕ

Ты крестьянам был опорой, Хаджарат,
И недаром ты надеялся на них,
Ведь души в тебе не чаял твой народ,
Как зеницу ока он тебя берег,
Кяхба, славу нашу приумножил ты!
Уа, раидари, Кяхба, Хаджарат-герой.
Ты о Квасте, друге верном, говорил:
«Провести меня он может сквозь огонь».
Злая гибель караулила тебя.
Уа, раидари, Хаджарат-герой!
Подлый Фат тебя ударил топором,
Насмерть раненный ты из дому ушел.
Над предателем занес кривой кинжал
И воскликнул: — Не герой ты, а злодей!
На меня напал во тьме из-за угла,
Стыдно людям показаться мне теперь!
К другу верному ты раненый добрел,
Но от стражников покоя друг не знал.
Он промолвил грустно: — Слушай, Хаджарат,
Здесь тебе от стражи зоркой не уйти.—

— Проводи меня в село Отхару, друг,
Там живет Тапагу — верный человек!

И тогда к Тапагу друг тебя отвел,
Двадцать суток Хаджарат в Отхаре жил
И Тапагу занемогшего лечил.
Но предатель объявился в их селе.
Он во двор к Тапагу стражников привел...
Уа раидари, Хаджарат-герой!
Вот предатель, пасть разинув, говорит:
— Эй, Тапагу, Хаджарата подавай! —
— Кто такой ты? Что ты мелешь, не пойму?..—
— Кто б я ни был, Хаджарата не скрывай.
Маан Дмитрий здесь, он стражников глава,
И кнутом тебя заставит говорить!—
— Не заставит, коль не знаю ничего! —
Над Тапагу благородным кнут взвился...
Били бедного шесть дней и шесть ночей
И во двор к нему согнали всех крестьян,
Только был надежно спрятан Хаджарат.
Лишь от голода и жажды он страдал,
Шутка ль вытерпеть шесть дней и шесть ночей!
И, не вытерпев, из ямы выполз он,
Что с Тапагу? Отчего он так кричит?
Поспешил к нему на помощь Хаджарат,
Но доносчики заметили его.
Слух прошел, что сам себя он выдал им.
— Вот он, вот он! — закричали палачи
И наброситься хотели на него.
Но спокойно шел отважный богатырь,
Поднимался на высокий Гарпский холм...
И прослыл таким могучим Хаджарат,
Что его не смели стражи окружить.
Впереди погнали ропщущих крестьян,
Сами с ружьями, за ними прячась, шли.
Хаджарата пожалели бедняки,
От опасности хотели уберечь,
Закричали — убегай от палачей! —
— Подойдите ближе,— крикнул он в ответ.—
Я ваш сын и ваш заступник Хаджарат,
С вами хлеб и соль делил я с малых лет —
Мне дороже самой жизни ваша честь,
Напоследок об одном лишь вас прошу:
Расскажите малым детям обо всем
И у матушки возьмите пистолет,—
Пистолетом этим князя я убил.
Он запрятан у родимой на груди,
Для потомства сберегите вы его,
Пусть останется на память обо мне.
Вам спасибо за любовь и за хлеб-соль.
Вашим женам передайте мой поклон.
Знаю, гибель неизбежная близка,

Знаю, весть о ней порадует князей,
Но простой народ повергнет в скорбь она.
Вы слыхали завещание мое
И потомкам перескажете его.
Я в борьбе неравной нынче смерть найду,
А боролся я за трудовой народ,
За свободу и за правду на земле.
Не печалюсь я о матушке своей —
Утешение у вас она найдет,
Лишь бы сестры горемычные мои
Мать-старушку почитали-берегли.
Я до нынешнего часа жил для вас,
Но теперь прощайте — мой конец настал.
Ну, чего ж ты медлишь, Маан Дмитрий злой?
Подходи с оружьем — слова не скажу.
Ты искал меня — и я перед тобой,
Но не льсти надеждой тщетною себя:
Не получишь ты за голову мою
Ни обещанной медали, ни креста.
Знай, великому позору не бывать,
Не играть тебе моею головой.
Вы ж мои односельчане-земляки,
Закаляйте благородные сердца!
Кто слова мои потомкам передаст,
От души того сейчас благодарю.

Уа райдари, Хаджарат-бедняк,
Уа райдари, Хаджарат-смельчак!

Он к виску подносит черный пистолет,
Словно вздох звучит последнее прости.
Грянул выстрел — покачнулся Хаджарат.
Что ты сделал? Поднял руку на себя?
Сын единственный печальницы вдовы.
Неожиданно настигла смерть тебя.
Фат-предатель топором своим тупым
Только славу душегуба заслужил.

Уа райдари урайда гушадза,
Уа райдари, Хаджарат-герой!

Словно дуб под корень срубленный упал...
На кого ты нас покинул, Хаджарат?
Мы могли тебя спасти от палачей,
Ты ж боялся, как бы нас не погубить,
Не накликать на сородичей беду.
Все, что ты сегодня людям завещал,
В нашей памяти останется навек.
Мы потомкам твой наказ передадим!
Если б каждое абхазское село
Породило бы таких же смельчаков,
Мы бы знали, как расправиться с врагом.

Уа райдари урайда гушадза,
Уа райдари, Хаджарат-герой.
Подбежали к Хаджарату земляки,
Точно камень неподвижно он лежал.
Осторожно приподняв богатыря,
На носилки положили — понесли
По крутой тропе к поляне голубой.
И навстречу из деревни вышла мать,
Ни слезинки на приветливом лице,
Точно с нею злое горе не стряслось.
Землякам она спокойно говорит:
— Пусть падут болезни ваши на меня,
Мало сделал для народа Хаджарат,
С ним вы нянчились двенадцать долгих лет,
И теперь его несете на руках.
Я прошу вас, дорогие, об одном,—
Опустите вы носилки на траву.
Хаджарат, унан!(1) Единственный сынок,
Побеседую в последний раз с тобой.
Говорят, что умер ты, но это ложь,
Верно, ты прилег немного отдохнуть,
Жалко мне твоих приятелей-друзей,
Не на шутку опечалились они.
Обо мне, сынок, не думай, не грусти,
О тебе и я не стану горевать:
Нет, не умер ты, я знаю, это ложь!
Не печалься о сестрицах, дорогой,
Не раздеты, не разуты у меня
И приданое для них припасено.
Не горюй и не печалься, мой сынок,
Позаботится о нас родной народ!
Не откажут нам в приюте земляки.
Хаджарат, сынок, отправимся домой,
Видишь сколько собралось к тебе гостей,
Мы их всех радушно примем, угостим.
Помогите мне, крестьяне, отвести
Хаджарата занемогшего домой.
Хаджарат, что делать матери твоей?
На тебя всегда надеялся народ,
Ты князьям богатым спуску не давал,
Мой единственный, возлюбленный сынок!
Хаджарат, что делать матери твоей?
И народ оплакай сына своего —
Слезы горькие рекою пролились,
И родной землею был засыпан гроб,
Над могилой поклялся простой народ:
— Хаджарат, ты будешь жить у нас в сердцах,
Свято выполним последний твой наказ,
За свободу и за правду постоим.
Льется песня по долинам, по холмам:
Хаджарата прославляют земляки.

---
1 Унан — ласкательное обращение.

О ТОМ, КАК УБИЛИ ЧРИГБА САЛУМАНА

Что за крик ужасный у Шахана во дворе?
Салумана Чригба убивают на заре.
Сам Шахан вскочил, да мимо конь его пронес,
И Тахчич вскочил бы верно, да напал понос,
И Гуамас хотел помочь бы, да в беседу влип,
И Сарлип помчался к другу, да упал Сарлип.
Тагу, тот вина не допил, он не виноват,
А Сагум помог бы другу, но подслеповат,
И Камшиш меча не поднял, прямо как назло,—
Вот как Чригбу Салуману в дружбе повезло!
Оттого и одержали вверх над ним князья,
Что уж больно трусоваты Чригбовы друзья.

КОТЕЛ ЦАБАЛЬЦЕВ

Молились богу мы, чтоб в рай попасть,
Ты видишь — мы и так войдем туда...
«Достигнем лишь священного Стамбула,
И нам откроется небесный рай.
Здесь горе и лишенья, радость — там,—
Ты повторял и повторял опять.—
Там бросишь в землю тыквенное семя
И соберешь огромный урожай.
До той поры, пока он не созреет,
Разгуливай с друзьями без забот,
Да знай молись, перебирая четки,
У мусульман достаточно еды!
Там изобилье, там конец нужде —
Так говорил в Цабале ты не раз.
Напрасно мы о вере толковали,
В степях турецких голых, Кудинат,
Как мухи, мрем от голода теперь.
А где же изобилье мусульман?
Купи мне пищи, вот тебе все деньги! —
И ты пошел, но не принес еды.
А дети умоляли: — Накорми!—
И плакали от голода они.
В котел камней тогда я набросала
И над костром повесила его.
Сказала детям, что варю обед,
Что скоро сварится душистый плов.
И натощак детишки задремали,
От голода живот у них сводило.
Котел цабальцев шумно закипал,
Но что с того? В кипенье проку нет,
Когда в котле нет ни кусочка мяса...
Пусть на тебя падут невзгоды наши —

Ты обманул нас, подлый Кудинат,
Лишил нас рая и привел нас в ад.

* * *

На побережье за Чижа Маана
Никто бы не дал и хромого барана.
Но псхувцами взятый однажды в полон(1),
В две тыщи баранов он был оценен(2).
Но земляки его не горевали,
Что, мол, человека они потеряли.
А захвативший — не хвастал в селе,
Что он человека привез на седле.
Таков был один из богатых дворян
По имени Чиж по прозванью Маан!

---

1 Псху — название горного селения в Абхазии.
2 За пленного дворянина требовался выкуп. Выкуп платили подвластные дворянину крестьяне.

ОБРЯДОВЫЕ И ТРУДОВЫЕ ПЕСНИ

АУРААША
(Старинный хороводный танец)
Тот кто справа, тот кто справа, подойди, аурааша,
Тот кто слева, тот кто слева, прочь ступай, аурааша,
Был на свадьбе, о невесте расскажу, аурааша,
Руки белые невесты так нежны, аурааша,
Что соперничают с тяпкой белизной, аурааша.
Ножки-крошки у невесты так малы, аурааша,
Шкуры буйвола не хватит на чувяк, аурааша.
Тонкой талией гордится, так тонка, аурааша,
Что канатом не охватишь ни за что, аурааша.
Косы длинные до шеи не дойдут, аурааша,
По земле пройдет — оставит легкий след, аурааша,
Конь провалится по шею в том следу, аурааша.
Вам невесту не такую я привел, аурааша,
Нежнотела, как папирус золотой, аурааша,
Не глаза — янтарь прозрачный, погляди, аурааша,
Голос — щебет горной птицы, сладкий мед, аурааша.
Соколиная осанка у нее, аурааша,
Как самшитовая роща хороша, аурааша.
Губы словно апельсины сладкие, аурааша.
И каштановые косы до колен, аурааша.

ПЕСНЯ РАНЕНИЯ(1)
Тот, поверьте, не мужчина,
Кто не может, стиснув зубы,
Скрыть страдания свои.

Уаа-райда, не мужчина
Тот, кто стоном может выдать
Боль раненья своего.

Уаа-райда, только женам
Вздох приносит облегченье.
Уаа-райда, проверяют
Нашу выдержку раненья.

Уаа-райда, если б трусость,
А не храбрость выручала,
Уаа-райда, без сомненья,
Заяц жил бы дольше всех!

---

1 Песня поется раненым мужчиной.

ДЗИОУ(1)
Дзиоу, Дзиоу,
В сухие комки
Вода обратилась. Не стало реки.
И жаждой
Царевич томится.
Полям и садам не хватает воды,
Погибли все злаки, погибли сады.
С чем нам домой торопиться?

---

1 Дзиоу — значение слова непонятно. Вероятно, название древнего божества. Эта старинная песня исполнялась при сильной засухе во время моления о дожде.

ПЕСНЯ ДЕВУШЕК(1)
Девушки-красавицы,
Жены молодые,
Возьмите воска старого
Лепешки золотые.

Двинемся с весельем,
Над речкой тихой встанем
Попарно в ряд, попарно в ряд,
И песню все затянем:

«Спасибо, пчелки черных гор,
За мягкий воск янтарный,
За вкусный мед из ваших сот,
Поклон вам благодарный.

Плыви быстрее, старый воск,
С тобою по течению
Пусть уплывет печаль, что год

Принес нам, к сожалению.

Плыви быстрее, старый воск,
Нам слаще меда радость.
Пускаясь вплавь, ты нам оставь
Ее земную сладость!»

Девушки-красавицы,
Жены молодые,
Бросайте в речку не спеша
Лепешки золотые.

Чья маленькая долго
Лепешка проплывет,
Того благополучие
Большое в жизни ждет.

---
1 Песня исполнялась во время гадания.

ПЕСНЯ ПРО АЖВЕПША(1)
(Исполнялась после удачной охоты)
В сердце удаль и веселье:
Мы сегодня на охоте.
Пусть дружней грохочут ружья,
Чтоб ни тур высокогорный,
Ни пугливая косуля,
Ни медведь широколапый,
Ни олень ветвисторогий
Не ушли от наших пуль.

За богатую добычу,
Что сегодня нам досталась,
Мы тебя, Ажвепш, возносим,
И благодарим тебя
За удачную охоту!

---
1 Ажвепш — божество охоты, покровитель дичи.

ПЕСНЬ ЖЕРНОВА(1)
Саунау, Саунау(2),
Мелем в мыльный порошок.
Чаном я возьму, хозяйка,
Полной миской выдам в срок.
В порошок мели, мели,
Жерновам поддай веселья,
Чтобы небо, став мукой,
Все наполнило ущелья.

---
1 Песня исполнялась женщинами во время работы на ручной мельнице.
2 Саунау — богиня жерновов.

СТАРИННАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ
Шишь наани, уа нани(1),
До прихода батюшки усни,
До прихода матушки нишкни!
Шишь наани, уа нани.
Сон твой тихий, как лесная тишь,
Словно лесовик могуч малыш.
Уплывает уточка-краса,
На фазаньих перышках роса.
Шишь наани, уа нани.

---
1 Непереводимый припев, соответствующий русскому «баю-баю».

ПЕСНИ ЛЮБОВНЫЕ И ШУТОЧНЫЕ

ЛИРИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ
«Выйду замуж за тебя» —
Слову «здравствуйте» равно ли?
Дни до свадьбы торопя,
Сон забыл я поневоле.

Неужели ты лгала
В легкомысленной причуде?
В грудь мою вошла стрела,
Пусть об этом знают люди.

Что б на свете ни стряслось
Быть моею ты должна лишь,
Не сочтешь небесных звезд,
Мне нужна звезда одна лишь.

На богатства наплевать,
Я желаю одного лишь,
Чтоб качала ты, как мать,
В люльке сына моего лишь.

МОГУ ЛИ ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА НЕГО?
Дом себе построил он,
Только женщин в нем не видно.
Двор хозяйский огражден,
Да скотины в нем не видно.

Нет ни крошки на обед
На столе, что струган гладко,

А в амбаре даже нет
Кукурузного початка.

Есть и лошадь у него,
Да седла на ней не видно.
Вот каков он! За него
Замуж выскочить завидно.

РАЗГОВОР ПАРНЯ С ДЕВУШКОЙ

Парень

Молва о тебе целый свет обошла,
Я вижу, и впрямь ты, красотка, мила.
Я вижу, что плечи твои широки,
Но тонок твой стан, как тростник у реки.
Точеная шея лебяжьей красы,
За гибкой спиною две длинных косы.
Походка легка, как у павы самой,
А груди белы, как вершины зимой.
Палата ума не тебе ли дана?
Как цепь золотая не ты ль сложена?

Девушка

Клянусь я: ты мой приукрасил успех,
Но ты ли не лучше из юношей всех?
Верхом разъезжаешь, как ведомо мне,
Ты только на белом всегда скакуне.
Копытом ударит о землю твой конь —
И гром раздается и блещет огонь.
От плетки, что красной взлетает змеей,
До облака искры летят над землей.
Лишь в бурной реке ты купаться привык
И с желтою кисточкой носишь башлык.
Как утро, черкеска бела твоя, друг,
И черен, как ночь, на тебе архалук.
Меня ты до бездны вознес голубой,
Но где мне, о парень, равняться с тобой!

Парень

Я вижу, всерьез приняла ты слова,
В которых тебя расхвалил я сперва.
Не радуйся очень, умерь-ка свой пыл,
Я просто сверх меры тебя расхвалил.
По этой причине обязан, поверь,
Сказать о тебе я всю правду теперь.

Девушка

О, если к пустой болтовне ты привык,
И чешется страшно твой бабий язык,
То камень шершавый найди для того,
Чтоб длинный язык почесать о него.

Парень
Постой и послушай, поведать я рад,
Что люди вокруг о тебе говорят.
Ты воду, как мельница, тратишь весь день,
Но по воду к речке сходить тебе лень.
Работать не хочешь: болит, мол, спина,
Но лук в огороде весь съела одна.
С капустой расправилась лучше козла,
Ее не сажала, но всю сожрала.
Не моешь ты ноги по десять недель
С ногами немытыми лезешь в постель.
Живот твой как миска, где держат муку,
Ты вечно надута, под стать бурдюку.
Черна, как с сожженного поля телок,
Обветрены губы, как старый порог.
И волосы лезут из кос твоих двух,
Как лезет из клуши дряхлеющей пух.
Из шерсти не мягкой твой соткан платок,
На волчьи похожи следы твоих ног.
Иной, их увидев, пальнет из ружья,
И в страхе бежишь ты сама не своя.
Ступней твоих в землю уходят следы,
Вместилищем став для болотной воды.

Девушка
Эх, парень негодный, язык без костей,
Ужель не устал от брехни ты своей?!
Вначале осыпал безмерной хвалой,
Потом очернил непомерной хулой.
Моя теперь очередь. Мне не перечь,
Каков ты на деле — послушай-ка речь.
Поломанной плеткой ты машешь в пути,
Покрылся чесоткой весь конь твой почти.
Седло под тобою скрипит потому,
Что лет уже двести от роду ему.
В дом каждый ввалиться готов ты, нахал,
Коль запах обеда ты в нем услыхал.
Чтоб с лаем собаки не бросились злым,
Куски мамалыги бросаешь ты им,
Которые возишь, как в грязном мошке,
В засаленном, старом своем башлыке.
Коней и коров подмечаешь чужих,
Чтоб, выбрав момент, увести таковых.
Когда босиком по колючкам идешь,
Не чувствуешь их, до того толстокож.
Спесив ты и важен, так ус закрутил,
Как будто бы подвиг большой совершил.
В гостях — ты обжора, жуешь там, доколь
Не съешь и холодную даже фасоль.
Куска мамалыги остывшей и то,
Когда ты уйдешь, не найти ни за что.
Хмельного вина столитровый кувшин

Ты выхлестать сможешь, пьянчуга, один.
Пуды кукурузы на рынок отвез,
Печеного хлеба купил целый воз,
Прожорлив и жаден ты стал до того,
Что только на завтрак хватило его.
И сорок аршин не тебе ль потому
Сукна на черкеску пошло одному?
А тридцать — чтоб брюки прикрыли твой зад,
А двадцать пошло на башлык, говорят.
В год раз только моешься, дурень большой,
И тело твое все покрылось паршой.
И рядом стоять с тобой невмоготу,
Ведь потом несет от тебя за версту.
Ты самый постылый в селе ухажер,
На кляче своей не въезжай к нам во двор.
Вот бог, вот порог! Поворачивай вспять,
Катись, чтоб тебя мне вовек не видать.
Не тесен наш мир, в этом мире, учти,
Я лучшего парня сумею найти.

И больше — ни слова друг другу в укор.
Вот так и окончился их разговор.

ПЕСНЯ ЮНОШИ И ДЕВУШКИ

Девушка

Твой двор запущенный, дружок,
Оставленный отцом, дада,
Не поленись и окружи
Глубоким, узким рвом, дада.
И обведи его потом
Забором голубым, дада,
Дворец высокий возведи,
Чтобы гордиться им, дада.
И насади тенистый сад,
Деревьям дай взрасти, дада,
Ворота настежь распахни
И буйволов впусти, дада.
Пусть яблони твои цветут
Белее молока, дада!
Полюбят буйволы твои
Чесать о них бока, дада.
И ты соседей призови,
Они гурьбой придут, дада,
Помогут собирать плоды,
Я буду тут как тут, дада!
В просторной горнице сидеть
У светлого окна, дада,
И за работой наблюдать,
Как верная жена, дада.
Ты спелых яблок принесешь —
Они, как сладкий мед, дада,

Отрежешь маленький ломоть
И мне положишь в рот, дада.
Вдохну я нежный аромат —
Душистей он цветка, дада.
Лелей и береги меня,
И станет жизнь сладка, дада.
Я буду верною женой,
И в доме будет рай, дада,
Но если не захочешь ты,
То на себя пеняй, дада.
И ты получишь от меня
Жестокий нагоняй, дада.

Юноша
Я увидал тебя, дружок,
В счастливый, добрый час, дада,
Нежней папируса была
Краса твоя для глаз, дада.
Была ты гибче и стройней
Садовых тонких лоз, дада,
Глаза прозрачней янтаря,
Уста краснее роз, дада!
Как цепь чеканки золотой
Изящно сложена, дада,
Я думал, солнцем станет мне
Подобная жена, дада.
Но слишком зазнаешься ты —
Вот в чем твоя вина, дада.

Девушка
Тогда проваливай скорей —
Уж больно ты хитер, дада,
Не конь, а кляча у тебя,
Заезженный одер, дада!
В черкеске рваной ходишь ты,
От плесени зацвел, дада,
Твой урожай так невелик,
Что соберу в подол, дада!
Как тумбы ноги у тебя,
Дави-ка виноград, дада!
Гол как сокол, сударик мой,
И черствой корке рад, дада.
Зуб у тебя всего один —
Немного нажуешь, дада,
Ногтями хвастаешься ты,—
На всех чертей похож, дада.
И бороденка — никуда,
Пять редких волосков, дада,
Ступай скорее со двора,
Когда уж ты таков, дада!

Юноша

А я тебе в ответ скажу,
Уж очень ты суха, дада,
С дубину ростом, милый друг,
Костлява, как соха, дада!
И космы жидкие твои
Похожи на лемех, дада,
Лицо грубее бороны,
Ты вызываешь смех, дада,
И нос твой на сошник похож,
И до ушей твой рот, дада!
Капусту не сажала ты,
Засох твой огород, дада.
Ты любишь острый лук жевать,
Не варишь ты фасоль, дада,
Хоть обжираешься сама,
Жалеешь мне дать соль, дада.
Не любишь по воду ходить —
В том нет большой беды, дада,
Но бегаешь к соседям ты,
Чтоб выклянчить воды, дада.
Глотаешь мамалыгу так,
Что давишься куском, дада,
Ложишься, не помывши ног,
А ходишь босиком, дада.
Полов не моешь, не метешь,
От грязи заросла, дада,
В гостях как пугало сидишь,
Чернее чем смола, дада!
Стройней тебя на свете нет,
Уж так тонка на вид, дада!
Чтоб талию твою обвить,
Канат еще не свит, дада!
Когда ты прыгаешь с плетня
И рвешь цветной подол, дада,
То под тобой огромный ров,—
Так твой прыжок тяжел, дада!
В том рву десятка два свиней
Поместятся с лихвой, дада,
Еще просторно будет им,
Клянусь я головой, дада!
Где ты ступаешь — яма там,
Вот он каков, твой след, дада!
Не выберется вороной
Из ямы той, мой свет, дада!
В ней копошатся сотни кур
Так велика ступня, дада.
Такая девушка, как ты,
Совсем не для меня, дада!

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ СОВЕТСКОЙ АБХАЗИИ

ЛЕНИН

С юных лет он хотел, чтоб мы
Воедино в борьбе сплотились.
Вывел он бедняков из тьмы,
Солнцем наши дни осветились.
А когда он жизнь покидал,
Он завет нам великий дал:
— На тебя я надеюсь, партия!

И царя и князей умом
Поборол ты, великий Ленин,—
Мы расстались навек с ярмом,
Обрели свое избавленье.
Дело Ленина — солнца свет!
Не забудем мы твой завет,
Твое дело продолжит партия!

ПЕСНЯ О НАШЕЙ ПАРТИИ

В стране у нас много народов!
Взрастила их, счастье дала им,
Вложила в сердца дружелюбье,
Стоять друг за друга велела,
Дала им бескрайнюю землю
И жить их на ней научила
Партия наша, друзья!

Чтоб люди до неба взлетали,
Дала им чудесные крылья;
Чтоб людям пройти перевалы,
Чтоб там проносились машины,
Сквозь горы дорогу пробила —
Народу дорогу торила
Партия наша, друзья!

Напали чужие державы
На нашу родную отчизну —
И сделала нас неприступней,
Чем горные наши громады,
Врагов, словно пепел, развеяв,
Весь мир от беды защитила
Партия наша, друзья!

Кто с нею, тот страха не знает,
В том сердце орлиное бьется,
Тот горд, и силен, и отважен,
И счастье его беспредельно.
Эпохи такой не бывало
На нашей земле, как эпоха
Партии нашей, друзья!

ДВЕ ЖИЗНИ

В горах мы живем искони!
Тащились, как буйволы, дни.
Не знали мы, горные люди,
Стальных иль железных орудий —
Лишь камень, да сук, да крюки.
Жилье — без единой доски:
Плетенка обмазана глиной,
С подпоркою — палкою длинной.
Мерцала лучина, и чах
Средь хижины дымный очаг...
Так жили мы прежде!

Сегодня иначе живем:
Кирпичной мозаики дом
Блестит оцинкованной крышей.
Здесь голос приемника слышен,
Здесь ночью светло, словно днем.
Мы верной дорогой идем,
И знание — наше оружье,
И сила — народов содружье.
Мы вместе везде — на морях,
В долинах, в скалистых горах.
Так ныне живем!

Ты, снявшая с глаз пелену,
Ты, давшая счастья страну,
Ты, нам подарившая радость,
От сердца прими благодарность,
Наша великая партия!

НОВОЙ ЖИЗНИ ПОЮ Я ПЕСНЮ!

Порознь мы жили в селениях.
Встарь мы земли не имели.
Землю держали имущие.
К ним мы с поклоном ходили:
— Дайте немного голодному
Для обработки землицы!..—
Что же, давали — с условием:
Нам — только треть урожая.
Хлеб у детей наших маленьких
Крали злодеи. Что делать?
Шли покупать у богатого
Хлеб, что мы сами взрастили.
Скоро и денег уж не было:
Цену ведь брали двойную.
Стали платить мы овечками —
Скоро овечек не стало.
Только одно — в услужение

В дом их идти — оставалось.
Там как ослы мы работали,
Ели ж одну мамалыгу...
Что вспоминать? Это помнится
Каждому!.. Время настало —
Буря взыграла октябрьская,
Всех тунеядцев сметая.
Свет Октября нас обрадовал —
Черную тьму разогнал он,
Слезы народные высушил,
Горькую жизнь уничтожил.
Солнце взошло долгожданное,
Кончилось время мучений.
Поняли мы: в единении
Слава и сила народа.
Поднял трудящийся голову.
Бедный крестьянин Абхазии
Счастье увидел в колхозе,
Где бедняка коллективное
Обогащает хозяйство —
Сердцем воспрянул он, будто бы
Ввысь полетел на араше.
Счастлива стала Абхазия!
Край наш охвачен цветеньем.
Он, словно сад удивительный,
Запахом сладостным полон.
Солнце сияет нам новое,
Солнце, что радует сердце,
Солнце, что в жарком объятии
Дарит земле изобилье;
Солнце, что к жизни нас вызвало,
Солнце, что души согрело,
Солнце, что злобного ворога
Пламенем испепелило.
Новая жизнь, озарившая
Древние горы, долины,
Счастье на тысячелетия —
Вот наше светлое солнце!

РАССКАЗ ВАМ ПОВЕДАЮ ЧУДНЫЙ

Рассказ вам поведаю чудный —
Звени, ачамгур(1) мой, звени!
Твои серебристые струны
Пусть сердце раскроют мое.
Был век — непрогляднее ночи.
Абхазские наши князья
Лишали нас хлеба и солнца,
Топтали нас, словно ковер.
Для нас — ни горы, ни долины:
Все было владением их,
И штраф — чуть не так повернемся

Повсюду нас подстерегал:
За поднятую хворостину,
За травку, что в поле помял,
За рыбку, что вспугнута в речке,
За зайца, что встречен в кустах.
Ничто нам не принадлежало:
Наемные люди — рабы,
Мы землю чужую пахали,
Пасли мы овечек чужих.
Правители наши — дворяне,
Величественные князья —
Нас, словно коней, оседлали,
На нас гарцевали верхом.
Их каждое слово звучало
Суровым законом для нас.
Мы были тогда в ослепленье —
Что знать мы в то время могли?
Не знали мы к школе дороги,
И — темных, неграмотных — нас
Натравливали друг на друга,
Гора враждовала с горой.
И слабостью пользуясь нашей,
В угодьях правителей нас
Вдвойне заставляли работать,
Как будто бы буйволы мы.
Месть кровная вспыхнет — и бедный
Шел мстить за трусливых князей...
Эх, был ты коварною сетью
Опутан, абхазский народ!..
Но с севера вдруг полыхнула
Великая молния. Гром
Дошел из-за гор исполинских —
Нас Ленин позвал на борьбу!
Обрадовал нас этот голос —
Он всех взбудоражил, зажег,
Он поднял голодных и сирых
На сытый заносчивый мир.
Мы взяли оружие в руки —
И Ленин нас в битву повел:
Опавшие с дерева листья
Должны быть с пути сметены!
И мир мы разрушили старый
И новый пошли возводить,
Коварную сеть мы порвали —
Да так, что ее не зашить.
Мы партии Ленина славу
На веки веков воздаем —
Свободен народ наш абхазский,
Как солнце, светла его жизнь.
И горы, и долы, и реки,
И пашни — все наше теперь!..
Так пусть же об этом все знают —

Звени, ачамгур мой, звени!

---

1 Ачамгур, чамгур — четырехструнный щипковый музыкальный инструмент.

АРОБНАЯ ПЕСНЯ

Есть орешник ветвистый в Кватане(1),
Лес и дикие заросли,
Где и след не проложен кабаний...
О! Ха! Ха!

С цалдой(2) острою плелся я молча
В чащу за хворостиною,
Вдруг со стаей я встретился волчьей...
О! Ха! Ха!

Я бежал, затаивши дыханье,
И, вконец обессиленный,
Я свалился на княжьей поляне...
О! Ха! Ха!

Ту знакомую с детства поляну,
Что теперь пашем трактором,
На волах я пахал Мурзакану...(3)
О! Ха! Ха!

Нагрузил за селением нашим
Я арбу кукурузою,
И к амбарам поехал я княжьим...
О! Ха! Ха!

Но не взял ее князь: крикнул жадный,
Что початки все мелкие —
И отправился в путь я обратный...
О! Ха! Ха!

Ныне с песнею звонкой везу я
На арбе моей новенькой
Кукурузу свою золотую...
О! Ха! Ха!

Дал колхоз мне за труд мой упорный
То, что мной заработано —
Вот везу я в амбар свой просторный...
О! Ха! Ха!

Хайт амарджа!(4) Нам весело ныне!
Ахахаира-хаира!(5)
Эй, ребята, вперед без унынья!
О! Ха! Ха!

---

1 Кватан — местность в Абхазии.
2 Цалда — род топора.
3 Мурзакан — имя одного из абхазских князей.
4 Хайт амарджа — подбадривающий клич.
5 Ахахаира-хаира — песенный припев.

О ТОМ, КАК Я НАВЕСТИЛ РОДСТВЕННИКОВ МОЕЙ ЖЕНЫ

Был некогда со мною случай странный.
Женился в молодости я — и год
В глухом лесу скрывался, как разбойник:
Боялся встреч с невестиной родней.
Но через год они мне сообщили,
Что может к ним пожаловать жених.
Я был обрадован известьем этим,
Я ликовал, спешил увидеть их.
Вот стал готовиться я к посещенью:
Черкеску лучшую надел, башлык,
Чувяки из телячьей рыжей кожи,—
И в путь пустился к новой я родне.
Поехал я с друзьями в час вечерний —
Ведь я не мог там показаться днем.
Там, во дворе у них, уже во мраке
Мы спешились... И долго я стоял,
Покуда кто-то в комнату пустую
Не ввел меня. И вот как истукан
Стою и жду — одетый, утомленный,
Край башлыка надвинув на глаза.
Уж ноги онемели. Ни единой
Там не было скамейки для меня...
И понял я тщету моих желаний,
Моих надежд — не видеть мне родни!
Проклятый пот мне жег глаза. Напрасно
Я ждал, что кто-нибудь сюда придет.
Хотя они мне и открыли двери,
Но были заперты у них сердца.
Я как немой стоял, как осужденный,
Я даже слово вымолвить не смел.
А время за полночь зашло. Пришлось мне
Покинуть дом, не повидав родни...
— Ну, как тебе гулялось у невесты?
И много ли опорожнил ты чаш?
— Не спрашивайте вы меня, соседи:
Я жениховство на ногах провел!..—
...Как ныне хорошо, легко, свободно
Быть молодыми мужем и женой!
Достаточно и моего примера,
Чтоб знать, в какой тогда мы жили тьме.
И я уже сегодня твердо знаю,
Что закрывал глаза мне не башлык,
А ложные понятия о чести

В те ложные глухие времена.

ЧАЙ

Дремучий лес, где в чаще крался зверь,—
Он стал совсем неузнаваем.
Кусты плантаций чайных там теперь
Лежат необозримым краем.

Там девушки среди кустов идут
И собирают лист чудесный...
Все изменяет, создает наш труд —
Нам это издавна известно!

Как море, бесконечные поля —
Все это наших рук созданье.
Где нет заботливой руки — земля
Узнает рано увяданье.

МЕЧТА ДВУХ БРАТЬЕВ

На пастбищах Акармара(1),
На лоне сочного ковра,
Пасли стада князей когда-то
Два овчара — родных два брата.
Однажды, выгнав скот на луг,
Шли к шалашу они — и вдруг
Блеснуло что-то под ногами.
— Что это — золото? —
— Нет, камень! —
— А может, золото? —
— Нет, нет,
Смотри, ведь это черный цвет!..

На камне солнце отражалось,
И это золотом казалось.
Вот поднимают камень тот —
Берет один, другой берет,
И крутят, вертят с боку на бок,
От напряженья из-под шапок
Уж пар идет, как от горы,—
Стоят гадают овчары:
Весь черный... золотом казался...
Им в первый раз такой попался...

— Вот так открытье! Что оно —
Не золотое ли руно
Решило в край наш возвратиться?
Не наше ль счастье в нем таится?..—
Так рассуждали чабаны,
Мечтаний сладостных полны,
И говорили, камень пряча:

— Не только наша в нем удача,
Быть может, скрыта невзначай —
Быть может, жить с ним будет край
Свободно, счастливо, богато!..—
Вот так мечтали оба брата.

* * *

И стала явью их мечта!
Они живут еще поныне:
Колхозной фермы баранта
Пасется братьями в долине.
— Хакуц, ты помнишь камень наш,
Когда мы скот пасли на склонах,
Когда пастуший наш шалаш
Стоял на пастбищах зеленых?
Теперь открылась камня тайна —
Теперь мечтания сбылись,
Он впрямь счастливой сделал жизнь,
Тепло в нем, свет необычайный.
Ущелье, пастбище вчера,
Сегодня — вновь рожденный город.
Где жили мы, два овчара,—
Теперь стоят дома шахтеров.
Найдешь ли место, братец мой,
Где наш стоял шалаш пастуший?..
— Махаз, зачем вопрос такой?
Зачем смеешься ты, послушай?
Ты сам теперь не сможешь, брат,
То место отыскать в ущелье:
Ведь там, где мы пасли ягнят,
Дворцы огнями заблестели.
Нам трудно было! Сколько раз
Ждала нас смерть на тех утесах,
Где с пищею мы шли, Махаз,
Скользили, опершись на посох...
— Да, эти дни прошли! Вчера
Меня автобус аккуратный
Туда примчал, в Акармара,
И в тот же день привез обратно.
А камень, найденный тогда
В глухом заброшенном ущелье,
Как солнце, осветил года,
Сердцам принес тепло, веселье.

---

1 Акармара — большое ущелье в горах Абхазии, где в советское время вырос горняцкий город Ткварчели.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Мы славим смелых, кто за отчизну,

Смерть презирая, расстался с жизнью!
Кто бьется с ложью, за тем победа!
Придется горе врагам изведать.
Пусть наша слава горит все ярче!
Вперед, отважные! Хайт амарджа!..
Оружье надо из рук их выбить,
Позора чашу врагам дать выпить,
Дать им погибели выпить чашу,
Пришедшим землю поганить нашу.
С «азаром»(1) — с песнею похоронной —
Уйдешь ты в землю, враг разъяренный.
О, мы увидим еще позор твой,
В полях ты падалью ляжешь мертвой...
А вы, герои, творцы победы,
Всем миром будете вы воспеты!
О, кто не знает, что ваша сила,
Что ваша храбрость — как у Абрыскила!(2)
Нет в мире смерти для правды нашей,
Пусть смерть несет она силе вражьей,
Пусть наша правда горит все ярче!
Вперед, отважные! Хайт амарджа!

---

1 «Азар» — в данном случае траурно-торжественная поминальная песня.
2 Абрыскил — абхазский Прометей, герой-богоборец.

ПЕСНЯ О СОВЕТСКИХ ВОИНАХ

Эй, бесстрашные! Хайт амарджа!
Пусть огонь ваш пылает жарче!
На железных летя арашах,
Всех врагов раздавите наших,
Чтобы клич ваш в земле их дальней
Был им песнею погребальной,
Нам — чтоб песней победы стал он;
Чтобы небо без туч сияло!
Мы клянемся: дадим вам щедро
И коней, что быстрое ветра,
И клинки, что острее бритвы,
И все то, что нужно для битвы.
Если ж надо — придем на смену,
Будем биться с врагом презренным!
Защищайте ж дела отцовы,
И детей, и седоголовых.
Храбрый жизнь, но не честь теряет!
Раз рожденный — раз умирает,
Но отдав свою жизнь отчизне,
Никогда не уйдет из жизни!
Пусть же злобная сила вражья
Сгинет начисто! Хайт амарджа!

ПЕСНЯ О ХАМСЕ(1)

Героям — и песни геройские.
Простым — мы поем по-простому...
Хамс в город поехал на поиски
Лекарства ребенку больному.
И там о войне полыхающей
Узнал — и на пункт он помчался:
— Домой не вернусь я, товарищи,
Хоть сын мой больной там остался.
Поправится мальчик, друзья мои,
Страна же в опасности страшной! —
И встал он у красного знамени
Джигитом с душою отважной.
Колеса вагонные вертятся,
Все паром окуталось белым...
— Пусть мать на меня не рассердится,
Что с ней не простился! — запел он.—
Не мог, не успел — кличет родина.
Скажите же матери милой:
Фашистская будет уродина
Советской раздавлена силой.
Когда же победой прославится
Отчизна — вернусь я в селенье.
А сын не умрет — он поправится:
Победа — ему исцеленье!

---

1 Хамс — мужское имя.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Радуйся, страна моя родная!
От победных зарев ночь светла.
То твоих орлов родимых стая
Славную победу принесла.

Песнь победы льется над землею.
Вьется знамя. Враг повержен в прах.
Радуйся — твой вождь везде с тобою:
Партия — во всех твоих делах!
Партия вела тебя к победам!
Ею путь в грядущее изведан!..

Радуйся, страна моя родная!
От победных зарев ночь светла.
То твоих орлов отважных стая
На крылах победу принесла!

ГЕРОЙ МАХАЗ

Кто Махаз? Герой, храбрец,
Нашей Армии боец!
О делах его отважных

Знает старец и юнец.

Кто не слышал, что Махаз
Бил фашистов много раз,
Что душа его бесстрашна,
Крепки руки, верен глаз?

Наш Махаз — герой, храбрец,
Славной Армии боец!
Он врага добил в Берлине
И вернулся, наконец.

Кто не знает среди вас,
Как трудиться стал Махаз?
Кто не знает, что героем
Стал он первым и у нас?..

Он, Махаз, мечтал всегда
Мирные прожить года
Со своей семьей-отчизной
В тихих радостях труда!

СБОРЩИЦА ЧАЯ ЗИНА

Солнца диск опускался в море.
Волны были огнем объяты.
С молодыми кудрями споря,
Ветер Зину ласкал крылатый.

И порхала она по ряду
Хлопотливой пчелы быстрее.
Так листочки рвала, что взгляду
Было трудно поспеть за нею...

В ранний час, когда поднималась
Эта девушка молодая,
Вся природа с ней просыпалась,
Пели птицы, не умолкая.

Кто угнаться бы мог за Зиной?
Завтрак с ночи готов был Зине,
И когда она шла с корзиной,
Мгла плыла еще по низине.

В поле — шумное, словно море,—
Раньше всех она выходила,
И, подруг обгоняя в сборе,
Ворох лиственный громоздила...

Этот день был днем состязанья —
И сто два килограмма чая
Собрала она нам, сельчане,

Чай крутым холмом насыпая.

ГОВОРИТ ДУРИПШСКАЯ ЗЕМЛЯ(1)
Зовут меня Дурипшем —
Красноземный я!
Земля при строе бывшем
Высохла моя.
Она хоть плодородна,
Что растить — вопрос.
К чему земля пригодна,
Понял лишь колхоз,
Я садом стал цветущим,
Славой стал богат.
Плантаций чайных кущи
Листьями шумят.
Плантации, как море,—
Зелен их простор.
Ращу я чая горы —
Выше наших гор!

---

1 Дурипш — название села в Абхазии, где расположен колхоз миллионер. Основной культурой здесь является чай. Последний слог в слове «Дурипш» по-абхазски означает «красный».

ПЕСНЯ О ПОСЕВЕ
Хотя весна и за горами,
Колхозный наш готов народ:
Кто кукурузу сеет рано,
Тот рано урожай сберет.

И примет зерна золотые
Земля в объятия свои —
И выйдут стебли налитые,
Махая крыльями вдали.

Работать будем мы на диво,
Полоть усердно — до зари.
Средь нас нет места нерадивым.
Мотыги, друг, скорей остри!

О АНТИЦА!
(Шуточная песня)

— О Антица ты, Антица!
Долго ль будешь ты лениться?
Что работать не идешь, о ты?
— В понедельник голова трещала,
А во вторник в животе урчало,

В среду сердце целый день стучало
Не могла же выйти я, о ты!

— О Антица ты, Антица!
Что ни слово — небылица.
Ну, а в остальные дни, о ты?
— Голова в четверг опять болела,
Пятница — день отдыха от дела,
А в субботу все еще храпела —
Не могла же выйти я, о ты!

— О Антица ты, Антица!
Больно врать ты мастерица.
Здесь ленивым места нет, о ты!
Ты кривую выбрала дорожку.
Мы лентяям подставляем ножку.
Так подумала б о том немножко,—
О Антица, о Антица,— ты!

РЕКА, ОЗАРИВШАЯ АКВУ(1)
Было в старину одно ущелье,
Звали его люди Гумиста.
Поросло оно дремучим лесом,
Где таилось древнее зверье.
Человеку ни одной тропинки
Не было туда. Стоял стеной —
В диких зарослях, покрытый мохом —
Страшный черный лес куда ни глянь.
Там река внизу, на дне ущелья,
Клокотала — тоже Гумиста.
Грозный гул ее неугомонный
К человеку в горы долетал.
Но не шел туда во мрак зловещий
Ни охотник и ни зверолов.
Лишь порой кабан из чащи прянет
Да к вершине выйдет горный тур.
В час полуденный там тьма ночная —
Солнца луч сквозь дебри не пройдет,
А в теснине с бесполезной силой
Грозная безумствует река...
Шли века. Но вот однажды люди,
Что природу делали рабой,
Пробираться стали в то ущелье,
В дебри, к самым зарослям реки.
— Стой! — они сказали ей. — Довольно
Понапрасну тратить мощь свою:
Ты служить отныне будешь людям,
Мы изменим путь твой, Гумиста!.. —
И в ответ шумит поток бурливый:
— Справедлива, люди, ваша речь —
Что увижу там, куда стремлюсь я?

Вашей силе силу я отдам!.. —
И поток был поднят, чтоб с разгону
Прыгнуть по ступеням из бетона.
Там, где только дикий вепрь таился,
Электричества воздвигнут дом.
И теперь к прекрасной Акве
Голубые молнии летят —
Днем и ночью излучает солнце
Вся светящаяся Гумиста!

---

1 Аква — абхазское название города Сухуми.

СОВЕТСКИЕ АБХАЗСКИЕ ПОЭТЫ

Дмитрий Гулиа

Народный поэт Абхазии. Родился в 1874 году

«МИЛОЕ» СОЗДАНЬЕ
На гулянье он верхом выезжает в полном блеске,
Гордо выпятивши грудь в ладно скроенной черкеске.
Глаз чужих небрежный взгляд причинит ему страданье.
Он ведь жаждет услыхать: «Что за милое созданье!»

Прикрывает грубый нрав он искусством краснобая.
Ловко льстит и складно лжет, стройный стан в дугу сгибая.
Собеседника в душе он готов осыпать бранью.
Как не подивиться тут лицемерному созданью?

Он танцует и поет и бренчит на ачамгуре.
На других свалить вину он умеет, брови хмуря,
И с достоинством большим слово молвить
в назиданье... Право, что ни говори, это — лживое созданье!

Научиться ничему не дает ему зазнайство.
Уважает он разбой, презирая труд, хозяйство.
Попросить стыдится он, краже сыщет оправданье.
И твердят со всех сторон: «Что за скверное созданье!»

Добротою не богат, не отмечен благородством,
Он вдову ограбить рад, поглумиться над сиротством.
Слезы тронут ли его? Нипочем ему рыданье!
Это — злое существо, бессердечное созданье.

Сам — тупица, ничьему не внимает наставленью.
Прославляет он разбой и своей гордится ленью.
Путает добро и зло голова его баранья.
Никогда я не встречал столь бесстыдного созданья!

Вещь у друга украдет, не гнушаясь темным дельцем,
Да ему же и продаст, потешаясь над владельцем.
Погостив в его дому, сделал подлость на прощанье.
Трудно сразу распознать это низкое созданье.

Как он ласков натощак! До чего надменен сытый!
Перед нужными людьми он юлит, как пес побитый.
У него в глазах мольба, восхищенье,ожиданье.
Вон из кожи лезет он — двоедушное созданье!

За глаза друзей чернит, без стыда о них судача,
И ласкается к тому, у кого в дому удача.
От несчастных прочь бежит. Разве есть в нем состраданье?
Всех обманет и предаст вероломное созданье.

Воедино в нем слились плутовство и зубоскальство.
Если б знал он, до чего всем претит его бахвальство!
Облик истинный его вызывает восклицанье:
«Лучше б не жило совсем это подлое созданье!»

1907

ГУЛЯКА
Он, верьте, не пропустит поминок или свадьбы.
Ему лишь бить в ладоши да песни распевать бы!
Всю землю обойдите от края и до края —
Отыщете едва ли подобного лентяя.

Друзья, кому, скажите, такая жизнь к лицу?
Конечно, тунеядцу, бездельнику, глупцу.

Поет «Азар», «Амерту», в ладоши бьет и пляшет.
Взгляните, как он лихо платком па скачках машет,
Покуда, зазевавшись, не рухнет под копыта...
И снова — ногу в стремя, хоть в кровь рука разбита.

Друзья, кому, скажите, такая жизнь к лицу?
Отпетому гуляке, живому мертвецу!

По глупости считает он труд за униженье,
Снискать бездельем хочет почет и уваженье.
Враги над ним глумятся злорадно и жестоко,
Друзьям его досадно глядеть на лежебоку.

Друзья, кому, скажите, такая жизнь к лицу?
Конечно, дармоеду, ленивцу, гордецу.

Достоинство утратив, слоняется без толку...
Черкеску истрепал он, коню набил он холку.
Назойливый, развязный, хвастливый по натуре,
До седины дожил он, бесстыдно балагуря.

На это умудрится не всякий молодец,
А только забулдыга, пропившийся вконец!

1909

ЛОМА И БУСКА

Сроднились навеки с арбою абхазской
Покорные буйволы Буска и Лома.
Двух старых животных ни кормом, ни лаской
Совсем не балуют хозяева дома.
Могучие буйволы силой и статью
Как будто сродни благородному туру,
Но жалкий удел их — побои, проклятья.
Ярмо растирает им до крови шкуру.
С тяжелой поклажей дорогою пыльной
Плетутся, полдневным измучены жаром.
Невзгоды, и время, и труд непосильный
Рога источили двум буйволам старым.
Поверьте, несладко приходится Буске.
Не лучше живется и бедному Ломе:
То бранью хозяин осыплет на спуске,
То вытянет злобно кнутом на подъеме.
Два буйвола — зиму и лето в упряжке.
С годами еще безответней, покорней,
Безропотней груз волокут они тяжкий.
Награда на старости лет — живодерня.
Того и гляди, по ткварчельской дороге
К Багыру несчастных животных погонят
Откуда им ждать облегченья, подмоги?
Кого их страданье безмолвное тронет?
Эй, Буска и Лома, с тропинки горячей
Сверните, в прохладную тину залезьте!
Как быть? Потолкуйте с приятелем Бачей
И горе свое обсудите с ним вместе.
Дивится народ вашей силе огромной,
Зачем же терпеть вам удел подъяремный?

1909

ХОДЖАН БОЛЬШОЙ

Мне нравится Ходжан Большой:
Хозяйство, дом, чулан большой,
Битком набит карман большой,
Сам спесью обуян большой.

Овец в отарах — ввек не счесть.
Зерна в амбарах — век не съесть
Ходжан в безделье видит честь,
Оно не может надоесть.

У каждого еду и кров
Ходжан Большой отнять готов.

Он разорил сирот и вдов
И обездолил бедняков.

Друг с другом стравливать крестьян
Умеет наш Большой Ходжан.
Великий спорщик и смутьян,
Он сеет ложь, вражду, обман.

Ходжана распри веселят.
Ходжан кровопролитыо рад.
Он погребальный чтит обряд —
Поминки пир ему сулят.

Семь сыновей Ходжан Большой
Взрастил, и все черны душой.
В отца и старший и меньшой.
Их ремесло — грабеж, разбой.

У молодцов обычай крут:
Над встречным чинят самосуд.
Перечить им не вздумай —тут
И вовсе голову снесут!

Хоть сам Ходжан еще наглей
Головорезов-сыновей —
Не избежал он черных дней,
Дождался гибели своей.

Вступил он с богом в спор большой
Пришел к Ходжану мор большой.
И дом стал пуст и двор большой.
И нет семьи с тех пор большой...

Эй, что с тобой, Ходжан Большой?
Тебе урок был дан большой!
В твоем саду бурьян большой,
А над тобой курган большой.

1910

АБРАСКИЛ
Близ Кодора есть Чилоу. Давний слух в народе был,
Будто там одна пещера стала кровом тайных сил,
Будто в недрах той пещеры был прикован Абраскил,
С ним и конь его — чтоб вечно он, питаясь сталью, жил.

С давних пор в народе нашем разнеслась молва такая:
Шли отважные в пещеру, на песке следы читая.
Громко звали Абраскила, но молчала тьма глухая.
Лишь невнятно отзывалось эхо, наподобье лая.

Молвят, некогда из мрака раздалась такая речь:

«Бросьте поиски, бегите, коль хотите жизнь сберечь!
Возвращайтесь-ка обратно, не гасите только свеч
И отставших уносите, не щадя широких плеч!

Но ответьте, и да будет ваша искренность сугуба:
Есть в Абхазии и нынче люди с именем Кацуба?
Стелются ль, как прежде, лозы, терн гнездится ль возле дуба?»
— «Да!» — И цепи зазвенели из пещерного раструба.

«Значит, истинного блага нет в Абхазии родной,
Значит, нет еще покоя человеку под луной.
Значит, жизнь еще бесплодна и бесславен труд любой!»
С тем умолкнула пещера — и века была немой.

Наши древние преданья помнят имя Абраскила.
Слыл он добрым исполином, и в крови бродила сила.
Враждовал с лозой колючей, что дороги оцепила,
Да еще семья Кацуба век была ему постыла.

Все шипы, колючки, терны он рубил, угрюм и строг,
Перекинутые лозы убирал с людских дорог.
Нет, иод ними проползая, пригибаться он не мог!
Не заставил бы склониться Абраскила даже бог!

Но враги к столбу в пещере Абраскила приковали.
Тот подземный столб железный опрокинет он едва ли!
С ним и конь его прикован, верный спутник в дни печали.
Есть и пища у обоих: груда закаленной стали.

Дни и ночи из пещеры раздаются лязг и звон:
Абраскил, свой столб шатая, видит воли сладкий сон:
Вот сейчас он столб обрушит — и уйдет, освобожден!
Вдруг неведомую птичку со столба сгоняет он.

Но опять садится птичка — и, отчаяньем объятый,
Мечет молот он в то место, где уселся гость пернатый.
Птички нет, но в пол пещеры снова загнан столб проклятый.
Долгий труд за гнев минутный снова узнику расплатой.

Снова трудится несчастный — ночь за ночью, день за днем,
Снова, столб свой расшатавши, видит птичку он на нем.
Снова молотом тяжелым метит в птичку он потом,
Снова столб вгоняет в землю он в отчаянье своем.

Молвят, будто и доныне Абраскил, по воле рока
Околдованный в пещере, ждет назначенного срока.
Обойдет потом всю землю — от заката до востока.
Добрых друг, защитник слабых, победитель без упрека.

А иные по-иному повествуют иногда:
Абраскил ушел на волю, не разыщешь и следа...
По, отвыкшего от света, стерегла его беда:

Абраскил ослеп — и в горы удалился навсегда.

1910

* * *

День своего рожденья люди чтят —
Душой стремятся ввысь, премного веселясь,
Бескрылые, как будто бы летят
И, даже без гитар, идти готовы в пляс.
Как свечки светятся — попробуй их задуть!
Дню радуются? Нет! Ведь дни всегда одни.

И радуют людей совсем не дни,
Но счастье этих дней. Ведь в этом суть!
Оно, светлейшее, пришло на вас смотреть.
Танцуйте же, друзья! Ваш долг — плясать и петь.

И мне рожденья день вновь встретить удалось,
День понедельничный... Как будто добр денек!
Застал меня в трудах. Немало дел нашлось.

Того он и хотел. Иного ждать не мог.
Ведь жернова, хотя б в Каабу их возьмешь,
Зерно дробят. Вот точно так и я.

Я множу труд на труд всегда, день ото дня,
По правде говоря, лишь этого и ждешь!
Не пожалел бы сжечь я, точно сор,
Дни, не принесшие мне радости большой.
Сонм несвершенных дел всегда мой видит взор,
За недоделанное я скорблю душой.

Хоть горе не убьет, но всё ж держусь с трудом.
А день сегодняшний, он хмурится, ворчит,
Стремится припугнуть каким-то новым днем, —
Мол, этот день еще сильнее огорчит:
«С грядущим не спеши! Ведь в будущие дни
Тот Некто явится, хватающий людей, —
Назад не возвращаются они!»
Спасибо, день! Я понимаю, день!
Грядущее страшит? Ты так сказал о нем?
Предупреждаешь? Что же, поучай!
Но всё же и тебя спрошу я коп о чем,
И —заклинаю — честно отвечай:
Ты, день сегодняшний, что для меня принес?
От дней минувших что я получил?
Пусть бы тебе совсем прийти не удалось,
Пусть ливень бы тебя в пути остановил!

Все беспокойны вы, все тяжки для меня,
И день не хочется мне отличить от дня.

Вновь будет тяжело! Но ведь конец придет!
Грядущего я вовсе не боюсь.
Что видел я от вас? Лишь множество забот!
Но, как всегда, пишу, но, как всегда, тружусь!

21 февраля 1911

* * *

Если б мог добро я напевом слов
приманить!
Об одном благом для людей готов я
твердить:
Чтоб, сроднясь в труде, мог бы дружный люд
ладно жить,
Чтоб с познаньем он мог бы жаркий труд
дружно слить,
Если б зависть мне да незнанья зло
удалить,
Чтобы время всем навсегда пришло
не тужить!

1920

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Рдела, светая,
Тишь заревая.
Туча густая
Мглилась, взлетая.

Взмыла над нами
С гулом, с ветрами.
Встало вратами
Радуги пламя.

Молнией ало
Даль засверкала...
Ливень примчало,
Загрохотало.

Луг орошающий,
Травы рождающий,
Сад пробуждающий —
Вот он, желанный!

Стадо питающий,
Злак наливающий,
Все освежающий
Дождь долгожданный!

1912

ПЕСНЯ О ГЕРОЕ ИЗ ГЕРОЕВ
Воин отважный, герой и храбрец,
Верный товарищ, бесстрашный боец,
Сын твой любимый, Абхазия, —
Смелый Владимир Харазиа.

Танки фашистские ночью и днем
В прах обращал беспощадным огнем.
Славы бессмертной достоин.
Родина, сын твой и воин!

Стал для врагов он смертельной чумой...
Только назад не вернется домой
Сын твой любимый, Абхазия, —
Доблестный витязь Харазиа.

В сече с врагами, в дыму и в огне,
Сил не щадя, он погиб на войне,
Славы бессмертной достоин,
Родина, сын твой и воин!

Имя героя запомнит страна,
Песни о доблести сложит она,
И не забудет Абхазия
Светлое имя Харазиа.

1943

ГОРЫ И МОРЕ
Покачиваясь в легком челноке,
Закидывая сети на просторе,
Седой рыбак с рассветом вышел в море.
Его мечты парили вдалеке.
К вершинам снежным был прикован взор:
«Нет в мире ничего прекрасней гор!»

Охотник жил высоко в шалаше.
Под облаками громоздились кручи.
Но, видя сверху блеск волны могучей.
Он говорил: «Мне море по душе!»
Морская гладь охотника влекла
Сияньем светло-синего стекла.

А я лелею давнюю мечту:
Найти в короткой песне отраженье
Кавказских гор, и волн морских движенье,
Простор, и глубину, и высоту...
...Так возникает песня на лету.

1947

В ПОЕЗДЕ

Еду в поезде. Навстречу мчит с разгона
Между морем и горами лес зеленый.
Каждый лист, улыбкой будто тронут,
Рвется к окнам нашего вагона.

С небосвода солнце жаром пышет,
А вершины гор прохладой дышат,
А деревья, выше всё и выше,
Без конца листву свою колышут.

Здесь давно ль я в город пробирался,
За бока арбы рукой держался,
Буйвола хвостом я любовался,
С букварем своим не расставался!

Годы, годы, быстро вы проплыли!
Вижу я колхозы, изобилье!
Мы летим, как на орлиных крыльях,
Чтобы дни еще светлее были.

И навстречу мне летит с разгона
Между морем и горами лес зеленый.
Каждый лист, улыбкой будто тронут,
Рвется к окнам нашего вагона.

Январь 1947 г.

ДАМЕЙ

Я в горах побывал, где играл на свирели пастух.
Его песня простая мне тешила сердце и слух.

Вот он свой ачарпын осторожно подносит ко рту,
И чудесная песня стремится набрать высоту.

Ветерок пастуху подпевает, листвою шурша.
Как свежо, и прохладно, и тихо в тени шалаша!

В деревянную кружку старик наливает вино.
На свету загораясь, играет и рдеет оно.

Виноградом и сыром старик угощает меня.
Он поет, и в глазах его столько живого огня!

Черноглазый подпасок вблизи разжигает костер,
И мальчишеский взгляд не по-детски пытлив и остер.

Тонкорунные овцы на горном пасутся лугу,
— Для желанного гостя я песню одну берегу, —

Он сказал улыбаясь и трубку набил табаком. —
Видишь солнечный край? Он тебе с колыбели знаком.

Весь в плодах и цветах, он похож на сияющий сад.
А давно ли враги выползали из волчьих засад,

Обрекая огню наши пастбища и города?
И гудели леса, и окрасилась кровью вода.

Погляди-ка отсюда на наше родное село,
Как оно расцвело. Там и ночью осенней светло.

Издалека по трубам в деревню доходит вода.
Отовсюду нам вести приносят туда провода.

Двухэтажная школа стоит у подножья горы
И оттуда доносится радостный смех детворы.

Семерых сыновей на своем воспитал я веку.
Сколько радости светлой приносят они старику.

Старший сын — председатель совета в соседнем селе,
А второй — агроном, искушенный в своем ремесле.

Третий сын мой — писатель. Он песни слагает, как ты,
А четвертый парит в небесах, не страшась высоты.

Пятый сын мой — лесничий. Шестой у меня — садовод,
Ароматным его апельсинам дивится народ.

Бороздит неустанно морские просторы седьмой.
Повидаться с отцом приезжает он в горы, домой.

1949

ЮНЫМ ДРУЗЬЯМ

О юноша! Перед тобой лежит
Широкий путь, огромный, светлый, ясный,
И счастье каждый день тебе сулит,
Коль ты его не проживешь напрасно.

Но если бесполезно по пути
Хоть день один, хоть час один убудет,
Никто тебе потери не простит,
Никто такой ошибки не забудет.

Мы знаем тех, кто в старости привык,
В прохожих вызывая раздраженье,
Кричать на перекрестках: «Я—старик!
И значит, я достоин уваженья!»

И, жалкие седины теребя,
Как тот старик, ты жалобно заноешь;
Ты, время потеряв, себя
В своем бездействии похоронил давно уж.

И молодой, и старый гражданин
Живи, трудись в своей стране широкой!
Когда бездействуешь хотя бы день один —
Ты, значит, умер на день раньше срока!

Ты жизнь свою на годы не дели
И, долгий путь делами измеряя,
За счастье вечное своей родной земли
Отдай всю жизнь — вот цель твоя прямая!

1949

НАС СЛЫШИТ ЦЕЛЫЙ МИР

Лишь только заблестит рассвета первый луч,
Я слышу голос. Говорит столица.
Родимый голос тот, и ласков и могуч,
Сквозь мглу пространств сюда, ко мне, стремится.

Тот голос мне советы подает,
Вперед и ввысь идти мне помогая.
Столицу вижу я. Она встает
Перед глазами ясно, как живая.

Людей мильоны, где бы ни были они,
Услышат голос тот, знакомый и родимый, —
Повсюду зреет мощь, куда ты ни взгляни,
Везде велик в борьбе народ непобедимый.

В горах, в песках, на берегах морских,
На кромке вечных льдов, в полях, где зреет колос.
Где только люди есть — звучит везде для них
Москвы родной и мужественный голос.

Нас слышит целый мир! Мир понимает нас!
Простые люди нам везде всем сердцем внемлют —
Все, кто у горнов трудится сейчас,
И пахарь, обрабатывая землю.

А в час. когда земля в ночной тиши лежит
И сонмы звезд горят над морем и над сушей,
Ты думаешь, что спит Москва? Не спит!
Со всей землею говорит! Послушай!

1949

РОЖДЕНИЕ ГОРЫ

Трудящиеся Сухуми
озеленили и благоустроили
гору в черте города,
сделав ее местом прогулок.

В маленькой кофейне — как в жаровне...
В маленькой — большие господа:
Князь, купец, барышник и чиновник
Жадной сворой втиснулись сюда.

Деловые кратки разговоры,
И купец, покуда кофе пил,
Кончил сделку ловкую и гору
На корню у города купил.

Он сказал, что мало интереса,
Мало прока людям от горы,
Что гора — она покрыта лесом,
А в лесу, понятно, комары.

Благодетель города родного,
Хоть сейчас избавить он готов
Гору от лесистого покрова
Город, стало быть, — от комаров.

Умиленье сладкое на лицах:
До чего душа его добра!..
Хмуро в море светлое глядится
Хмурая сухумская гора...

Застучал топор на горных склонах,
Долетел деревьев стоп глухой.
Мет горы и гордой и зеленой —
Стала голой, темной и сухой.

А вокруг, как прежде, слышно пенье
Комаров в предутренней тиши...
А купец по-прежнему в кофейне
Кофе пьет. Считает барыши.

Высится гора в немой печали...
Синь внизу... Вверху — полет орла.
И гора рыдала бы ночами,
Если бы горою не была.

Но другие наступили даты.
Комсомольцы на гору пришли.
Зазвенели острые лопаты,
Подняли засохший пласт земли.

Ты прими, гора, от нас подарки:
Пальму юга, севера сосну.
Путь в цветах, и праздничный и яркий,
По горе уходит в вышину.

Наверху огням веселым тесно,
От созвездий отступает мгла.

И гора сказала б: «Я воскресла!»
Если б говорить она могла.

Вся в листве, обновою гордится,
Смотрит в море, юная навек...
Ну, не так ли в зеркало глядится
Молодой счастливый человек!

1951

НОВОГОДНЕЕ

1

Я клянусь: обычай славный —
Пить вино под Новый год,
Поднимать бокал заздравный
За друзей, за весь народ!

В старину какие тосты?
Чтоб хоть раз наелся вдосталь,
Чтоб здоровьем был неплох,
Чтобы вол, дай бог, не сдох.

Пить — так только за соседа,
Лишь к соседу — на беседу;
Словно за его межой
Мир чужой.

А сегодня все мы в сборе:
Вся страна — одна семья.
Пью вино на Черноморье
За своих собратьев я.

Волгари, нальем бокалы,
Чокнемся издалека,
Чтоб огнями засияла
Волга-матушка река!

Я желаю украинцам,
Чтоб увидел мир скорей
Море света, что раскинется
Над Каховкою моей!

Я желаю вам, таджики,
Чтоб под солнцем цвел ваш край,
Чтоб невиданно великим
Был бы хлопка урожай!

Волго-Дон!.. Пример хороший:
Так сроднились две реки,
Что водой не разольешь их...

Пью за дружбу, казаки!

Сибиряк, просторов житель!
Бурным рекам дай приказ:
«Не теките как хотите,
А как выгодно для нас!..»

Труженики за кордоном!
Пью бокал за вас до дна,
Чтобы в вечности бездонной
Напрочь сгинула война.

О врагах мы говорим:
«Счастья столько будет им,
Сколько капель я оставил
В том бокале с дном сухим!»

Я клянусь: обычай славный
Пить вино под Новый год!
Всех друзей мой тост заздравный
Погостить у нас зовет.

2

Ты видишь, я сед. И под вечер
Мне давит на плечи недуг...
Чего бы хотел я? Отвечу:
И много и мало, мой друг.

Хотел бы ковшом-исполином
Ворочать громады земли,
Чтоб волжским великим плотинам
Они основаньем легли.

Хотел бы с геологом рядом
Пройти Каракумы пешком
С пытливо нацеленным взглядом,
С тяжелым заплечным мешком.

Хотел бы увидеть в Рустави
Сияние жарких огней
И клокотание стали
Во чреве уральских печей.

Хотел бы землей Украины
До самого Крыма шагать.
Друзьям-ленинградцам машины
Для строек помочь собирать.

И каждую верную руку
Сердечно пожать на пути,
И с вами, товарищи внуки,

До дней коммунизма дойти.

Как видишь, и много и мало...
Но, как у друзей повелось,
Ты вспомни меня за бокалом,
Желая, чтоб это сбылось!

3

Помню новогодний день грозовый,
Никогда мне не забыть о нем:
Бились волны моря с гулким зовом,
Вспененные вражеским огнем.

Горизонт был тучами окован...
Сам себя я спрашивал тогда:
«Что за гром грохочет? И каков он,
Подлый враг, явившийся сюда?..»

Десять лет прошло с тех пор... И что же?
Я опять стою на берегу.
Где ж тот враг, что море зря тревожил?
И помину нет тому врагу!

Горизонта синяя граница...
Я упорно вдаль смотрю опять.
Разглядеть бы — кто это стремится
Наше море снова взволновать?

Взгляд его каков и цвет волос?
И во что одет он? Лоб и нос
У него какие? Или нет
Человечьих у него примет?

Пусть врагам ответ мой будет ведом
Годы пролетят — останусь тут,
А враги сегодняшние следом
За врагами прежними пойдут.

Десять лет назад одних мы били,
А другие помнят пусть сейчас:
Мы уже не те, что прежде были,
Мы еще сильнее в десять раз.

Вот рука — рука большевика.
Ты попробуй, как она крепка!

1951

СТИХИ ОБ ОКТЯБРЕ

1. «АВРОРА»

Ни громы, ни молнии так потрясти не могли
И сушу, и воды, и самое сердце земли.
Был выстрел с «Авроры» сильней, чем раскат громовой.
Он грянул внезапно над городом и над Невой,
Он был для трудящихся голосом правды живой.

И с невских суровых, одетых в гранит берегов
Рванулись балтийцы, штурмуя гнездовье врагов.
Восстание вспыхнуло. Ветер свободы подул
Из грозных, направленных в сторону Зимнего дул.
Страницу событий он яростно перевернул.

Хотя в Петрограде стояла осенняя ночь,
Рабочие знали, что темень отброшена прочь,
Что кончился гнет и настала другая пора.
С винтовочным треском слилось громовое «ура»,
И ранний рассвет озарил изваянье Петра.

Усиленный эхом, звучал орудийный удар;
Блеснув над Невой, он разжег небывалый пожар.
Борьба продолжалась, но в Зимнем потухли огни.
Настали суровые, неповторимые дни.
Бессмертной страницей в историю входят они.

Проникнута мыслью, блистательна и горяча,
Народ поднимала призывная речь Ильича,
И Партии слово дошло до несчетных сердец.
Неволе и гнету пришел долгожданный конец.

1947

2. ЛЕНИН

Когда Россия, пламенем объята,
Проснулась и в движение пришла,
А те, кто угнетал ее когда-то,
Еще грозили ей из-за угла, —

Как ясный свет, враждебный лжи и мраку,
Раздался голос Ильича.
Народ лавиной двинулся в атаку
И палачей пошел рубить сплеча.

От жизни жалкой, нищей и убогой
Стремясь на веки вечные уйти,
Пошла Россия ленинской дорогой
И не свернула с мудрого пути.

Не потускнели в памяти поныне
Сигнал «Авроры», пламя над рекой,
Ильич на бронированной машине
С протянутой в грядущее рукой.

Прочней, чем вечный камень Мавзолея,
Любовь к нему в любом из нас жива.
Рубиновым созвездием алея,
Над всей вселенной высится Москва.

Лучами светлой правды сквозь потемки
Сияли наши острые штыки,
И не забудут никогда потомки
Простертой к счастью ленинской руки.

1947

3. ВАН Ю С ЖЕЛТОЙ РЕКИ
Семнадцатый год... Чисты небеса
Осенние в южном краю...
В порту показывал чудеса
Бродячий артист Ван Ю.

О, как желта и как далека
Хуанхэ, родная река!..

Ван Ю сутул и плохо одет,
Но светлы в глазах огоньки.
И кажется, это глядит сосед
Кучор с Кодора-реки,

С Кодора-реки, что вблизи текла,
Всегда бурлива, всегда светла...

И вот однажды, встав на свою
Маленькую эстраду,
Ворох листовок роздал Ван Ю,
Листовок из Петрограда.

Склонились над строчками двести глаз,
Как факелы, сотня сердец зажглась.

И тут же исчез бродячий артист...
Где Ван Ю, коммунист?..
Напрасно его разыскивал шпик —
Полицейский шпик, меньшевик.

Поныне помнят мои земляки
Человека с Желтой реки.

Те годы ушли... Но в другом краю,
На далекой Желтой реке,
Поднялись сегодня братья Ван Ю,
Хозяева Хуанхэ.

И Октябрь стоит над ее просторами,

Которые так далеки!..
А Ван Ю навсегда в моем сердце, которое
Далеко от Желтой реки.

1952

4. БАЛЛАДА О СПАСЕННОМ ПАСТУХЕ

Кто сочтет водовороты Бзыбь-реки,
Что грохочет по ущелью среди гор?..
Вот взошел пастух на зыбкие мостки
И глядит на воду быструю в упор.

Вспоминает он, как пламя занялось
Над хибарою, что князем сожжена,
Как последних со двора сводили коз...
Князь безжалостен, и власть его сильна.

"Перед князем я слабее комара.
Может, с жизнью расставаться мне пора...
Камнем в воду — и прощай моя тоска;
Под волнами смерть найду на дне глухом!.."

По шагает незнакомец по мосткам, —
Он следит на берегу за пастухом.

— Рыбы много ли в реке?
— Как в сотнях рек.
— Деньги, что ли, уронил?
— Давно их нет.
— В чем же дело? —
А пастух в ответ:
— Друг, какой ты любопытный человек!
Может, лучше... — И на воду показал,
Прочертив дугу по воздуху, пастух.
Незнакомец посмотрел ему в глаза —
В них такое, что опасно молвить вслух...
И сказал он очень тихо:
— Дорогой,
Время попусту не стоит тратить нам.
Разве можно горевать над Бзыбь-рекой,
Если мир сегодня треснул пополам!..
С этой вестью городами послан я
К вам сюда, где тропы горные круты:
Власть — Советам,
Мир — народам.
А земля —
А земля таким хозяевам, как ты!.. —
И стоит пастух, со лба стирает пот:
То поймет его слова, то не поймет.
— К светлым дням привел страну рабочий класс!
Всех князей своих к чертям прогнал народ... —
И стоит пастух, с него не сводит глаз:

То поймет его слова, то не поймет.

Сел опять пастух на зыбкие мостки,
Долго смотрит на кипенье Бзыбь-реки...
А как встал пастух — совсем другой пастух
На такого б не хватило прежних двух.
И глядит он, и шагает он не так:
Горы слушают его могучий шаг!..

Сосчитать у нас с тобой не хватит сил,
Сколько жизней дорогих от смерти спас,
Сколько заново для жизни воскресил
Золотого Октября великий час!

Если мы с тобой и живы и сильны,
Если есть у нас и песни и цветы,
Если веселы и молоды, как ты.
Если внуками, как я, окружены,

То за это всей душой любой из нас
Прославляет Октября великий час.

1952

МОЙ ГОРОД

1. ТЕНЬ

Я закрыл глаза на миг...
Вот из мглы столетий многих
Город, маленький, убогий,
Тенью тусклою возник.

Налетал с морских дорог
Недруг, рыскавший по свету,
И топтал он землю эту,
Только вытоптать не смог.

И века без перемен
Здесь текли рекою длинной...
Ну, кому нужны руины,
Город-прах и город-тлен?..

Нет, не город — просто тень...
Но в надежде поживиться
Шел сюда из-за границы
Всякий люд, кому не лень.

Византиец лес забрал,
Эллин — мед почти что даром;
Человеческим товаром
Турок бойко торговал.

Весь в грязи, из года в год
Город жил... Кому он нужен.
Кто за ним смотрел бы хуже,
Чем вот этот пришлый сброд?

Я закрыл глаза на миг...
Вот из мглы столетий многих
Город, маленький, убогий,
Тенью тусклою возник...

2. ЖЕЛТАЯ СМЕРТЬ
Пятнадцатый год.... А как будто сейчас.
Я помню. Сосед на пороге у нас
Кричит, умоляет спасти:
«На помощь!.. Мой буйвол в болоте увяз
Отсюда шагах в десяти!..»

Второй наш сосед, задыхаясь, бежит:
«На помощь! .. Мой сын в лихорадке лежит.
Опора и счастье мюе!..
Он бредит в жару и на свет не глядит!.."
Мы входим к больному в жилье.

Он мечется, желтый, худой как скелет,
И хрипом предсмертным сменяется бред
Огнем лихорадка сожгла,
И в доме копейки для доктора нет, —
Желтая смерть пришла!

Писало начальство в тот памятный год
Про «желтую гибель» и «город болот»...
А море шумело волной,
А солнце светило с лазурных высот,
Земле улыбаясь родной.

3. ГОД ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
На заре сюда вошли солдаты
В серых шлемах, каждый со звездой...
И боец, усталый, бородатый,
Напоить просил его водой.

По двору, из дальнего похода,
Сапоги тяжелые пылят...
Пил солдат из медной кружки воду,
Черствым хлебом закусил солдат.

И сказал: «Весна, а будто лето.
Значит, солнце щедрое у вас...
Городок, видать но всем приметам.
Для хорошей жизни в самый раз».

Прошагали годы чередою...
Жив ли он, мой добрый друг и брат,
В островерхом шлеме со звездою,
Славный революции солдат?

Кто он был: мудрец или кудесник,
Тот, что слов десяток произнес?
Те слова запомнились, как в песне,
И, как в сказке, каждое сбылось.

Он поднялся, город мой, и быстро
В рост пошел: душа его жива!..
Точными словами коммуниста
Были те солдатские слова.

Вот и помню: шел солдат когда-то,
Напоить просил ег-о водой.
Пил из кружки. Был простым солдатом,
В островерхом шлеме со звездой.

4. ГОРОДСКОЙ САД
Старый рынок, а вокруг трясина;
Комары и мухи злы как черти...
Летом пыль деревья заносила,
А зимою — грязь аршином мерьте...

Но однажды в памятную дату
Я услышал, как гудят машины,
Я услышал, как звенят лопаты,
Я увидел — люди заспешили...

И на гиблом месте горожане
По-хозяйски начали работу;
Из лесу деревья приезжали,
И асфальт заковывал болото.

С берегов благословенной Рицы
Кедр явился, сосны шли с Гумисты.
Розы потянулись вереницей
И в саду рассыпались цветисто.

Струями ударили фонтаны.
Словно родники на горной круче...
И казалось, цвел тут постоянно
Светлый сад, зеленый и пахучий.

В этом деле и моя лопата,
Пусть немного, всё же виновата.

5. ЦВЕТЫ НА УЛИЦАХ
Вот здесь дорогу яма обрывала:
Пройдет лишь тот, кто прыгнет не боясь...

И в самом центре города, бывало.
Прохожий, поскользнувшись, падал в грязь.

Вот место окаянное, где буйвол
Увяз в болоте, так и не спасли...
А я смотрю и радуюсь: как буйно
Тут нынче олеандры расцвели!

Цветы, цветы!.. Здесь тысячи найдешь их:
Багряных, синих, желтых, голубых,
Лиловых, белых — нежных и хороших,
Как детвора, веселых и живых.

Вот эту розу посадил рабочий,
Вот те цветы сажала молодежь...
Есть где-то тут и мой цветок средь прочих,
Но я не вижу... Он с другими схож.

6. ДРУЗЬЯ
Иду по бульвару. И вдруг якут
Говорит мне с улыбкой: «Друг,
Я отлично здоровье поправил тут,
Увезу в Заполярье юг!..»

А в море, плывущего на боку,
Москвича качает прибой...
Гостям из Вильнюса, из Баку
Гость из Киева машет рукой.

Вот монгол попросил огня:
«Хороший у вас табак!..»
Вот узбек окликнул меня:
«Из Ташкента привет, земляк!..»

И мне удивительно хорошо:
Отовсюду сошлись друзья!
Иду — здороваюсь с латышом,
Жму руку уральцу я.

И радуюсь братьям моим родным,
И счастье растет вдвойне:
Значит, город мой полюбился им,
Далеким, но близким мне!

С друзьями радостью жизнь полна,
Для друзей ничего не жаль.
Хватит фруктов на всех, цветов и вина,
Пожалуйста, приезжай!..

1952

ЧЕЛОВЕК В ГОРАХ

Сколько ни таилось бы упругой
Силы в мышцах, мужества в крови.
По горам нельзя идти без друга —
Верного товарища зови!

Вот скала отвесною стеною,
В твердый камень еле входит крюк.
Ты спокоен. Сердце — как стальное:
Рядом —друг!

Ты над бездной. Так звезда порою
На краю горы повиснет вдруг...
Кажется, что смерть не за горою.
Нет, неправда! Рядом —верный друг.

Ты в лесу. И может так случиться:
Под ногою гулко треснет сук.
И кабан к тебе из чащи мчится...
Но с тобою рядом смелый друг.

Наконец вершина! Голубое
Небо расстилается вокруг.
Счастье в сердце вырастает вдвое
Оттого, что рядом счастлив друг.

Путь в горах по кручам и обрывам.
Но легко с товарищем идти...
Так каким же должен быть счастливым
Тот, кому с народом по пути!

В строй единый с верными друзьями
Локоть к локтю станем я и ты.
И пускай дороги перед нами,
Как в горах, круты,—

Знаю я, что мы придем к вершинам:
Светлый путь в грядущее ведет!..
В каждом сердце счастье нерушимо
Оттого, что счастлив весь народ.

1952

ГОЛУБЬ
Когда разгонит сны рассвет,
Я вспоминаю сквозь дремоту
Смешные игры детских лет,
На птиц занятную охоту.

Добудешь горсточку зерна
И решето с веревкой длинной...
Простая штука, но она
Была ловушкой голубиной.

И в клетку нес я голубей,
И закрывал за ними дверцу...
Я ощущал в руке своей
На волю рвущееся сердце.

Для пленных птиц дороги нет
простор с другими голубями...
Друзья по играм детских лет,
Сейчас я молча ссорюсь с вами!

Когда бы детство мне вернуть,
То к солнцу вешнему в зените
Я голубям открыл бы путь:
«Летите, голуби, летите!

Во все концы, во все края
Несите счастье по дорогам!..»
Когда б мальчишкою был я,
Сегодня я бы их не трогал.

Со мной вполне согласен внук
(Хоть с белым голубем проститься
Мальчишке жалко)... Он из рук
На волю выпускает птицу.

И голубь взвился в синеву,
Нежданной волей окрыленный,
И восхищенно вслед ему
Глядит мой внук с земли зеленой.

Как этот голубь дорог мне!
В нем мира видится победа.
И звонко бьются наравне
Два сердца — мальчика и деда.

Когда б я стал мальчишкой вдруг,
Я б всё глядел, как голубь вьется...
Рассветных дум обширен круг;
О детстве вспомнишь — и взгрустнется.

Сказать ли внуку моему,
Что обижал я эту птицу?..
Зато сегодня есть кому
Всерьез за голубя вступиться.

Летит, кружит в небесной шири
Крылатый символ мира в мире!..

1912

ОЛЕНЬ

Стоял он, красивый и рослый,
На круче у горной реки...
Рога — как трехлетние сосны,
А ноги, как лозы, тонки.

И пусть окружен он и ранен,
Но он на колени не пал —
Минуту живым изваяньем
Олень перед нами стоял.

Под кручей туманы клубятся
И пропасть лежит, как в дыму...
Он сделал, что мог. И ему
Теперь — погибать или сдаться.

Казалось, он должен смириться,—
Охотник живым заберег...
Но, ринувшись в пропасть, вперед,
Он стал на мгновение птицей.

И люди, у бездны на грани,
В молчанье следили за ним.
Пока он не скрылся в тумане,
По-прежнему непобедим...

А мне захотелось сегодня
Поведать вам песню о том,
Что лучше погибнуть свободным,
Чем жить, оставаясь рабом.

1952

ДРУГУ

Я забрался жить к луне поближе,
Ты — в долине... Голову склоня,
Я тебя частенько утром вижу,
Ты, поднявши голову, — меня.

Предок мой, заспорив беспричинно,
Твоего кинжалом поразил.
Прадед твой, едва лишь стал мужчиной,
Моего в отместку застрелил.

Много лет аулы среди гор
Кровью разрешали давний спор.

Ты живешь среди долин поныне.
Мой аул — почти что у луны.
Ты мне улыбаешься в долине,
Я тебе киваю с вышины.

Спорим, чья бригада победила,

Где просторней школа, ярче свет...
Если в чем помочь необходимо —
Вот тебе рука моя в ответ!

Не разнять сплоченных наших рук -
Где б ты ни был, я с тобою, друг!

1952

ПРИЗНАНИЕ
Дороги мне эти горные кряжи,
Яркое солнце, синяя высь...
Может, без них меня не было б даже;
В жизни смогу ли без них обойтись?

Но если родина мне поручает
Жить и работать в широкой степи —-
Значит, я друга в степи повстречаю,
Значит, в дорогу коня торопи!

Если мне скажет народ, что в пустыне
Нужен я больше, чем в отчем дому,—
Будут короткими сборы простые,
Скоро в пустыне друзей обниму.

Так же и ты. Моментальные сборы,
Надо так надо — отправишься в путь.
Родина скажет — поднимешься в горы;
Гость, в моем доме хозяином будь!

Руки народов сомкнулись в пожатье,
Партией нашей каждый согрет.
Светлая родина! Как передать ей
Гор величавых сердечный привет!

1952

ПАРТИЯ
Пускай природа силою своею
Сдвигает грозно кручи гор седых...
Но партия во много раз сильнее:
Она и рушит и возводит их.

Пускай природа собственною властью
Моря в тысячелетья создает...
Но партия — гораздо лучший мастер:
Проходит год — и море в берег бьет.

Вот над землей сияет солнце, грея
Просторы мира в ясный день весны...
А партия во много раз светлее:
Ее огнем сердца озарены.

Вселенная огромна... Синь сквозная,
Дорога неизведанных миров.
Она уходит вдаль, границ своих не зная.
Она — как наша к партии любовь.

Земля без солнца — мертвая планета,
Дыханье жизни — в солнечном тепле,
Нет без него ни воздуха, ни света, —
Без партии нет жизни на земле.

1952

ЗАЩИТНИКУ НАШЕЙ СТРАНЫ

Еще дымились камни Сталинграда,
И пыль еще улечься не могла,
Еще повсюду — щебень и зола,
И только-только смолкла канонада...
В тот день у Волги нас судьба свела.

Твоя рука обмотана бинтом...
Ты очень торопился в путь куда-то.
И я едва успел спросить о том,
В каком районе ранило солдата.
«Спешу, дружище, догонять войну.
Сегодня бой грохочет на Дону».

Неведомым твое осталось имя.
Ты попрощался — и исчез из глаз...
Кто твой отец? И жив ли он сейчас?
И почему знакомыми, родными
Мне показались вдруг твои черты?..

В семнадцатом году, в начале века,
В дни Октября я видел человека,
Которого напоминаешь ты.
Он Зимний в Петрограде штурмовал,
И обликом, и духом схож с тобою,
Совсем как ты, он смело воевал,
Был ранен в руку — не ушел из боя.

Как ты, спешил из лазарета снова
К друзьям, что шли сквозь грозы и пургу,
Неся с собою три могучих слова:
«Вперед!»
И «Смерть врагу!»

Не твой отец ли это был, солдат?
А может, это был твой старший брат?

Вторая встреча с ним произошла
В горах, на Черноморском побережье.

Двадцатый год. Солдат в шинели прежней,
Рука уже, как видно, зажила.

Он нежно поднял горского мальчонку
И целовал, как сына своего,
Отдав голодной матери его
Паек солдатский — ломтик хлеба тонкий.

И я спросил у воина тогда:
«Ведь это вы — я ошибусь едва ли —
С друзьями вместе Зимний штурмом брали
И ранены той ночью были?»
— «Да!»
— «И все-таки громили юнкеров?»
— «Да!»
— «Так значит, точно — вы и есть Петров!»

Он головою покачал в ответ:
«Ошиблись! У меня другое имя...»
Так сходны оба судьбами своими,
Что думаешь: различья вовсе нет.
И кажется — у этого, второго,
Шинель Петрова и усы Петрова,
Походка та же, взгляд, и та же доброта
У самых глаз в морщинках разлита.

.. .И вот на днях на улице Москвы
Рабочего я встретил пожилого.
Вгляделся — он! Я узнаю Петрова
И говорю: «Скажите, это вы —
Петров, который Зимний штурмовал
И вел людей в атаку за собою,
Был ранен в руку — не покинул боя,
В огне войны победу добывал,
Шел напрямик сквозь грозы и пургу
И повторял: «Вперед!»
И «Смерть врагу!»

Не вы ль однажды горского мальчонку
Ласкали, словно сына своего.
Отдав голодной матери его
Паек солдатский—хлеба ломтик тонкий?..
Да, это вы... Узнал по цвету глаз,
Хоть годы сильно изменили вас!»

«Я не Петров, — рабочий мне ответил. —
Но Зимний брал и на Кавказе был,
В голодный год с людьми свой хлеб делил
И, как страна, как весь родной народ,
Я говорю: «Вперед!
Всегда вперед!..»

Народной силе в мире нет преград!
Она взяла высоты счастья с боя,
Отстроила над Волгой Сталинград,
Она теперь — могущественней втрое...
Солдат страны — ты гвардии солдат,
Сын родины, отвагою богатой.
Мы строим мир. Идет за рядом ряд —
Народной силе в мире нет преград!

Мы знаем слово гордое: «Вперед!» —
И мы клянемся: Если будет надо,
Солдат вперед за коммунизм пойдет.
И смерть врагу! И никакой пощады!

Мы строим мир у мира на виду,
Несем земле обилие и радость —
И тот безусый воин-сталинградец,
И тот Петров в семнадцатом году,
И тот солдат, что хлебом стал делиться,
И тот рабочий, что живет в столице.

Ветрами боевыми опаленный,
Да славится советский наш солдат —
За наш Октябрь, за подвиг Первой Конной,
За битву под Москвой, за Сталинград.
За мой Кавказ, за Крым, за Украину,
За все освобожденные края
Любимого защитника и сына
Сегодня славит родина моя!

1952

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

1. ПРО СОЛНЦЕ

С неба смотрит Солнце
Миллионы лет.
Льет на землю Солнце
И тепло и свет.

Но посветит Солнце
И уходит прочь,
А живое сердце
Греет день и ночь.

Значит, сердце лучше
Солнца самого.
Никакие тучи
Не затмят его!

2. ПРО ЛУНУ

При Луне у нас в горах

Прогуляться хорошо.
Ну а как ходить впотьмах,
Если ночью дождь пошел?

Есть в колхозе новый дом,
Невелик и невысок.
Он во все концы кругом
Шлет по проволоке ток.

Если ночь у нас темна,
Не сидит народ впотьмах:
Не одна теперь Луна —
Много лун у нас в горах!

3. ДОКТОР И СТАРИК
Высока деревня наша.
Хоть мала, да высока.
Звезды ясные над нами.
А под нами — облака.

Ходит доктор по тропинкам.
Не боится он дождя.
«Эй, смотрите не болейте!» -
Говорит он, уходя.

Есть в деревне дед столетний.
Он на доктора сердит.
«Не даешь ты человеку
Расхвораться!» — говорит.

4. РОДНИК
В былое время под горой
Родник единственный бежал.
К нему народ ходил толпой —
Водил коней на водопой
По вековым ступеням скал.
И всё селение водой
Родник поил и умывал.

До родника спускаться — час,
Потом наверх взбираться — час.
И воду брать, нагнувшись, — час,
И отдыхать, вернувшись, — час...

Так йыл далек
Тот родничок,
Что под горой бежал у нас.
Но родники с недавних пор
Пошли по трубам в каждый двор:

И у Сагясы есть родник,
И у Дауда есть родник.

У деда Кана есть родник,
Да и у Баты есть родник.

И говорит нам Кан-старик,
Отпраздновавший сотый год:
«Ну и хорош у нас родник
По имени Водопровод!»

5. ДЕДУШКИН ЗАКАЗ
Сто километров горного пути
Пройдешь, чтобы до города дойти.
Легко бежит по скалам молодежь.
А в старости так быстро не дойдешь.

Идет до ближней почты старый Кан,
Снимает в будке трубку старикан
И задает всего один вопрос:
«А почему нет в лавке папирос?

«Казбека» нет, и «Беломора» нет».
И слышит он из города ответ:
«Пожалуйста, простите. Завтра днем
Мы несколько вам ящиков пришлем!»

6. ТЕЛЕСКОП
Построил школьник телескоп
(Тринадцатый мальчишке год),
И по уступам горных троп
К нему во двор спешит народ.

Соседи смотрят в вышину:
«Эх, полететь бы на Луну!
Так хорошо она видна —
Недалеко от нас Луна».

До поздней ночи о Луне
Идет беседа в тишине:
«Побыть бы там хотя бы раз,
Потом обратно — на Кавказ!»

7. НАШ ОФИЦЕР
Приехал стройный офицер
К нам с рубежей СССР.
Домой приехал отдыхать
И навестить отца и мать.

Соседям отдает он честь,
И каждый просит: «Заходи!»
И орденов не перечесть
У офицера на груди.

Ребята ходят вслед за ним,

И каждый юный пионер
Мечтает вырасти таким,
Как этот смелый офицер.

8. ЧАСЫ
И на руке и на стене
Верны часы у нас.
Они покажут вам и мне
Один и тот же час.

Едва лишь полночь настает,
Советская земля
Своих часов сверяет ход
С курантами Кремля.

Сейчас зима и тишина.
Над нами — звезды и луна,
Под нами — тучи пелена,
Густой туман ночной...
Но знаем: с нами вся страна
И мы со всей страной!

1953

ЮНЫЙ ГОД
Тепла и солнечна зима
У нас в республике Абхазской,
А там, на севере, салазки
Летят со снежного холма.

В зеленом городе Сухуми
Без шубы ходят в Новый год,
А в тех краях, где снег и лед,
Нельзя гулять в одном костюме.

Кодор — абхазская река —
Зимою плещет, как весною,
А Волга, Лена и Ока —
Под синей крышей ледяною.

Но хорошо везде у нас:
На дальнем севере и юге,
Там, где в снежки играют вьюги
И где сады ласкают глаз.

Приходит год на берег Лены,
На Каму, Дон и Енисей,
К нам на Кодор, на Терек пенный,
Приходит, бодрый, дерзновенный,
Как дети родины моей.

На внука моего похожий,

Смеясь явился юный год.
Как внук, расти он будет тоже
Со всей советской молодежью,
С тобой, великий наш народ!

28 декабря 1952 г.

ЛЕНИН С НАМИ

Как некогда на съезды приходил,
не разделенный с нами скорбной датой, —
живой Ильич пришел на съезд двадцатый,
родной, простой, каким при жизни был.
С трибуны, в зале и со всех сторон
он видел всех и всем был виден он.
Во время перерыва, на скамье,
где сели рядом, тесно плечи сблизив,
с волжанином, украинцем, киргизом
беседовал об их житье-бытье.
Нет, не виденье, не игра ума —
бессмертен духом, правдою нетленен,
на съезд двадцатый к нам явился Ленин,
всегда живой, как партия сама.
И поднимают миллионы рук
над веком нашим ленинское знамя.
Бесстрашный воин, самый лучший друг,
в сердцах людских, во всем, что есть вокруг,
он был, он есть, он вечно будет с нами!

1956

РЫБАК

Он, словно из пены рожденный,
На берег сошел опаленный.
Как парус его борода
По ветру летает, седа.
Удачлива ловля ночная,
И рыба за ним, как ручная,
Бежит, залученная в сеть,
В песке серебром заблестеть.
Глядит он на море, — и море
В его отражается взоре,
И волны, послушней собак,
Ступни твои лижут, рыбак,
Смирились, покорные силе.
А смертью давно ли грозили?
Он смело глядел ей в глаза,
Когда бушевала гроза.
Ни бурь не страшась и ни грома,
Рыбак — он ведь в море как дома...
Ты в море уходишь опять —
Позволь твою руку пожать!

1956

РЕКА
Веками вдаль она текла,
Не зная участи своей.
В разлив тащила из села
Все, что ни попадалось ей.

Могла реветь, могла рычать
И пенить вечную струю,
Но было некуда девать
Ей силу буйную свою.

Но вот обуздана она
Твоею волей, человек,
Она в тоннель устремлена —
Такого не было вовек!

В потоки света для людей
Превращена ее волна.
Смирилась с участью своей,
Как будто и не с гор она!

Тысячелетья без забот,
Без цели, буйствуя, текла,
А нынче не рычит — поет:
Работу по душе нашла!

1956

НА МОРСКОМ БЕРЕГУ
Я над утренним морем стою
И под шум его думаю думу мою:
Вот каким должен быть
Человек настоящий —
Необъятный душой, как оно,
Полный силы живой, как оно,
Как простор этот вечно шумящий,
Мчащий бурные волны в разгоне безбрежном,
Должен быть он и ласково-нежным,
Словно море летней зарей,
И таким после жизни своей
Будет в памяти жить он людской.

1956

ПАРУС
Парус в море лазурном
Уплывает под солнцем куда-то,
Чуть качаясь на тихой волне.
Скрылся вскоре
Бесследно

В сияющем море,
Будто не был он,
Будто приснился во сне.

Так иные из нас
По затишью житейских заливов
Без забот и трудов
Проплывают по воле судьбы;
И они, как тот парус,
уходят из глаз,
Исчезают навек без следа.
И не знаешь ты: жили они
Или не было их никогда.

1956

В ВОЗДУХЕ
Я запомню навек этот радостный день:
Проплывает земля подо мной.
Гудаута, Пицунда, Афон
И не Гагра ли там впереди?
Вот я вижу, на узкой полоске шоссе
Двое буйволов тянут арбу,
Но не видно — идут они, или стоят,
Или пятятся вместе с арбою назад?
И подумал я: если б такой самолет
Дали в молодости тебе!
И обидно мне, очень обидно теперь,
Что я долго сидел на арбе.
Молодые! Завидую вам, —
Жизнь свою вы прекрасною сделать вольны.
Если смладу вам крылья такие даны!

1956

Самсон Чанба
(1886—1937)

ДЕВА ГОР
Широко ракрылось взморье —
Гор могучих край чаруйный.
Им владеет Диво-Дева,
Дочь Кавказа-седовласа.

На вершине горной — гляньте!
Вот сама она белеет,
Как папирус, тот, что с Нила,
Как алмаз горит лучистый.

Нет на свете гибче стана!
А вкруг стана легкий пояс —

Из цветов сплетен он нежных,
Тех, что нет нежней на свете!

Вся одежда — розы! розы! —
Ниспадает розопадом
И струится ароматом,
И пьянеют им все дали!

Вьются косы, будто змеи.
Золотого блеска змеи,
И, на мраморные плечи
Опустившись, грезят сонно.

Все лицо трепещет смехом,
И горят глаза-алмазы.
Все в себе она окружье,
Диво-Дева Гор, вместила.

Так была с времен глубоких
На вершине — будто солнце,
А у ног — ее владенье,
Гор могучих край чаруйный.

А с высот неизмеримых
Слало небо зной-улыбку,
Слало вечный дар ей небо —
Тот, что мы зовем — Весною!

Дрема-дерево, что рядом
По лазури разметалось,
Веткой-лаской, сыпля шелест
Ей головку отеняло.

И, в груди лелея солнце,
Отраженное волною,
Серебром переливаясь,
Слало море неги вздохи.

Взор ее ловил крылатый,
Как волна целует берег
И, на отмель набегая,
Как ложится белой пеной.

И от взора не укрылся
И в долине и в ущелье
Ни одни из них — любимых
Сыновей се — абхазов!

Сладко сердце замирало:
Видит — мчатся необгонно
На конях своих в долинах...
Видит — вот они, на кручах!

II столетья протекали...
Взоры сытила любовно
Диво-Дева всем окружьем,
Сыновей отвагой гордой...

В день безоблачный, лазурный
Вдруг однажды там, где небо
С морем сходится далеко,
Легкой тучкой замутнело.

Вот — все ближе, вот — все шире,
Вот — глаза уж видят ясно:
Целым лесом мачт высоких
Поросло нежданно море.

Были это горе-гости,
Те, что по свету все рыщут,
Те, что любят торг и злато,
Те, кому вся жизнь — добыча.

Лишь завидела их Дева,
Дочь Кавказа-седовласа,
Заметались-запылали
Очи гневными огнями.

Всюду зов ее раздался,
Кликачи пошли повсюду:
Всем за родину и волю
Встать и дать отпор чужанам!

И на зов своей царицы,
Словно с гор орлы, слетались
Отовсюду дети воли:
Дать врагу отпор — готовы!

Но сломила сила силу!
И врага добыча — Дева!
И впервые две слезинки
По щекам ее скатились.

И лицо потухло — тенью
Залегла на нем неволя...
Розы! Розы — те, что рдели! —
И они потухли тоже!

А чужане по приморью
Понастроили твердыни
И сокровищ много-много
Увезли далеко в море.

И столетья протекали,

В скорбном трауре столетья,
И сменились горе-гости,
И в цепях лежала Дева...

Ей топтали грудь пятою,
И давила грозно сила,
И следы объятий страшных,
Как рубцы от ран, алели.

Но всего грознее туча,
Та, что с берега нависла,
Черной ночью оковала,
Без просвета, без надежды.

И спускались с гор абхазы,
Дети пленной Диво-Девы,
И, родную землю кинув,
В даль неведомую плыли.

Год за годом уходили...
Не светлела ночь-неволя...
Но в груди таилась искра,
И ждала — не даром Дева!

Семнадцатый год!
Октябрь Великий!
И вот —
Огневые блики,
И туча развеяна разом!

И хлынули силы-лучи —
Золотые мечи! —
И снова пред вольным абхазом,
Прорвав времена —
Она!

Белеет на горной вершине — гляньте!
И песню о нем,
О седом
Кавказе-гиганте,

О том, что свободен народ,
О мире великом поет,
И песню ту ж
Ей вторит кружь.

А с высот неизмеримых
Шлет ей небо зной-улыбку,
Шлет ей вечный дар свой небо,
Тот, что мы зовем — Весною!

Дрема-дерево, что рядом

По лазури разметалось,
Веткой-лаской, сыпля шелест,
Ей головку отеняет.

И, в груди лелея солнце,
Отраженное волною,
Серебром переливаясь,
Шлет ей море негги вздохи.

Ловит взор ее крылатый,
Как волна целует берег
И, на отмель набегая,
Пеной белою ложится.

И пе скроется от взора
И в долине и в ущелье
Ни один из них — любимых
Сыновей ее — абхазов!

Но глядит она прилежней —
И улыбка расцветает:
Где ж они теперь — чужане?
Все сроднились! Все — как братья!

Всех она лелеет лаской
И за сердце платит сердцем.
Где — свои? И где — чужие?
Тот и близок, кто ей ближе.

Все и всех в себя вмещая,
Так была с времен глубоких,
Так и будет Диво-Дева,
Дочь Кавказа-седовласа.

А с высот неизмеримых
Шлет и шлет ей зной-улыбку,
Шлет и вечный дар ей небо,
Тот, что мы зовем — Весною.

Дрема-дерево, что рядом
По лазури разметалось,
Веткой-лаской, сыпля шелест,
Ей головку отеняет.

И, в груди лелея солнце,
Отраженное волною,
Серебром переливаясь,
Шлет ей море негги вздохи.

Ловит взор ее крылатый,
Как волна целует берег
И, на отмель набегая,

Белой пеною ложится.

1923

Иуа Когониа
(1903—1928)

НАВЕЙ И МЗАУЧ
Навей и друг его Мзауч
Ровесниками были.
Ночная тьма и утра луч
Их рядом находили.

Вскормил Кодорский их уезд,
И я готов поклясться:
Дружнее не было окрест,
Чем эти два абхазца.

Своим желаньям искони
Не ведая отказа,
Скитались весело они
Ущельями Кавказа.

С зарею шли они на лов
И, не деля добычу,
Хурджаны(1) верных их ослов
Грузили редкой дичью.

Молва их славила в горах,
При них немела злоба;
И уважение и страх
Врагам внушали оба.

Но вот Навей, в родном краю
Красавицу засватав,
На свадьбу пышную свою
Созвал своих собратов.

Она была весны нежней
И нравом несравненна;
Любой бы юноша пред ней
Склонил свои колена.

На свадьбу друга приглашен,
Мзауч пленен был ею,
И завистью проникся он
К счастливому Навею.

Он ощутил впервые зной
Любовного недуга
И, овладеть стремясь женой,

Убить задумал друга.

С тех пор везде любимый взор
Сиял перед Мзаучем,
И был он завистью с тех пор
И ненавистью мучим.

Однажды вечером друзья
Оставили селенье.
Мзауч с Навеем шел, тая
В груди свое решенье.

Два дня с откоса на откос
Брели они по высям,
Стреляли туров, горных коз,
Блуждали следом лисьим.

Так шли они уж третий день,
Усталые, и скоро
Вошли в таинственную тень
Задумчивого бора.

А зной - горяч, а путь - далек,
трудна в горах дорога.
Навей в тени сосны прилег,
Чтоб отдохнуть немного.

Заснул он мирно, как дитя,
Заснул без сновиденья,
А в сучьях сосен, шелестя,
Дул ветер - провиденье.

Мзауч, намеренье свое
Спеша свершить скорее,
Навел коварное ружье
На спящего Навея.

Он метко целил - под газырь
Коричневой черкески,
И, сея отзвук вдаль и вширь,
Раздался выстрел резкий.

Несчастный вздрогнул, пробужден
Предательским зарядом,
И вероломному сквозь стон
Ответил скорбным взглядом:

«Ни оскорблений, ни обид
Не наносил тебе я...
За что ж тобою я убит?

За что сразил Навея?

Кто видел, как погиб Навей?
Свидетель преступленья,
Ушам людей мой стон навей,
О ветер-провиденье!»

Так в старину в глухих горах
Свершилось злое дело:
Окаменел джигита прах
И сердце охладело.

Мзауч о нем не горевал,
Исполненный смущенья,
Он даль пугливо озирал,
Страшась людского мщенья.

Потом убитого сокрыл
Во впадине пещерной
И с местом смерти поспешил
Расстаться, лицемерный.

Придя домой на склоне дня,
Заметил он, робея,
Что нзумилась вся родня
Отсутствию Навея.

«Ты возвратился одинок?-
Услышал он с испугом. -
Где твой товарищ? Как ты мог
Расстаться с верным другом?»

Поник изменник головой,
Смущен вопросом этим,
Но, мигом справившись с собой,
Ответил он соседям:

«Два дня в горах он был со мной,
Но, поражен недугом,
Один направился домой,
Расставшись с верным другом».

И он, о спутнике своем
Притворно сожалея,
Ложь повторил перед отцом
Несчастного Навея.

Родные, выслушав рассказ
И затаив тревогу,
За ним на поиски тотчас
Отправились в дорогу.

И много дней, судьбу кляня,
По скалам и по кручам
Навея скорбная родня
Блуждала за Мзаучем.

Но вероломный, в дождь и грязь,
Их вел дорогой ложной,
И утомились, примирясь
С судьбою непреложной.

Все по домам пошли тогда
И долго горевали
О том, кто сгинул без следа
На горном перевале.

Но постепенно и молва
О мертвом замолчала,
И лишь печальная вдова
О нем не забывала.

Не знала скорбная, что муж
Истек в трущобе кровью,
И вера - солнце бедных душ -
Ласкала душу вдовью.

В семье убитого злодей
Издавна был любимым.
И через год, лукав, как змей,
Сказал он побратимам:

«Жалел всегда и буду впредь
Жалеть о верном друге,
Но ведь не вечно же скорбеть
И ждать его супруге.

Хоть эти дерзкие слова
Мне тяжки, словно камни,
Навея славная вдова
Уже давно мила мне.

Ее во сне и наяву
Я вижу пред собою;
Хочу прекрасную вдову
Назвать своей женою».

Глубоко братья и отец
Задумались вначале,
Но согласились под конец
И в голос отвечали:

«Хоть до сих пор ее мечты
Полны одним Навеем,
Супруга лучшего, чем ты,
Найти ей не сумеем».

Ответ отрадный! За него
Мог жизнь отдать бы,
И завершили сватовство
Огни веселой свадьбы.

Давно ль содеян тяжкий грех?
У места ли веселье?
Увы! Сумев умаслить всех,
Он справил новоселье.

И тень загубленного в дрожь
Не кинула злодея,
И повторял он часто ложь
Родителям Навея.

Шесть лет, как миг, прошли с тех пор.
У них уж были дети,
И о погибшем в щелях гор
Забыли все на свете.

С семьей в довольстве жил Мзауч
И презирал заботу.
Как прежде, ловок и могуч,
Ходил он на охоту.

Он бил и туров и козуль,
Любил в горах ночевки,
И серны падали от пуль
Лихой его кремневки.

Но как-то раз, не видя туч,
Не чуя близкой кары,
В своем саду прилег Мзауч
В тени большой чинары.

Его жена, его душа,
Присела на ступени;
В саду же, листьями шурша,
Дул ветер-провиденье.

Под колыхание ветвей
От ветра-чародея
Он вспомнил, что сказал Навей,
И вспомнил смерть Навея.

Он все сумел у друга взять!
Преграды нет желаньям!
И смеха он не смог сдержать,
Глумясь над предсказаньем.

И смехом тем поражена,
Вняв вышнему совету,
Решила выведать жена
у мужа тайну эту.

Она припомнила в тот миг
Исчезнувшего мужа,
Но затаилась, дум Своих
Ничем не обнаружа.

И с видом ласковым жена
К супругу приступила,
И смех растолковать она
Мзауча попросила.

Сперва отнекивался он,
Но время все ведь смыло!
И, приставаньем утомлен,
Открыл он все, что было:

Как он товарища убил,
Когда блуждали вместе,
Как ветру-вестнику вручил
Навей свое Возмездье,

Как скрыла труп пещеры тьма.
Супруга все узнала,
И, ярость затаив, сама
Она захохотала.

«К чему, молчание храня,
Таил свое признанье?
Тому, что сделал для меня,
Не надо оправданья!"

Он задремал, спокоен вновь...
Она же, в изголовьи
Оружье взяв, Навея кровь
Омыть решила кровью.

Нацеля в мужа пистолет,
Она курок спустила,
Навея мертвого завет
Вдова осуществила.

И словно вздох Навея, знак
Свершившегося мщенья,

Твой вопль пронзил осенний мрак,
О ветер-провиденье!

Народ тогда ж из уст ее
Узнал о злодеяньи
И о преступнике, свое
Понесшем наказанье.

Лишь уступила свету мгла,
Потупив гневно взоры,
Она старейшин повела
В таинственные горы.

И без труда они нашли
Загубленного кости
И прах с почетом погребли
На дедовском погосте.

Слез было много пролито
В селеньи о могучем,
Но из сородичей никто
Не плакал над Мзаучем.

Так настигает в мире всех
Твое святое мщенье,
Так ты казнишь кровавый грех,
О ветер-провиденье!

1924

---

1 Хурджан (хурджин) - переметная сума, обычно из ковровой ткани.

ЗАСХАН АЧБА И СЫНОВЬЯ БЕСЛАНА ЖАНАА

1

Некогда жил в Шапсыге
Засхан — большой властелин.
Над землями, над народом
Господствовал он один.

Кто с ним поспорит — он тотчас
В рабство продаст того
Или голову снимет.
Все боялись его.

Не выделялся он видом,
Телосложеньем своим.
Все же самое лучшее
Никому не встречаться с ним.

Был он низкого роста,
И худощав, и хром.
Обшитая золотом шапка
Вечно была на нем.

И жили в селе в ту пору —
Всех смелей и сильней —
Восемь Жанаа Беслана
Мужественных сыновей.

2

Не полюбились Засхану
Жанаа Беслана сыны.
И порешил властитель:
«Они погибнуть должны.

Только узнать бы надо,
Есть ли у них родня».
Чтобы узнать про это,
Засхан вскочил на коня.

К Бзыби-реке помчался
Засхан во весь опор.
С Хабыр-ипа Кацом(1)
Такой повел разговор:

«Про сыновей Беслана
Что ты расскажешь мне?
Все, что знаешь, поведай
Ты об их родне.

Их друзья на Бзыби
Не проживают ли здесь?
Сколько у них знакомых
В этом краю есть?»

Вот что Засхан промолвил,
В душе затаивший тьму.
И отвечал на это
Хабыр-ипа Кац ему:

«Здесь на реке на Бзыби
Нет ни родных, ни друзей
У Жанаа Беслана
Восьмерых сыновей.

К Гульрипш-ппа Саламбаку
На берег скачи Гумисты
И Саламбаку тот же
Задай вопрос ты».

Был Саламбак в ту пору
Знатен и полон сил.
И как боец отважный
Всем он известен был.

3

Засхан со своими друзьями
Двинулся дальше в путь.
Торопятся к Саламбаку,
Нигде не хотят отдохнуть.

«Эй, Саламбак, гоню я
С берега Бзыби коня.
Я приустал немного,
Дело есть у меня.

Только тебя прошу я
Дело в тайне беречь.
О сыновьях Жанаа
С тобой поведу я речь.

Вечно они стремятся
Грабить, разбойничать, красть,
Чтить меня не желают,
Им смешна моя власть.

Есть ли у них тут родич,
Кто бы вступился за них,
Ежели разорю я
Этих врагов моих?»

Многих земель властитель,
Гульрипш-ипа Саламбак
Выслушал речь такую
И отвечал так:

«Хоть проищи весь месяц,
Знаю наверно я,
Близких тут не имеют
Беслана сыновья.

Ты поспеши в Абжуа,
Там ты расспросишь, друг,
Есть ли родня у братьев,
Знает Дзяпш-ипа Кашлук».

4

Снова Засхан в дороге,
Гонит опять коней

И добрался в Абжуа
Он через много дней.

Кашлука застает он.
С ним он наедине.
Все рассказал; и понял
Гостя хозяин вполне.

Гостю сказал: «У братьев
Тут близких нет никого».
Тихо Засхан промолвил,
Выслушав слово его:

«Братья одни в Абхазии.
Дальше в путь поспешу.
На Северном на Кавказе я
О том же порасспрошу.

А тебе обещаю,
Коль ты мне поможешь сам,
Разорю я врагов нежданно
И тебе их за помощь отдам.

На фелуке плыви с друзьями
Ко мне в назначенный час,
С Гульрииш-ипа Саламбаком,
Он тоже поддержит нас.

Возьми оружье, припасы,
Ведь наши враги сильны,
Но все же справимся с ними
Мы без большой войны.

К берегу приставайте,
Когда наступит пора.
Вас поджидать я буду
С полуночи до утра».

5

Дзяпш опасность чуял,
Но решиться не мог на отказ.
Засхан от него поехал
На Северный на Кавказ.

Через долины и скалы
В дальний забрался край,
Достигнул он Карачая,
Спустился он в Карачай.

Там расспрашивал многих,
Многие тратя дни.

У сыновей Беслана
Не было там родни.

Сил не шадя, добрался
И до Сванетии он,
Целых шесть суток ездил,
Хоть очень был утомлен.

6

Месяц прошел. Вернулся
Засхан домой наконец.
Срок набега назначен.
К абрекам послан гонец.

Дзяпш-ипа Кашлук
И Саламбак скорей
Взяли оружье и пули,
Собрали в поход друзей,

Все на фелуку сели,
Пустились в трудный путь,
Веслами волны рубят.
Ветер им дует в грудь.

Вовремя подоспели.
Ленты зари горят.
На берегу в ожиданье —
Засхан и его отряд.

Вместе сошлись абреки,
Двинулись к братьям в дом.
Загрохотал внезапно
Ружей смертельный гром.

Троих уложили братьев
Сразу, а пятерых
В плен живыми взяли,
Руки связали их.

В плен двух сестер забрали,
Скот увели со двора.
И подожгли строенья,
Не пожалев добра.

Прочь ушли. И услышал
Их голоса тогда
Абатаа Батакуа, —
Пас он в лесу стада.

Был он роднею братьям.
Кровь разъярилась в нем.

Опередил абреков
Он сокращенным путем.

Крикнул он на абреков,
Спрятавшись между скал.
Будто ружейный выстрел,
Голос его прозвучал.

Пулю послал в злодеев.
Те же на одного
Тоже подняли ружья,
Чтобы убить его.

Вспыхнула перестрелка,
Яростный бой закипел.
Многих убил Батакуа,
Сам же остался цел.

Пленников троих отбил он.
Храбро стрелял пастух.
Двух братьев враги угнали,
Также и девушек двух.

И ускользнул от абреков
Батакуа невредим.
Имя его и прозвище
Будут памятны им.

Первый Засхан уходит,
Все за ним по пятам,
Берега достигают,
Остановились там.

Пленников — на фелуку,
Всю добычу свою
Вносят потом туда же
И всех, кто погиб в бою.

И отплывают быстро
В море с чужим добром.
Пленницы-сестры плачут,
Словно над мертвецом.

Вся залилась слезами,
Злобный кляня обман,
Так причитала в горе
Старшая Казырхан:

«Восемь имея братьев,
Мы не боялись бед.
Братья в плену, троих же
Больше на свете нет.

Знал весь народ героев,
Славил их имена,
Смерть не страшна была им,
Но тяжела война.

Мы натрудили пальцы,
Им вышивая каштат(2).
Но не один от плена
Не защитил нас брат».

Старшая так рыдала.
Младшая, вторя ей,
Плакала, причитала,
Жалуясь все сильней:

«Мы тебя не видали,
Не вышивали каштат
Тебе, пастух Батакуа,
Кто нас защищал, как брат.

Порох твой надежней,
Пуля твоя верней,
Ружье твое бьет метче,
Чем у других людей.

Голос твой могучий
Среди всех слышен один,
Храбрее всех ты, Батакуа,
Гор неприступных сын.

А ты, хромоногая шашка,
Засхан, разоритель, зверь,
В папоротнике нашем,
Засхан, копайся теперь».

Так причитали сестры
Обе наперебой,
Связанные, голосили,
Одна вторя другой.

Плыли в морские дали.
Засхан Ачба был рад,
Что, разорив Жанаа,
К дому плывет назад.

Он, покоривши братьев,
Род их совсем пресек.
Братья рабами стали,
Пленниками навек.

Но ненавидим всеми

Жил Засхан. И родным
Страшно и ненавистно
Было встречаться с ним.

Грабя и разоряя,
Он проводил года
И порешил в гордыне,
Что не умрет никогда.

Но пролетело время,
Час, наконец, пробил.
Старость пришла. Преступник
Вовсе лишился сил.

И на последнем ложе,
Тяжким недугом сражен,
Вытянулся и больше
Не просыпался он.

И проклял навеки народ
Имя Засхана и род.

---

1 Ипа — сын.
2 Каштат — охотничий мешок, род патронташа.

1924

ХМЫЧ-ОХОТНИК

Порешил однажды храбрый Хмыч
Покорить с товарищами скалы,
Поднебесной высоты достичь,
Тура сбить — во что бы то ни стало.

Добрым солнцем летний день богат.
Нет ни тучки в небе бирюзовом.
Тихо все.
И только водопад
Сотрясает горы мощным ревом.

Долог путь охотников и крут.
Неуступчивы и голы горы.
Глушь, безлюдье.
Но они идут,
За вожатым поспешая споро.

Алабаша(1) острая верна.
Обувь из дубленой шкуры бычьей.
Выложена мхом внутри она,
Чтоб не замерзали ноги Хмыча.

Как и Хмыч, друзья нагружены

Полными мацони бурдюками.
Крепки алабаши из сосны —
Никакой их не затупит камень.

Взяли пищи вдосталь, про запас,
Порохом набив пороховницы...
Шли охотники не первый час
И присели малость подкрепиться.

Здесь ни мул, ни лошадь не пройдет,
Так отвесны дикие отроги...
Вновь носки обращены вперед.
День-деньской товарищи в дороге.

Вот напасть — ни птицы, ни зверья!
А подъем труднее с каждым шагом.
Поотстали позади друзья,
Поостыла в их сердцах отвага.

Солнце накренилось уж вдали,
И зашевелился ветер свежий.
Озираючись, они брели
И шутили на пути все реже.

Хмыч их далеко опередил.
Наконец, вожатый обернулся.
Понял он, что выбились из сил.
Понял, что сробели...
Усмехнулся.

И спустился он к своим друзьям,
Вывел их на ровное межгорье.
Сам наверх опять пошел, упрям,
С крутизной утесов черных споря.

Без тропы карабкался один,
Подымался по уступам ловко.
Очутившись средь пустых вершин,
Из чехла достал свою винтовку.

Лег у водопада Хмыч-смельчак,
Метким взором всю округу меря...
Долго-долго выжидал он так,
Будто бы таился он от зверя.

Вдруг охотник туров увидал
В предвечернем призрачном тумане.
Сжал кремневку, но стрелять не стал:
Велико до цели расстоянье.

На макушке дальнего хребта
Туры круторогие резвились.

Неприступна эта высота,
Путь к подножью каменист, извилист.

Но у Хмыча правило свое:
Коль задумал — так исполнить надо!
Зарядил бесшумно он ружье
И пошел тишком вдоль водопада.

Путь до цели — повторю — далек,
И ходок устал неимоверно,
Взмок от пота жаркого стрелок,
Пробираясь за хребтом, как серна.

Хмыч шагал вперед, напорист, смел,
Обо всем забыл добычи ради.
За гранитной глыбой он присел,
Поудобнее ружье приладя.

И застыл, спокоен, недвижим.
А минуты шли — одна, другая...
Громоздились горы перед ним,
Грозными изломами пугая.

Пропастей зияющих оскал,
Чёла круч, насупленные хмуро...
Не заметив Хмыча между скал,
Прыгая, рогами бились туры.

Пристально прицелился стрелок.
Пальцы на курке окаменели.
Не спеша спустил тугой курок —
Грохнулся вожак-силач в ущелье.

Грохот выстрела еще не стих —
Туры к краю бросились без дрожи.
Сгинул в бездне предводитель их.
Им хотелось прыгнуть следом тоже.

Хмыч кремневку перезарядил
И, орлиный глаз остро прищуря,
Два заряда он подряд всадил
В самую середку стаи турьей.

Два отменных в пропасть сорвались.
Хмыч-охотнпк в них глазами впился.
Тур один упал глубоко вниз,
А другой за выступ зацепился.

Остальные разом — кто куда,
Будто бы стряхнув оцепененье,
Не оставя даже и следа,
Осыпая гулкие каменья.

Что ж, ружье не подвело опять
Ходока настойчивого Хмыча!
Но задача:
Надо тура снять —
Ведь не пропадать такой добыче.

Подступиться к зверю нелегко:
Нет тропы,
Скала почти отвесна.
А внизу, глубоко — озерко,
Синяя, сияющая бездна.

На уступе распластался тур.
Под закатом озеро блестело.
Хмыч задумался, суров и хмур...
Вверх решил идти охотник смелый.

Незнаком был удалому страх,
Оставлять добычу было жалко.
Пядь за пядью в гору на носках
Лез упрямец, опершись на палку.

Выше, выше...
Вот он, наконец:
Кровью подтекла большая туша.
Мускулистый, молодой самец...
Обнажил охотник нож пастуший,

Зверя славного освежевал,
Мясо завернул в его же шкуру,
Крепкой бечевой перевязал,
На плечо взвалил красавца тура.

Осторожно он полез назад,
Глядя вниз,
Отвагу набирая.
Травы пересохшие скользят,
Обрывается тропа крутая!

Щебень осыпался из-под ног,
И спускаться было все труднее,
И заколебался Хмыч-ходок,
Посмотрел вокруг себя, бледнея.

Впереди и сзади — все одно,
Путь все каменистей, безысходней.
Понял, что ему не суждено
Возвратиться к землякам сегодня.

Но карабкался упорно он,
Шаг за шагом, сила есть покуда...

Под ногою оборвался склон,
Хмыча сбила с ног каменьев груда.

Слова он промолвить не успел...
Прокатился тяжкий гром обвала.
Головою в пропасть Хмыч летел,
А ружье в кустарнике застряло.

Пощадило озеро стрелка,
На мгновенье вытолкнув наружу.
Но ослабла сильная рука,
Тело налилось могильной стужей...

Выстрелы заслышали друзья,
Воодушевясь, полезли снова.
Озираясь, по камням скользя,
Добрались до озерка глухого.

Вид окрестных скал угрюм и дик.
Было тихо, будто бы в пустыне.
Хмыча-предводителя башлык
Плавал по воде прозрачно синей.

У подножья этих мертвых глыб
Поняли они в одно мгновенье,
Что вожак отважный их погиб.
Дрогнули сердца их и колени.

И, свою усталость поборов,
Кинулись искать повсюду тело...
Хмыч не видел их, не слышал слов.
Озеро навек им завладело.

Сообщили родичам друзья.
Переполошилась вся округа.
В голос плакала его семья,
Поразила близких гибель друга.

Все, кто мог, покинули дома.
В горы двинулись в большой печали.
И дорога их была пряма:
К озеру понурясь шли сельчане.

Шли по следу Хмыча-ходока
Женщины, детишки и мужчины,
И вела любовь их и тоска,
И дорога не казалась длинной.

Шли, чтобы взглянуть на озерко,
Где сокрыт бесстрашный их добытчик.
Звали, плакали — но глубоко,
Глубоко лежал любимый Хмыч их.

Трое суток оставались там.
Рвали волосы родные, воя...
Он не отзывался землякам,
Погребенный синею волною.

Он страданий выразить не мог.
Он ушел, ушел от них до срока...
Он ходил далёко, Хмыч-ходок,
Он взбирался высоко-высоко.

Туров приносил и диких коз
Он в свое родимое селенье.
Был неутомим в жару, в мороз,
Были крепки сердце и колени.

Отдыхом желанным был поход,
Радостью ему была охота.
Неужели сна он не стряхнет?
Неужели спать ему охота?

Он лежит, утесами храним,
Он не видит ни зверья, ни птицы.
Бездна синяя стоит над ним,
Бездна неба в глубь ее глядится.

---

1 Алабаша — палка с острым металлическим наконечником.

1924

* * *

Темною ночь была.
В округе — ни огонька.
Небо окутала мгла.
Лишь север светлел слегка.

Ветер крыльями бил
В окна сонных лачуг,
Небо снегом слепил,
Выл, разъярившись вдруг.

Скоро смолкла пурга.
Очистился небосвод.
Ярко сверкали снега.
Сковал растения лед.

Камнем стала земля,
Блистали снежинки звезд;
Писем горы беля,
Потрескивал сухо мороз.

Зимняя ночь тиха.
Не слышно даже собак.
Редкий вскрик петуха
Вторгался в беззвучный мрак.

Зимняя ночь велика,
От снега белым-бела...
Ветер гнал облака.
Земля рассвета ждала.

1924

МОЯ ДОРОГА

Все дальше от знакомого порога
Ведет меня, зовет меня дорога.
Мне все ее тревоги по плечу.
Сворачивать с дороги не хочу.

Она меня берет, не извиняясь,
Ведет вперед, все время изменяясь,
Она бывает легче и трудней, —
Но думаю, что не ошибся в ней.

Пусть ветер налетит, в лицо мне дуя,
А все равно с дороги не сойду я —
Ну как своим товарищам скажу,
Что я с дороги избранной схожу!

Ведь я друзой имею настоящих,
За правду неподкупную стоящих.
Мне с этими друзьями — по пути,
И значит — мне с дороги не сойти...

Мой труд лишь полной требует отдачи.
Сопутствуют удачам неудачи.
Лишь стих, что нас волнует, — сердцу мил,
А что меня волнует? Целый мир!

Итак, мы прочно связаны отныне.
Не брошу я тебя на половине.
Лишь чувствам сокровенным отдаю
Я книгу откровенную мою.

Писать о самом главном не устану,
И правду говорить не перестану.
Мне все тревоги жизни — по плечу.
Сворачивать с дороги не хочу!

1924

* * *

Солнце село за домики,
Ночь вползла в мезонин.
Месяц выглянул тоненький,
Вышли звезды за ним.

Ветки свесились хрупкие
Над водой голубой.
Звезды падали крупные
С неба вниз головой.

Плыл туман над ущельями
Отдаленной гряды,
И ни птичьего щебета,
И ни всплеска воды...

Я измаялся начисто,
Я уснуть все не мог.
И рассвет обозначился,
Словно синий дымок.

Все в нем строится наново,
Создавая зарю.
Глядя пристально на небо,
Я шепчу-говорю:

— Ах ты, ночь-раскрасавица,
Ты уйдешь — не беда!
Будет время — расстанемся
Мы с тобой навсегда.

1924

АБХАЗИЯ

Черное, как ворон, покрывало
Тщательно черты твои скрывало.
На тебя ложилась тень косая —
Тучи шли, дождями нависая.

Где-то людям солнце раздавали —
До тебя лучи не доставали:
Черное глухое покрывало
От дневного света укрывало.

Ветер прилетал к тебе украдкой,
Обращался ветер с речью краткой:
— Радость одарит тебя дарами —
Этот день уже не за горами!..

Говорил он правду, ветер вещий.
Становился крепче он и резче.
Как подул он, бурю вызывая,—

Разлетелась туча грозовая.

Черное сорвал он покрывало —
Будто бы его и не бывало,
И хребты, черневшие ночами,
Вспыхнули под вешними лучами.

Радуйся, земля, соседству с ветром,
Колосись под этим небом светлым,
Расцветай травинкою любою —
Нынче дело только за тобою!

1924

* * *

Время движется. Я мальчик. Время движется.
Как-то сразу дни нахлынут — и растают.
Закрывается раскрашенная книжица,
И мужчины из мальчишек вырастают.

Время, время, ты куда несешься бешено —
Так и падают секунды, часто-часто,
Поторапливаешь конного и пешего,
У меня крадешь минуты ежечасно.

Ты бежишь себе неведомыми тропками,
Оставляя нам зарубки и пометки.
Придержи, прошу, часы свои торопкие,
Сделай милость превеликую — помедли!

1924

ДОБРЫЕ ПЕСНИ

Гора была круто поката,
Травой и цветами богата.
Смотрел я с высокой вершины
На красное пламя заката.
Там солнце садилось вдали
У самого края земли.
Заря уподобилась лугу,
Где алые маки цвели.

А дальние горы блистали
Оттенками розы и стали.
Тяжелые серые камни
Зеленой травой обрастали.
Махал я рукой косарю,
Шагавшему прямо в зарю —
Мол, все эти горы и долы
Тебе, земледелец, дарю!

И птицы внезапно запели,
Подобные горной капелле,
Подобные гулу дождинок
И звону весенней капели.
«Ах, полночь,— я думал,— приди,
Певцов озорных укроти,
Не то мое бедное сердце
Сейчас разорвется в груди!»

Но милые птицы кричали —
Их бережно ветви качали,
И в пепье не слышалось грусти,
За душу берущей печали.
Я долго сидел без огня.
А птицы летали, звеня.
Их старые добрые песни
В горах задержали меня.

1924

МАХАДЖИР(1)
Нет, не от богатства, не от жиру
(От богатства не клянут судьбину)
Довелось бедняге махаджиру
В Турцию уехать, на чужбину.

Сызмальства не балован судьбою,
Верою влеком неукротимой,
Прихватил сокровище с собою —
Горсточку земли своей родимой...

Стала седина уже заметной —
Что-то счастье в руки не дается.
С маленькою горсточкой заветной
Старый махаджир не расстается.

Горный кряж граница огибает.
Пропусти на родину, граница!
Человек в неволе погибает,
Только эта горсточка хранится.

Махаджир — переселенец.

1924

СПЛЕТНИК
От сплетни он счастливей и богаче.
Он с нею — как на даче, не иначе.

Без своего дурного ремесла
Он все равно что лодка без весла.

Аж расцветет, обрадованный сплетней,
Последней, или хоть десятилетней.
Хоть старенькая сплетня, хоть одна —
В его хозяйстве всякая годна.

Но если долго нету новых сплетен,
Худеет он и делается бледен.
И даже удивляется народ:
На сплетни, видно, нынче недород!

А чуть в нее язык свой помакает —
От всех болезней сразу помогает.
Вольно ж ему дурачить молодежь,
А стариков едва ли проведешь!

Нигде, я знаю, сплетника не любят.
Порой, бывает, сплетника налупят.
Лупите его, братцы, что есть сил,
Чтоб сплетни по земле не разносил!

1924

НЕ ГОВОРИ МНЕ ПРО НЕГО...

Не многих, в сущности, любя,
Хорош он только для себя.
Скажи-ка, это в жизни не мешает?
Он младших презирает всех,
У старших — вызывает смех,
Как видно, смех его не унижает!

Прослыть желая храбрецом,
С бесстрашным ходит он лицом.
Не знаешь ли, кого он тем обманет?
Привык соседей он хулить
И одного себя хвалить,
Но лучше он от этого не станет!

Быть может, гадок сильно мне,
Иному сладок он вполне,—
Могли бы вы в обратном поручиться?
Он думает — земля под ним
Лишь им и держится одним,
Несчастью без него бы не случиться!

Не в силах с ним прожить и дня
Его ближайшая родня,—
Тебя подобный факт не поражает?
Но хватит! Больше ничего

Не говори мне про него,
Ты знаешь, как меня он раздражает!

1924

* * *

Сижу в потемках. Думаю. Скучаю.
Опять не стану зажигать огня...
Тревожно временами замечаю
Людей, не понимающих меня.

Я напряженно вглядываюсь в лица,
И беспокойно делается вдруг —
Как будто разучился веселиться
И ничего не нравится вокруг.

Я сам себе сказать хочу с укором:
Так вот ты, понимаешь ли, каков —
Страдаешь от иголочных уколов,
Печалишься от сущих пустяков!

А время, дни с ночами чередуя,
Неумолимо движется вперед.
Вот так, в раздумьях, время проведу я
Меня оно само и проведет!

Иной больной, страдающий от жажды,
С матраса не встает уж сколько лет,
А время все идет, и он однажды
Уйдет туда, где и матрасов нет...

О, как сумею объясниться с вами!
Не подчинясь ни дням и ни годам,
Какими задушевными словами
Все что на сердце — людям передам!

1925

ООР, ООР, ПРОКЛЯТЫЕ!
Помню юности пастушьей
Пролетевшие года...
Не чужак ты мне.
Послушай:
Пас я буйволов тогда.

Я на Лому, Гарагана(1)
Поднимал, ругаясь, плеть —
Про Ханифа и Беслана(2)
Порывалось сердце петь.

Летнею жарой сморенный,
Скот за изгородь загнав,
Падал я вблизи загона
На зеленый войлок трав.

И рука писала то, что
Диктовало сердце ей...
Буйволы бежали тотчас
На простор чужих полей...

Приходил в себя от крика,
Обжигавшего, как спирт —
То орал сосед наш, Дзикур:
— Ишь, паршивец!
Снова спит!

Дрыхнет, дьявол!
А скотина
Все на свете сожрала! —
К буйволам лечу с дубиной,
Колошмачу их со зла.

— Не видать мне урожая! —
Дзикур яростно ревет.
Я в душе своей мечтаю,
Чтоб сожрали волки скот.

День и ночь жуют, жадюги.
Что попало, тащат в рот.
Топчут все поля в округе,
А травы — невпроворот!

— Оорей! — ору упрямым.
А они идут, идут,
А они — к посевам прямо,
И жуют, жуют, жуют.

Точно поклялись кому-то
Погубить кругом поля.
Прут они ордою лютой,
Топоча,
Мыча,
Пыля!

Я кричу, изнемогая:
— Оор, проклятые! Оор! —
Ничего не помогает...
Дзикур руки ввысь простер:

— Не видать нам урожая!
Затоптали весь посев! —

Чуть не плача, я желаю,
Чтоб сожрали волки всех.

---
1 Лома, Гараган — клички буйволов.
2 Хяниф, Беслан — имена героев автора.

1925

ВЕЧЕРОМ
В сон погружается улица.
Тихо во мраке иду...
Скорбно домишко сутулится,
Вслушиваясь в темноту.

Я подошел, любопытствуя,
Девичий плач уловив...
Брат ее умер единственный.
Был он и добр и красив.

Девушка плакала в горнице,
Волосы распустив,
Взглядом ища его горестно,
Будто надеясь, что жив,

Будто ждала, что появится
Юноша возле окна,
Скажет сестрице-красавице,
Чтоб не томилась она.

Как он любил ее, баловал,
Пел и смеялся он с ней...
Нет его больше, удалого,
Нету его меж людей.

Нет его больше, злосчастного.
В черной могиле затих.
Смотрит с портрета он ласково,
Смотрит на близких, родных.

Плачет сестра безутешная,
Бледная, будто бы снег.
Тьма поглотила кромешная
Милого брата навек.

Спрятали доски тесовые
Брата ее поутру.
Он не промолвит ни слова ей,
Он не увидит сестру.

1925

ОХОТНИК

Пора! С мачхуала(1) быстро
Снял я чехол — и пошел.
Неломкий сжимая посох,
Кинул я радостно дол.
В каштат насыпал пороху,
Свой покидая ночлег,
И вижу: черны провалы,
Вечный раскинулся снег.
Глубоко внизу — долина,
Нету в низине огня.
А в далях вершины встали,
Светом встречая меня.
Гремя, с ледников свергаясь,
Бурный стремится Кодор.
И роют и крутят камни
Волны, стремясь на простор.
Еще далеко сверкала
Гранью алмазной скала.
К скале я свой путь направил...
Миг — и надвинулась мгла.
Хоть солнце за тучу скрылось,
Все ж я вершины достиг.
Но мгла распласталась шире:
Скалы, обрывы, родник —
Все было во мгле тумана.
День уж не день был, а ночь.
И молнии били в скалы...
Вихрей нельзя превозмочь...
Куда мне идти — не знаю.
Где же тропинка моя?
И ниц на земле простершись,
В бурку закутался я.
Все это мне не впервые.
Вихри в напевы слились.
И все миновало... Вихри
С посвистом вскинулись ввысь,
Сверкнули под солнцем скалы.
Встал я, — и светел был день.
На горные склоны глянув,
Дичи я высмотрел тень.
Уставя ружье на посох,
Пальцем я дернул курок,—
И в то же мгновенье понял:
Будет от выстрела прок!

---

1 Мачхуал — абхазское ружье.

1925

* * *

Леса сверкают свежими листами,
Земля расшита пестрыми цветами.
Обильный урожай снимать пора,
Пылят дороги, почва не сыра.
Глубоким сном я спал и встал, готовый
Работой бодрой день наполнить новый,
Ачбыгу(1) взял, пошел косить скорей,
Чтоб, соревнуясь, обогнать друзей.
Повсюду звоны слышались ачбыги.
Паслись стада. Неслися песни, крики.
Веселый и не знающий невзгод
Жизнь прославлял счастливую народ.
Где царь? Где рабство? Где те богатеи,
Все, кто сидел у бедняков на шее?
Они в земле. Их отошли года,
Их бездна поглотила навсегда.
Народ, иди же неустанным шагом
С ачбыгой, молотом и красным флагом.
Пусть помнят те, кто угрожает нам:
«Мы скосим их! Пощады нет врагам».

---

1 Ачбыга — род косы.

1925

Мушни Хашба
(Родился в 1903 году)

ЗЯТЬ ТВОЕЙ МАТЕРИ
Ты слышишь тпхий разговор?
Смоются девушки лукаво.
Въезжает всадник к вам во двор,
На скакуне гарцуя браво.
В седле сидит он молодцом,
Его движенья быстры, ловки.
Он не ударит в грязь лицом
Ни в битве, ни на джигитовке.
Черкеска черная на нем,
Башлык, сапожки из сафьяна.
Глаза его горят огнем,
Он худощав и строен станом.
Красавец этот молодой
Приехал, верно, за тобой.
В краю у нас отыщешь мало
Прекраснее богатырей.
Его ты сразу не узнала?
А он — зять матери твоей...

Ты ждешь подробного рассказа
О зяте матери твоей?
Изволь, скажу тебе я сразу:
Он самый жалкий из людей.
Его черкеска вся в лохмотьях,
Тряпичный пояс носит он.
На джигитовке, на работе —
Везде беднягу валит сон.
Забитый, робкий и покорный,
Верхом на лошади хромой
Тропинкой узенькою горной
Плетется он к себе домой.
Фасоль он ест за миской миску
В гостях, не видя ничего.
Тот, кто к нему садится близко,
Стыдится голода его.
Он голоден. Ему нет дела
До разговоров, до гостей.
Его нужда совсем заела...
Таков зять матери твоей.

1919

ЗИМА

Солнце зашло.
Белеет дорога.
Зимы помело
Шуршит у порога.

Ненастные дни,
Безлунные ночи...
На небо взгляни —
Разорвано в клочья;

Летят облака,
Вершины в тумане.
Тоска, тоска,
Покой и молчанье.

Стоят холода.
Все мертво и бело.
Листва облетела,
Замерзла вода.

Солнце зашло.
Белеет дорога.
Зимы помело
Шуршит у порога.

1920

* * *

Друг мой, вставай — над седыми горами светает.
Плотный туман над ущельями горными тает.
Он над Абхазией нашей едва поредел —
Здесь еще бездна горячих предвидится дел.

Надо сегодня, друзья, приниматься за дело,
Чтобы и нас это солнце лучами задело,
Чтобы гудела земля под ногами у нас
В тот недалекий, уже наступающий час.

Сумрак шатается — он ужо держится еле.
Над перевалом, гляди, облака заалели.
Выйди, товарищ, в молчанье минуту постой
Под голубеющей утренней этой звездой.

Слышишь, Абхазия, звонкие вешние воды?
Близится, близится светлое утро свободы.
Ждет лучезарное солнце тебя впереди:
Видишь, светает — навстречу ему выходи!

1920

* * *

На лошади синей по синему полю скачу.
Торопится лошадь — попробуй ее осади.
Прощай, мой Сухуми! Тебя покидать не хочу —
Попутные ветры гудят у меня позади.

У окон любимой с особым я шиком свищу,
Условным сигналом любимую в поле маня.
Своими глазами глаза ее жадно ищу —
Она же своими совсем не глядит на меня.

Эй, слезы! Ну, как вам не совестно литься дождем!
Туманами застить несчастному парню глаза!
Эй, сердце, спокойнее! Сердце, давай подождем —
Становится легче, когда пронесется гроза.

У нас еще, сердце, в запасе с тобою года.
На том, полагаю, не кончится наш разговор.
Позднее к нему мы вернемся — наверно, тогда
Наш строгий судья пересмотрит еще приговор!

1928

* * *

Ну-ка, песни, сердечную просьбу примите!
Барабаны мои, веселее гремите!

Зазвените, друзья, догоните ее —
Загубившую бедное сердце мое!

Эй, любимая! Звезды, что небо пронзили,
Свой поклон передать тебе очень просили.
Низко кланялся месяц тебе молодой
И сверкающий солнечный луч золотой.

Если хочешь — сегодня же, в час полуденный
Дам венок, из луча золотого сплетенный.
Я для этого к солнцу пораньше взлечу
И лучей подходящих домой прихвачу.

Из небесного синего шелка в горошек
Для тебя расстелю голубую дорожку.
Ты ступай и не бойся попортить звезду —
Я пойду и другую такую найду.

А потом, не надеясь еще на удачу,
Я тебе подарю свое сердце в придачу.
Видишь, вот я бегу, отряхая росу —
На подушечке бархатной сердце несу!

1928

Владимир Агрба
(1909—1937)

МЫ ВСЕСИЛЬНЫ!
Мы идем, мы идем все вперед и вперед,
Путь себе озаряя в тумане.
Тот, кто слаб, кто боится трудов и невзгод,
От бесстрашного войска отстанет.

Мы утесы взорвем, мы расплавим в котлах
Исполинские груды каменьев.
Победим мы усталость, покорность и страх,
Море бурное вечности вспенив.

Да, мы знаем нужду, да, росли мы во мгле.
Закалило нас жаркое пламя!
Так вернем плодородье родимой земле,
Так засеем же поле хлебами.

Мы наденем ярмо на луну.
Покорим нашей воле светила,
Словно птицы, взлетим в вышину,
Опьяненные собственной силой.

Мы сады в Кара-Кумах взрастим,
Мы гнилые осушим болота,

Мы построим мосты над простором морским,
По плечу нам любая работа.

Мы воздвигнем дворцы, мы лачуги снесем.
Что преграды нам? Все в нашей власти!
Мы уверены в будущем светлом своем:
Ведь удел человечества — счастье.

Москва, 1928

Отар Демердж-Ипа
(1910—1939)

НОЧЬЮ НА МОРЕ
Зеркален небосвод,
Прозрачен воздух,
Луна меж гор плывет,
Сияют звезды.

И Млечный Путь — как мост,
Двойная арка:
И в море искры звезд
Мерцают ярко.

Луны средь волн морских
Лучисты тропы.
Волны у ног моих
Чуть слышен ропот.

В папахах снеговых
Вдали вершины,
Волна поет о них
На лад старинный.

И с ней поют щегол
Да бриз в деревьях...
Мир на покой ушел,
Сады, деревни.

Все ярче путь луны
В волнах лучится,
Все жарче песнь волны
Мне в грудь стучится.

Звезда шлет лучик-нить,
Связав с тоскою...
Где сердцу раздобыть
Хоть миг покоя?!

1926

НАВЕК ПРОЩАЙТЕ, ДРУЗЬЯ!

Слово юноши

Навек прощайте, солнечные горы!
Гордитесь вы своей родной страной,
И защищаете ее просторы,
И охраняете ее покой.

Прощай, страна, которая вскормила
Меня, как сына, на своей груди!
Легко ль расстаться с родиною милой?
Легко ль сказать «прощай навек! Не жди!»?

Прощай, хранитель сил могучих, море!
В затишья час ты отдых дашь волнам,
И вновь бурлишь на сказочном просторе,
И, стихнув вновь, тепло приносишь нам.

Прощай и ты, немеркнущее солнце!
Привет прощальный ласковой весне!
Привет луне: пробив средь туч оконце,
Во тьме ночной она светила мне.

Прощайте, сверстники! Прощай, подруга!
Не лейте слез, гоните прочь печаль!
От вас, друзья, из радостного круга,
Я ухожу в безрадостную даль.

Мне легкая, как пух, земля родная
Закроет веки утомленных глаз,
Но не грустите, друга вспоминая,—
Я в час веселья буду среди вас!

О юноши и девушки! Светите
Родной стране талантом и трудом,
Лучом науки путь ей озарите,
Чтоб процветал наш милый отчий дом!

Друзья мои! Пожмите другу руку,
Поближе станьте: веки — как свинец.
Смотреть на вас я буду пред разлукой —
Глаза сомкнутся, и всему конец.

Скажите властелину гор Ерцаху(1):
«Поэт скончался, изнемог в борьбе,
Он пал, не испытав пред смертью страха,
В последний час он вспомнил о тебе».

Какой же бред порою нам приснится!
Бежали все виденья поутру,
И с ними смерть. Кругом родные лица.
Я нужен родине — и не умру!

---
1 Ерцаху — самая высокая гора в Абхазии.

1927

* * *

Пока я жив — дышу тобою,
Навек тобой пленен.
Днем не расстаться мне с тоскою,
Я ночью сна лишен.

Пусть для других ты — яркий камень
Иль бледная луна,
Но для меня ты — жаркий пламень,
Ты для меня — весна!

Не отвращай любимых взглядов,
Пусть жгут они меня:
Палящей ласке сердце радо,
Я не боюсь огня.

Ты молода, и не окрепла
Еще любовь твоя...
Знай — это сердце станет пеплом,
Уйдешь — погибну я.

Пока я жив — дышу тобою,
Навек тобой пленен.
Днем не расстаться мне с тоскою,
Я ночью сна лишен!

1928

4-е МАРТА(1)
Ликует гордая Апсны(2),
И с ней ликует день весны:
Он, светлый, дал свободу
Абхазскому народу.

Оркестров гром, и песен звон,
И полыхание знамен,
Добытых кровью нашей,
И поднятые чаши.

Ликует гордая Апсны,
И с ней ликует день весны.

Неверный март, что пастухов
То в пляс, то в плач вогнать готов,

Нас вывел из неволи
Для новой светлой доли.

Все ярко: эти склоны гор,
И радостный людской простор,
И этот сад богатый,
И пестрые плакаты.

Ликует гордая Апсны,
И с ней ликует день весны.

Все утопает в ярком свете,
Сияли весны нам столетья,
Но эта к нам пришла, горя
Лучами Октября!

---

1 День советизации Абхазии.
2 Апсны — Абхазия.

1928

Леварса Квициниа
(1912—1941)

4-е МАРТА
Сегодня песнями и пляской
Шумит веселая Апсны,
Цветы венчают край абхазский,
И небеса его ясны.

С утра построенный в колонны,
Ликует праздничный народ.
Неустрашимо-непреклонный,
Он шумно движется вперед.

Абхазец старый обновляет
Национальный свой наряд.
Зима прошла, сады сияют,
И волны искрятся, горят.

Сегодня смуглые абхазцы,
Грузин, и сван, и осетин
Сошлись опять, чтобы поклясться,
Что их союз навек един.

И титанический Ерцаху
Примкнуть к их шествию готов;
Надвинув белую папаху,
Глядит на радостных сынов.

1928

БРИГАДИР АРСАНА

В это раннее утро прекрасны поля и долины,
Расступается мрак и сверкает на листьях роса.
Угасает звезда, расплывается луч ее длинный,
Просыпаются травы, и птичьи звучат голоса.

На востоке торжественно стяг подымается алый,
Розовеет вода, и пастушеский слышен рожок,
А луна не сдается и свет разливает усталый,
Но тускнеет и тает беспомощный бледный кружок.

Подымается солнце. Природа объята дремотой.
По горам и ущельям еще разлита тишина.
Небосклон за горами тончайшей покрыт позолотой,
Между двух кипарисов бледнеет и гаснет луна.

Раньше всех застучала Арсаны упрямая тоха,
На участке Арсаны растет первосортный табак.
И сегодня успел он уже поработать неплохо,—
Бригадиру под утро не спится никак.

Лишь проснется с рассветом веселая стая пернатых,
Он выходит из дома. Прохладой повеяло с гор.
Поредевший туман, оседая, клубится на скатах,
А деревья и травы невнятный ведут разговор.

У Арсаны литые, широкие, крепкие плечи.
Он настойчив и сметлив, он ловок и жаден к труду,
Он в страду иногда возвращается с поля под вечер,
А берется за труд, предрассветную видя звезду.

Вскоре вслед за Арсаной выходит большая бригада,
Дружно дело спорится, колхозная песня слышна,
Пахнет сладко табак, веет запахом луга и сада,
И еще ослепительней горных вершин белизна.

Растворился туман. Встало раннее солнце над морем,
И мотыга из камня опять высекает огонь.
Мы упрямую землю упорным трудом переспорим:
Пусть рубаха в поту и горит от мотыги ладонь.

Каменистую почву к покорности полной приучим,
Все возьмем у земли — от горючего до табака,
Чтобы дружным трудом и единым порывом могучим
Сделать в несколько лет то, что делалось раньше века

1931

В ГОРАХ

Прибрежной горы вековую громаду
Рассвет озарил, разгоняя туман.
И жадно впивает ночную прохладу
Густая трава серебристых полян.

Редеет в лощине тумана завеса.
Клубится и стелется облачный пар.
Стада вдоль опушки зеленого леса
С веселыми песнями гонит Отар.

Разбуженный утренней светлой звездою,
Пастух поднялся на заре неспроста.
Земля его силой дарит молодою,
А ветер морской освежает уста.

Отринув заботы, не зная печали,
Отар поутру отправляется в путь.
Неужто в горах вы его не встречали?
Он ловок, силен и подвижен, как ртуть.

Прибой набегает, шумя равномерно...
По камню звенят и лепечут ключи...
Товарищ его бескорыстный и верный,
С ним бродит собака и днем и в ночи.

Средь чащи дремучей,— пастушья отрада,—
Высоко зальется его ачарпын,
Отар охраняет колхозное стадо,
Как стадо отцовское — преданный сын.

Сверкает в руке у него алабаша,
Висит неизменно ружье за плечом,
Недаром вода родниковая наша
Вспоила Отара холодным ключом.

Овеяно прелестью горного мира
Могучее сердце его навсегда.
...Колхозные овцы лоснятся от жира,
От пищи обильной тучнеют стада.

Коровы подобны резвящимся турам,
Вечерней прохладой сменяется жар.
По сытой повадке, по шелковым шкурам
Питомцев своих отличает Отар.

Сияя улыбкой своей белозубой,
Пастух на стоянку идет не спеша.
Приветливо светятся новые срубы
На месте пастушеского шалаша.

1934

АПСНЫ

Пусть я живу от гор родных вдали,
Вдали от вод и зелени земли,
Где я рожден, где я бродил по паркам,
Где я лежал средь волн на камне жарком,—
Но я душой, всегда с тобой, моя Апсны!

С тобой разлука — острый в сердце нож.
Как сказка, в сновиденьях ты встаешь,
И — весь во власти сладостных раздумий —
Я вновь брожу по улицам Сухуми...
Вдали вдвойне близка ты мне, моя Апсны!

1935

ВОДОПАД

С каким грохочущим весельем
С горы крутой, со скал-громад
Свергающийся водопад
Гром эха катит по ущельям!
Как брызги с пеною летят!

От этой лестницы зеркальной,
Что — за отвесами отвес —
Летит почти что вертикально
Вглубь с вышины, с немых небес,—
Зверье бежит поглубже в лес.

Рази, мой стих, с такой же силой,
Как эта грозная вода,
Чтоб мощь твоя врага скосила
И даже след его следа
С планеты смыла навсегда!

1935—1940

МОЯ АПХЯРЦА(1)

Звенела ты, был молод звук крылатый.
Звенела ты в ночи трубой солдата,
Звенела на морях, на склонах гор,
И с долами вела ты разговор.
И в дни войны, отваги полон юной,
Был с меткой пулей схож ваш голос, струны.

Твой звон на битву поднимал героя,
В ночном саду пленяла ты игрою
Все молодые чистые сердца.
Очарованью звуков нет конца,

И ты от сна будила даже старца,
Мечтания тревожа, апхиарца.

Твой звон любимый слышен и поныне:
В тени деревьев, в солнечной долине
Он радует счастливый мой народ,
Он на заре над родиной плывет,
Как смелый сокол.
И средь ночи лунной
В садах звенят, поют поныне струны.

---

1 Апхярца — абхазский музыкальный инструмент.

1935—1940

* * *

Ты хлопотливо бродишь по двору
Или грустишь, лишась покоя, мама?
Ты в полдень, перед сном и поутру
Все сына ждешь с тоскою, мама?

Счастливый, я обрел бы крепкий сон,
Когда бы знал, что ты здорова, мама,
И, если б весть принес мне почтальон,
Я ожил бы душою снова, мама.

О, знать бы, что сейчас, когда цветет
Весь мир,— проходишь ты по саду, мама,
Или спокойно полешь огород,—
Как сердце сына было б радо, мама!

Вот на струнах лежит твоя рука —
Под пальмой в жаркую погоду, мама,
Поешь ты... И видны издалека
Дымок и трубы парохода, мама.

Цела ли вишня посреди двора,
Где мы сидели каждый вечер, мама?
А кипарис близ дома! Все ль с утра
С ним спорит говорливый ветер, мама?

Взгляни — с портрета в комнате моей
Твой сын по-прежнему смеется, мама...
Ты не горюй о нем и слез не лей —
С победой он к тебе вернется, мама!

1941

ГАГРА

Ступени лестницы небесной,
Здесь горы поражают взгляд.
Деревья здесь, в долине тесной,
Зеленым шелком шелестят.

Холодный, словно снег Ерцаху,
Обдав вас с головы до ног,
В морскую грудь копьем с размаху,
Звеня, свергается поток.

Окиньте горы зорким взором:
Дома — как птичьи гнезда там,
Где трели птиц нестройным хором
Летят к далеким небесам.

Цветы, духов благоуханней,
Высокогорный луг взрастил...
Рабочие из белых зданий
Разъедутся, набравшись сил.

Насилья время испарилось,
Как в полдень солнечный роса.
Ты новым, город, стал: открылась
Мильонам глаз твоя краса.

На берег золотой, нагретый
И омываемый всегда,
Стекаются зимой и летом
Борцы науки и труда.

1934

ГОРЫ

Люблю я взлет родимых гор,
Их снеговые в небе кровли,
Потоков шумный разговор,
Несущих мой привет сыновний
Родному морю. Я средь вас
Творил и песни пел недавно.
Пред взором сердца и сейчас
Встает вдали ваш образ славный,
Пещеры, где я гостем был,
Ущелья гор, где я бродил.
Смотрел я вдаль с крутой вершины —
Какой простор! Массив лесной,
Морская ширь и ширь долины —
Как на ладони предо мной.

И вспомнил я певца-поэта —
Он вашим другом, горы, был,

Боролся с тьмой за царство света
И много горя пережил.
Твой мрак, «немытая Россия»,
Потоки бурные смели,
И вы, под солнцем золотые,
Как сад роскошный, расцвели.
Пусть ваш поэт поник устало,—
Пришли другие. Нас немало.
Мы за стихом заносим стих,
И песнями звенит страница.
Мы от души слагаем их,
Любовью каждая лучится...
Лети же вдаль, певучий стих,—
Ты множишь славу гор моих.

Цветите, милые просторы!
Когда б вернулся Коста(1) — он
Не написал бы «плачьте, горы»,
А, гордым счастьем вознесен,
Воскликнул бы: «Ликуйте, горы!»

---

1 Коста Хетагуров — известный осетинский поэт (1859—1906).

1935— 1940

ВЕСНА

Настал конец угрюмым холодам,
Рассветам поздним и ночам морозным.
Весна пройдет, как песня, по садам,
По нашим виноградникам колхозным.

Устав от зимних тягот и обид,
Теперь вздохнет природа полной грудью.
Как прежде, оживится Шоудыд(1),
К безмолвию не склонный и к безлюдью.

Опять зазеленеет нежный пух,
Покрыв его ущелья и долины,
В простой шалаш на высоте орлиной
До осени уйдет тогда пастух.

Весною очертанья в небесах
Седых вершин двурогого Ерцаху
Подобны крыл серебряных размаху.
По склонам дичь скрывается в лесах.

Охотник чутко ловит каждый звук.
Он понимает горную природу
И знает, кем надломлен острый сук,
Кто пил в ущелье ключевую воду.

Его ружье начищено к походу,
Вином наполнен кожаный бурдюк.

Весною, как бушующее море,
Взыграют воды бурного Кодора.
Чем звонче побегут потоки с гор,
Чем яростней река в своем напоре,
Тем гуще будет зелени ковер.

Зальются птицы, зашумит листва,
Лучами солнца южного согрета.
Слепить глаза мне будет синева
Потоками немеркнущего света.

Идет весна... По горным склонам вскоре
Раскинутся зеленые поля.
И ветер заиграет на просторе,
Колосья, словно волны, шевеля,

И рядом, на плантациях табачных
Крылатый плотный лист качнет слегка,

Коснется маслянистых и невзрачных
Цветов на прочном стебле табака.

Подняв пласты могучей целины,
Прошелся трактор по полям страны.
День ото дня растут просторы пашен,
И ежегодным праздником весны
Колхозный труд отмечен и украшен.

---

1 Шоудыд — название горы.

1938

ПЕСНЯ О ХАБИДЖЕ

От твоей отчизны милой
Не смогли тебя отвлечь.
Махаджиров гнали силой,
Но за них ты поднял меч.

День и ночь, не уставая,
Ты сражался за Апсны
И сынов родного края
Звал на выручку страны.

Пусть твою отчизну вскоре
Обездолил грозный рок
И с орлом своим в нагорье
Ты остался одинок:

Но везде ты след оставил,
Цепи сбросил твой народ.
Ты навек себя прославил,
И страна твоя цветет!

1939

Леонтий Лабахуа
(1911-1938)

ДЕВУШКА У СТАНКА
Не о той, что носит шелковые платья,
Не о той, что губы красит день и ночь,—
Нет, хочу сегодня написать я
О тебе, Абхазии Советской дочь.

Стало все теперь по-новому в Ткварчели.
Жизнь кипит и пенится, как горная река.
Спрашивают люди: разве в самом деле
Девушки работают в Ткварчели у станка?
Да, все это правда, не вымысел, не сказка.
По плечу нам самые трудные дела.
Научилась грамоте девушка абхазка.
На завод работать мастером пошла.

Трудится она упорно, неустанно,
Совершенствуя свое искусство что ни год.
Перевыполняя нормы все и планы,
К коммунизму родина могучая идет.

1932

ВОТ КАКИЕ НОВОСТИ В РЕКА(1)
Все новости в Река расскажем подряд:
Деревья оделись в зеленый наряд,
Хорошая новость, но есть и новей:
Здесь слышали — утром запел соловей,
Коль этого мало, добавить готов,
Что в воздухе носится запах цветов.
Что делают в Река? Отвечу я так:
Сады удобряют, сажают табак,
Среди виноградных хозяйствуют лоз,
Чтоб славный собрать урожай довелось,
Чтоб спелые гроздья, черны, не легки,
На лозах висели бы, как курдюки.
Едва петухи на заре запоют,
В поля комсомольцы выходят на труд.
Сажают табак, веселы и ловки —
Им трудное дело любое с руки.
Друг друга они обогнать норовят —

Лишь вырвется кто-то вперед из ребят,
Другие, никак не желая отстать,
Усердием время спешат наверстать.
И тот, кто давно ль еще был позади,
Догонит, обгонит того и гляди.
Как в скачке, где скорость — успеха закон,
Нелегкой ценою дается обгон.
Летит вслед за белым скакун вороной,
Догнать не хватает секунды одной.
Как хочет быть первым, мгновенья ценя,
Джигит, торопя вороного коня,
Так здесь, поднимаясь с зарею на труд,
За первенство спор комсомольцы ведут.
Где сеют они кукурузу — зерно
Зря в землю не ляжет у них ни одно.
Поднимутся стебли, тогда посмотри:
На каждом початка по два иль по три.
И то-то уж будут довольны собой
Те, кто потрудились весенней порой...
Но вот нестерпимою стала жара —
И, значит, бригадам на отдых пора.
В кружок собрались комсомольцы в тени.
Успели умыться, побриться они.
Газету для них принесли из села.
Читай, как идут у соседей дела,
Успешно ль посадку ведут табака,
И кто впереди, кто в отставших пока.
Закончился отдых. Теперь дотемна
Работа продлится. На то и весна.
Увидят серп месяца над головой,
Тогда и окончится день трудовой.
И с песней домой комсомольцев семья
Пойдет. Потрудились на славу друзья.

---

1 Река — название села.

1933

ПРАВДА

В доме воцарилась тишина.
Лампа разливает свет дрожащий.
В эту ночь опять не будет сна,
Мысли обступили плотной чащей.
Эти мысли много дней подряд
Шелестят взволнованно, как флаги.
На столе передо мной лежат
Чистые полотнища бумаги.
Мысли гонят теплых снов уют.
И о смысле жизни человечьей
Шепчутся, вопросы задают...

Что я им и как я им отвечу?..
Я не стану говорить, что льва
Уложу я голыми руками.
Глупые, хвастливые слова
Не пошевельнут и малый камень.
Сердце жжет могущественный зной,
И ничто мне сердца не остудит.
На листках, лежащих предо мной,
Я хочу поведать правду людям.
Не хочу, чтоб люди обо мне
Говорили: «Сжег он все, что сеял!»
Я хочу помочь моей стране
Стать еще прекрасней и сильнее.

1934

ГОЛОС ТКВАРЧЕЛИ

Тысячелетий
Катятся волны.
Горы спокойны.
Горы безмолвны.
Тучи по кручам,
Тучи по скалам
Медленно ползают
Стадом усталым.
Падают троны.
Буйствуют войны.
Горы безмолвны.
Горы спокойны.
В тихих ущельях
Зелень ютится,
Сосны в утесы
Вцепились, как птицы.
Падают в вечность
Орлы и короны.
Дремлют на скалах
Крылатые кроны.
Пенится речка
В расселине горной,
Мельницу вечности
Крутит покорно.
Часто мерещится
Горному краю:
Горные духи
На горне играют.
Горы спокойны.
Так было.
Так будет.
Кто их,
Когда их,
Зачем их
Разбудит?

I

Братья Темраз и Тархуна
Бродят всю жизнь по ущельям.
Братья Темраз и Тархуна
Мало знакомы с весельем.
Были они пастухами...
Как-то они увидали
Уголь твердый, как камень,
Яркий, как черный пламень...
Черный, холодный пламень
Трогали братья руками...
Старший промолвил:
— Брат!
Сколько кругом добра!..
Это, пожалуй, стоит
Золота и серебра!..—
Младший ответил:
— Да...
Видишь, а здесь руда...
Так и лежит не при деле...
Знаешь, мой брат, когда-нибудь
Люди придут сюда,
Знаешь, весь мир тогда
Заговорит о Ткварчели!
Людям откроют скалы
Тайны заветные,
Брат,
В этих горах немалый
Люди отроют
Клад!

* * *

Горы безмолвны.
Как было,
Так будет.
Кто их,
Когда их,
Зачем их
Разбудит?
В салки гоняют
Легкие козы.
Сосны роняют
Желтые слезы.
Смотрит Тархуна
На горное царство.
Плачут струны
Его апхярцы.
Брат подхватил
Заунывный мотив,

Голос Темраза
Высок и красив:

— Мой край родной, твои потоки
Чисты, прозрачны, как хрусталь.
Седые главы гор высоких
Надменно озирают даль.
Твои сосновые стволы
Пьянят нас запахом смолы.
Но что-то вечно тяготит нас!
Мой край, цветами ты украшен,
Тебе поет морской прибой,
В гостеприимном доме нашем
Приют находит гость любой,
И бесконечны, как года,
Твои огромные стада...
Но что-то вечно тяготит нас!
Мой край, ты птиц многоголосьем
Взрываешь утреннюю тишь.
Ты на земле растишь колосья,
А под землей руду таишь...
Но что-то вечно тяготит нас!
Оно мне свет застлало черным,
Оно велит мне быть покорным,
Оно зовется рабством...

* * *

Белоголовые,
Мудрые старцы,
Слушают горы
Плач апхярцы ...
Весть из Ткварчели
Слушают люди,
Страшную жажду
Весть эта будит...
Весть из Ткварчели
Узнал толстосум...
Спазмы в груди...
Помрачается ум...
Где-то в горах,
У аула какого-то,
Черное золото!
Черное золото!
Кажется, горы,
Час ваш настал!
Уголь ваш скоро
Вырвут у скал!

* * *

Но пролетают

Ночи и дни.
Бродят по скалам
Козы одни.
Выстрел абрека
Изредка грохнет
И, прокатившись,
Где-то заглохнет...
Насторожится
Дикая птица,
Вскрикнет — и снова
В сон погрузится...
Горы спокойны.
Так было.
Так будет.
Кто их,
Когда их,
Зачем их
Разбудит!

II

Как-то в горах
Разразился гром
Голубым, безоблачным днем.
Сонная вечность
Протерла глаза.
Что здесь случилось?
Откуда гроза?
Загрохотала:
— Гр-р-рум-м, бум-м!
Рушатся скалы:
— Гр-р-румм, бум-м!
Грунт взлетает,
Как пух, покорен.
Не устоит
Ни кремень, ни корень!
Это народ наш
Идет
Вперед,
Он богатства
У недр берет!
Это не молния
И не гром,
Это полная
Жизнь кругом!

* * *

Солнце пылает
Улыбкой яростной
Над панорамой труда
Многоярусной.

Скал клыки
Висят над ущельями.
Черные пасти
Пещеры ощерили.
Вот на призыв
Медногорлого горна
Люди прячутся
В пасти черной.
Словно орехи,
Скалы раскалывают
Грозные молоты
Аммоналовые.
С визгом несутся
Кремневые брызги.
Тонут глыбы
В речке Гализге...

* * *

Скалы, уйдите с пути!
Дайте народу пройти!
Прочь пустую породу
Уголь нужен народу!
Недра штурмует
Советский народ!
Вперед, комсомольцы,
Герои, вперед!

* * *

Разноязычный
Говор вокруг.
Майзель, Гриценко,
Орлов, Полищук,
Нушке, Бакрадзе...
Немец, грузин,
Сван и абхазец —
Все как один
Машут кирками,
Камень дробят.
Крепче, чем камень,
Дружба ребят.

* * *

Слышали цокот
Адской погони?—
Вышли на скачки
Лучшие кони.
Белая лошадь
Первой идет,
Лебедем белым

Рвется в полет.
Следом за белой,
Не отставая,
Черною тенью
Летит вороная.
Миг напряженья —
И вороная
Вырвется! Ну!..
Поднатужься, родная
Две бригады,
Как борзые кони,
Сил не жалеют,
Гонят и гонят!..
Твердая воля
В каждом движенье,
И бесконечный
Миг напряженья...
Не из-за денег,
Не за награду
Перегоняет
Бригада бригаду.
Этой работе
Название:
Социалистическое
Соревнование.

* * *

Снова катится
Горн по ущелью,
Люди прячутся
В горной пещере.
Прочь, помехи!..
Заряд аммоналовый,
Словно орехи,
Скалы раскалывает...

III

Радостно, шумно
Сегодня в Квезани.
Люди, как дети,
Сияют глазами.
Звуки веселого
Марша слышны...
Кто-то вспомнил
Про жизнь старины...
На богатея,
Словно рабы,
Кровью потея,
Гнули горбы.
В доме бедность,

В сердце тоска...
Сколько еще
Эти цепи таскать?..

* * *

Радостно, шумно
Сегодня в Квезани.
Музыка.
Люди сияют глазами.
Воля, народ,
Воплотилась твоя!
Прямо в Квезани
Идет колея.
Черные полосы стали —
Путь в небывалые дали!..
Люди на рельсах
Столпились в волненье.
Ждать уже нет
Никакого терпенья!
Нетерпеливо
Над головами
Бьется, как пламя,
Алое знамя...
Слушайте, слушайте,
Горы Ткварчели,
Это стальные
Пути загудели!..
Поезд все ближе...
Взметнулось вокруг
Море рабочих
Мозолистых рук.
Самая старая
В мире гора
Не слыхала
Такого «ура»!
Музыка медно,
Победно гремит.
Ленту разрезали!
Путь открыт!

* * *

И вот не в стихах,
Не в газетной заметке
Полные угля
Бегут вагонетки!
-Эй! Кто там встал?
Отойди скорей!
Движется уголь!
Держись левей!
Но вот вагонетки,

Как птицы, взвились
В синее небо,
В орлиную высь!
Попирая небесный свод,
По проводам
В паланкинах плывет,
Движим электричеством,
Черный, как негр,
Его величество
Король недр!

1934, Ткварчели — Река

Шалва Цвижба
(Родился в 1912 году)

* * *

По саду вешнему иду.
Справляет пир природа.
Деревья расцвели. В саду
Струится запах меда.

В соседстве пальм и тополей,
Акаций и магнолий
Мне липа старая милей
Других деревьев боле.

Одна тому причина есть —
Скрывала тень густая,
Как милую недавно здесь
Поцеловал в уста я.

1929

ВИНОВАТА ВЕСНА
Нам улыбались весенние дали,
Синие ранней поры небеса.
В пышно расцветшем саду не смолкали
Сердцу отрадные птиц голоса.

Столько даровано было весною
Ясного света вокруг и тепла.
Счастьем считал я, что рядом со мною,
Милая, ты в эту пору была!

То ли нечаянно сблизились руки,
То ли к плечу прикоснулось плечо,
Только, не вытерпев сладостной муки,
Поцеловал я тебя горячо.

Тут и попал у тебя я в немилость,
Не удержавшись себе на беду.
Ты, ускользнув из объятий, смутилась
Люди могли нас увидеть в саду.

Ты отчитала влюбленного колко,
Был я сурово наказан сполна,
Милая, я не виновен нисколько,
Милая, тут виновата весна.

1929

ВЕРНИТЕСЬ НА РОДИНУ!
Мучит тяжелый недуг старика.
Смерть, что от боли избавит, близка.

Слаб он. От родины милой вдали
Дни его жизни к концу подошли.

И, собирая остатки сил,
Речь свою он к сыновьям обратил:

«Горек удел наш, родные сыны:
Матери-родины мы лишены.

Люди недобрые нас увлекли
Счастья искать в чужеземной дали.

Дети, не верьте султана словам:
Рабскую долю готовит он вам.

Лучше уж смерть, чем такая судьба —
Нет безотраднее доли раба!

Только у русских защиту найдет
Маленький наш терпеливый народ.

Только с их помощью мы сохраним
Все, чем гордимся и чем дорожим.

Сколько б в пути ни стояло преград,
Помните край свой, вернитесь назад!

Вы еще молоды, мне уж не жить.
Вот что прошу вас мне в гроб положить...»

Из-под матраса дрожащей рукой
Он достает узелок небольшой.

Только достал — и повисла рука,

Очи смежились — и нет старика.

Что на исходе земного пути
Старый с собой пожелал унести?

Горстка абхазской земли в узелке,
Той, о которой мечтал вдалеке.

1930

МАТЬ

Лежит в больничной палате мать
Вот уже несколько дней.
Не забывает сын навещать,
Ежедневно приходит к ней.

Но вот однажды проведать пришла
Соседка вместо сынка,
И мать из рассказа ее поняла,
Что он прихворнул слегка.

Назавтра хуже стало больной —
Ни встать, ни поднять головы.
Тревога за сына тому виной —
Все матери таковы.

Ее оперировать будет хирург.
Терзаема болью, она
Окинула взглядом стоящих вокруг
И стала белей полотна.

Понятно, что так беспокоен взгляд —
Тревога ее гнетет:
Минуты тяжелые ей предстоят,
Возможен смертельный исход.

Но нет, не этим встревожена мать.
И шепот ее, как стон:
«Сегодня сын не пришел опять —
Знать, болен опасно он!»

1930

КИПАРИСЫ

Стоят кипарисы зеленые в ряд.
Их кроны о чем-то в ночи шелестят.
Их моют дожди, солнце греет их щедро,
Колеблют им ветки весенние ветры.

В зеленый наряд кипарисы одеты

Осенней порою, зимою и летом...
Хотелось бы мне уподобиться им,
Оставшись до старости лет молодым.

1930

АБХАЗСКИМ АКТЕРАМ
Плод незрелый оставляет
Кислый привкус на губах.
Схожи мы с плодом незрелым:
Вы — на сцене, я в — стихах.

Мы работаем упорно
День за днем, из года в год.
Дни настанут, и созреет
Ароматный сладкий плод.

1933

АБХАЗКЕ-ПИАНИСТКЕ
Ты в бедной семье подрастала,
Твой путь мне, абхазка, знаком:
Ненастной порою, бывало,
Ты в школу бежишь босиком.

В ручонках, застывших под ветром,
Легко ль было книги нести!
Зато ты сегодня — на светлом,
Прямом и широком пути.

В притихшем сверкающем зале,
Сломав равнодушья ледок,
Сердца взбудоражил и залил
Нахлынувших звуков поток.

И ширится гордое чувство —
По праву мы теми горды,
Кто смело к высотам искусства
Сегодня восходит, как ты.

1933

ОПОРА
Над потоком горным
Два бревна висят.
Волны пенной пастью
Путнику грозят.

Школьника Нахара

Мостик не страшит,
Ловок, словно серна,
Маленький джигит.

Ну, а вдруг другого
Здесь охватит страх?
Голову закружит,
Зарябит в глазах?

Как же это раньше,
Пионер Нахар,
Ты о тех не вспомнил,
Кто и слаб и стар?

С этой мыслью школьник
Прибежал домой.
Взял топор и гвозди
Из дому с собой.

Мальчик проработал
Чуть не дотемна.
Над мостом опора
Прочной быть должна.

Новые перила
Гладки и крепки.
Смело проходите,
Дети, старики!

На тропинке узкой,
Весь как снег седой,
Показался старец
С длинною клюкой.

На Нахара с лаской
Старец посмотрел:
— Славная опора.
Молодец, пострел.

Будь же счастлив, мальчик,
До скончанья дней!
Будь всегда опорой
Верной для людей!

1954

ЯБЛОНЯ ЭДГИ

Рады мать с отцом за сына,
Повод есть к тому прямой:
Яблок целую корзину
Мальчуган принес домой.

Десять лет всего лишь Эдги,
Но смышлен, хотя и мал.
Чтоб достать рукой до ветки,
Чай, на цыпочки вставал.

Коль удачливость такая
С малых лет, то, став большим,
Соберет он урожая
Яблок несколько машин!

Может, все-таки причина
Неясна вам — почему
Рады мать с отцом за сына,
Улыбаются ему?

Ведь корзину яблок Эдги
Смог добыть трудом своим —
Снял их с яблони-трехлетки,
Им посаженной самим.

1954

ЛЕВАН-КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЬ

Леван живет у моря.
Он в корабли влюблен.
На пароходе в Гагру
Однажды ездил он.

С тех пор одна забота
Покоя не дает:
Решил малыш построить
Огромный пароход.

Для дела подходящий
Достал материал:
Фанеру, доски, гвозди.
Топор, пилу достал.

Усердно, с увлеченьем
Он строить принялся.
Строительства программа
Ясна Левану вся.

А море плещет рядом.
И мальчугана взор
Влечет простор открытый,
Сверкающий простор.

Идет успешно дело,
И по всему видать —

Мечта осуществится...
Лет через двадцать пять.

1954

МАЛЕНЬКИЙ СКРИПАЧ

С каким усердием играет
На скрипке маленький Кязым!
Занятье это обожает
Малыш всем существом своим!

Пусть музыкальная наука
С трудом дается, нелегка,
Пусть слышен для чужого уха
Один лишь скрип из-под смычка,

Но в упоении счастливом
Не скрип тягучий слышит он —
Мелодий чудных переливом
Слух музыканта упоен.

Играй, Кязым, играй, пиликай!
Пусть твой успех пока что мал,
Когда-то и талант великий
С таких же звуков начинал!

1954

ЗИМА В АБХАЗИИ

Хлопья снега вьются.
Вся земля бела.
Лужицы — как блюдца
Тонкого стекла.

Пенья птиц не слышно.
Всюду тишина.
Снегом лавровишня
Запорошена.

Но нежданно с неба
Хлынул яркий свет.
И не стало снега,
И ледка уж нет.

Пар стоит над полем.
Холоду не быть.
Каждый кустик волен
Ветки распрямить.

Утром в школу Махти

Шел — на шапке лед,
А домой, представьте,
Сняв пальто, идет.

1954

Киазым Агумаа
(1915—1950)

СЕМЬЯ ГЫДА
У Гыда малая семья:
Он сам, жена и сыновья,
Их трое. Старшему пять лет,
А младшему и года нет.
У Гыда пацха(1) — решето,
В ней щелей насчитаешь сто.
Хлев обветшавший и кривой
Склонился набок головой.
Лишь отойдет пора зимы —
Наш Гыд берет быков взаймы.
В соху он запрягает их.
(Сосед ему давал своих,
Всегда глумясь над бедняком.)
Однако наша речь о ком?
Джагуатан — проныра, пес!
Он Гыда доводил до слез.
Он грабил всех, и не мала
Расплата за быков была.
Он рыскал по ночам, как вор,
На всякий забирался двор,
Моргал глазами, как шакал,
Согнувшись, всюду проникал.
И к нам он попадал не раз.
Все высмотрит лукавый глаз.
Во все он забежит концы.
Там стащит дыни, огурцы,
Там — кукурузу и тайком
Добро к себе волочит в дом.
Но под ударом бурных гроз
Погиб бесславно жадный пес.
Октябрьской бурею сметен,
Исчез без завещанья он.
И, отдыхая от обид,
Вздохнул свободно старый Гыд.
С друзьями он в колхоз вступил,
Живет он, полный новых сил.
Три года пронеслись, и тот,
Кто знал когда-то тяжкий гнет,
Невзгоды все преодолев,
Построил дом и новый хлев.
Высок и светел Гыдов дом.

Достаток видится во всем.
Из шелка платья у жены,
И в школе учатся сыны.
Вот как живет семья теперь,
И скорбь и страх ушли за дверь,
И патефон поет подчас:
«Уасарайда, сиуарайда(2),
Веселый труд ждет утром нас».

---

1 Пацха — хижина горца.
2 Непереводимый веселый припев абхазской песни.

1934

КОЛХИДА

В тревоге столетия морщили лбы,
И время седое брело еле-еле,
И горы громоздкие, встав на дыбы,
В просторы раскинувшиеся смотрели.
И легкие туры в долину с высот
Скакнуть не решались. Казалось, навеки
Земле этой, впадинам этих болот
Лишь скорбь и унынье рождать в человеке.
Грязь липкая, топи, рои комаров...
Тут властвовала малярия — царица.
Рион тут бежит. Тесноту берегов
Кодор разорвать, будто шкуру, стремится.
Таили в себе умерщвляющий ад
Проклятые те комариные тучи.
Бывало, тут громко лягушки галдят
И толпами скачут из тины тягучей.
В тревоге столетия морщили лбы,
И время седое брело еле-еле,
И горы громоздкие, встав на дыбы,
В просторы раскинувшиеся смотрели.
Тут море могучее с ложа встает,
О берег волнами колотит сердито.
Рвет дамбы Рион. И под натиском вод
Земля плодородная начисто смыта.
Как траур, тумана оденут пары
Все небо. А солнце взойдет над землею —
Не спрятаться от беспощадной жары.
Долина Колхиды объята тоскою...

Так было. А ныне смирился Рион
И солнце как будто иное. С природой
В краю этом люди сразились, и он
Расцвел, обновленный трудом и заботой.
Унылую грязь заменили цветы.
Долина раскинулась радостным садом,

И кроны огромных деревьев густы,
И вечным гордятся деревья нарядом.
И гнилостных, необозримых болот,
Что были раскинуты всюду когда-то,
Сегодня нигде и никто не найдет.
Земля плодородна, щедра и богата.

В тревоге столетия морщили лбы,
И время седое брело еле-еле,
Но после упорной и трудной борьбы
Сады многоцветные здесь заблестели.

1938

В САДУ

Я вновь в саду, тревожим песней...
Куда ни глянешь — благодать.
Здесь нежен ветер, и прелестней
Вам в мире сада не видать.

Пред красотой бессильно слово,
Прохлада льется, как струя,
И у растения любого
Есть тайна нежная своя.

Я слышу веток тихий шорох,
Как бы беседу о любви,
И листьев шепоты, в которых
Стихи предвижу я свои.

Я помню: птицы пели хором.
Сидел я, преданный мечте,
И Квикви образ перед взором
Мелькал в вечерней темноте.

Чуть слышным шелестом о Квикви
Напоминая мне опять,
К моим ладоням ветви никли,
Как бы желая их пожать.

Иль думали питомцы сада,
Что я грущу наедине?
Но ведь она, моя отрада,
Всегда со мной, всегда во мне!

Ведь окрыленная машина,
Смех комсомолки молодой
Чудесней сказок Шарадина(1)
И грез о царстве под водой!

Я вновь в саду, тревожим песней...

Куда ни глянешь — благодать,
И ни душистей, ни прелестней
Вам в мире сада не видать!

---

1 Ходжа Шарадин — легендарный абхазский шутник, герой сказок.

1939

* * *

Вспыхнул порыв в глубине сердечной,
Сжился с душой, не прошедши мимо.
Явился он не как первый встречный,
Но в срок, по зову, неотвратимо.

Не мальчик я, хоть и жил не много,
И не старик с дорожной клюкою.
Пряма, как стрела, моя дорога,
И жажду делом я успокою.

Видал Баку, Тбилиси, Москву я,
Мне милы они, как мой Сухуми.
Не плачь же, Квикви моя, тоскуя,
Не предавайся печальной думе!

Нет у тебя, голубка родная,
Скорби ни маленькой, ни великой.
Смейся же, взглядом тепло сияя,
Беды на нас и впрямь не накликай!

Пусть не мрачнеет темное око,
Солнце мое в небесном просторе!
Пусть мы не вместе, пусть ты далеко,
Разве такое уж это горе?

Я и сейчас твой портрет целую,
С любовью его беру я в руки.
Кто носит в сердце любовь такую,
Того не пугает боль разлуки.

Не превращай царапинку в рану,
Счет не веди ты ложным обидам.
Правде служу я — и лгать не стану:
Тебя и край свой, клянусь, не выдам!

1940

Я ЛЮБЛЮ КВИКВИ

Подобно старому Боккаччо,

Кто из живущих не твердил
О том, как он, смеясь и плача,
И став на целый мир богаче,
Впервые в жизни полюбил?

Люблю я в мае птичье пенье,
В чадрах зеленых цепи гор,
Колхиды знойной дуновенье,
Ключей стремительных кипенье
И шумно мчащийся Кодор.

Мне мил корабль тот деревянный,
Что на Ерцаху опочил(1),
И память детства — дол Кетвана(2)
И той пещеры сумрак странный,
Где был прикован Абрыскил.

Но увядать цветы привыкли,
Мгновенна песня соловья,
Мечты исчезнут, как возникли,
И всех милей резвушка Квикви,
Подруга славная моя.

Как не любить созданье это?
Как Лашкиндар(3), она стройна,
Волной кудрей до пят одета
И для влюбленного поэта
Очарования полна.

Люблю ее, как даль морскую,
Как ветерок в июльский жар,
Как розу — символ поцелуя,
Как мира молодость вторую,
Как наш неистовый азар(4).

В день расставанья, день печали
(О, как гудели поезда!)
«Люблю!» — мне губы прошептали
И на вопрос мой: «Навсегда ли?» —
Мне отвечали: «Навсегда!».

Теперь, как утренние пчелы,
Не разлетаются мечты,
У них есть цель, и все глаголы
Готов отдать я за веселый
Глагол «люблю», в котором — ты!

---

1 По преданию, о скалы Ерцаху во время всемирного потопа разбился корабль.
2 Кетван — название реки.
3 Лашкиндар — гора неподалеку от Ткварчельских копей.
4 Азар — песня, которую поют во время скачек.

1940

ПЕСНЯ О РОДИНЕ

Народному повту Грузии Г. Табидзе, автору стихотворения «Родина».

Родине — голос поэта,
Ей он свой стих посвятил,—
Мнится, луч яркий рассвета
Сердце в груди озарил.

Родина с детства со мною,—
Сколько в ней света, огня!
Ласковой, теплой рукою
Как она грела меня!

Счастьем меня окружала,
Чтоб беззаботно я рос,—
Ветром любви обвевала,
Нежным дыханием роз.

И когда, пулей задетый,
Ждал я конца своего,
Слышал я голос поэта:
Родина — прежде всего!

1941

АБХАЗСКИЕ ГОРЫ

На заре на перевалах,
Где луга в цветах лежат,
Где в зеленых покрывалах
Рощи тихие стоят,—

Там, по травам пробегая,
Ветерок порой шуршит,
То к деревьям припадает,
То уйти от них спешит;

Там пастух бредет с отарой,
Песню тихую поет;
Он спокоен, горец старый,—
Нет ни горя, ни забот.

И спокойно, горделиво
Скалы высятся, блестя,—
Беззаботны, молчаливы,
Будто спящее дитя.

Далеко, журча и пенясь,

Ручеек несется с гор.
По лощинам льется песня —
Славит солнце птичий хор.

Все залито ярким светом,
Миг — и туча вдруг идет.
Ослепительною лентой
Опоясан небосвод.

Есть ли что прекрасней в мире
Блеска молний над горой,
Грома в поднебесной шири
Над обмершею землей?

Я смотрю вперед без страха...
Белым пологом укрыт,
Недвижим, седой Ерцаху,
Как мудрец, вдали стоит.

1942

ПИСЬМО В АПСНЫ

Ты далеко, но как вчера
Волны морской я помню плеск,
Мимоз дыханье по утрам
И золотого солнца блеск.

Там каждый дом — среди садов,
В цветах он утопает весь,
И через семь крутых хребтов
Туда летит пастушья песнь.

Ты далеко, и только сны
Напоминают отчий кров,
Но я вернусь к тебе, Апсны,
Из Брянских сумрачных лесов.

Пролить не жаль мне кровь свою,
Рука в бою не задрожит.
Я клятву родине даю,
Что и пред смертью крикну: «Жизнь!»

Мечом врага сразив в борьбе,
Что цепи нес стране родной,
Апсны, я вновь вернусь к тебе
Цветущей розами весной.

Помчит араш меня в края,
Где снова ввысь несется песнь,
И скажет мне любовь моя:
— Герой, привет тебе и честь!

1942, Брянские леса

ГЕНАЦВАЛЕ

Далеко ты теперь от меня, генацвале.
Между нами чащобы, равнины, пески.
Как припомнишь порою тебя на привале,
Потемнеет в глазах от тоски.

Я люблю тебя, слышишь, люблю исступленно,
Ни на миг не могу позабыть твоих глаз.
Повторять я готов, как мальчишка влюбленный,
Имя светлое тысячи раз.

Пусть война, пусть тревога, пусть бремя печали,
Пусть неистовство стали, шрапнели, огня,
Все равно возвращусь я к тебе, генацвале,
Если ты не забудешь меня.

Я сражаюсь за синие горные дали,
За рассветы над морем, за юность твою.
Мне не страшны враги. Верь, моя генацвале,
Я не дрогну в кровавом бою.

1942

ЛАСТОЧКА

Дорога мне родная земля.
Вновь охвачен я смутным волненьем.
Предо мною простерлись поля
В одеянье зеленом весеннем...

Дышит теплою влажностью лес,
Надрываются в зарослях птицы.
По лазурным просторам небес
Черной точкою ласточка мчится.

О, скажи мне, родная, скорей,
Над Абхазией ты не летала?
Не встречала ли милой моей
Там, где к звездам возносятся скалы?

Как живется ей? Ждет ли меня,
Как и прежде, любви не жалея?
На душе моей день ото дня
Все тревожнее, все тяжелее.

Мне щебечет певунья в ответ:
«Верь, напрасны твои опасенья.
Не забыла тебя она, нет.

Ждет она твоего возвращенья».

1943

СПОЙ МНЕ, КРАСАВИЦА...
Не иссякнет свет небесный,
Не затихнет шум морской...
Об отважном горце песню
Ты, красавица, мне спой!

Спой мне, дева, о Куасте(1).
Песню по свету пусти.
Пусть летит! Никто не властен
Встать у песни на пути!

---

1 Очевидно, речь идет о Коста Хетагурове.

1944

ДЕВУШКА В САДУ
С рассветом в тихий сад она
Вошла росистою тропою.
И грудь волненьем стеснена,
И сердце лишено покоя.

В воспоминаньях перед ней
Одна мелькает тень родная,
Слова звучавших здесь речей
Ей в тишине напоминая.

Ей листья шепчут вновь и вновь
Так ненавязчиво и мило
О нем, о юном, чья любовь
С рассветом сердце разбудила.

Деревья росные стоят,
Пред нею ветви преклоняя,
И роза дарит аромат,
Бутон душистый раскрывая.

Ее семья от сна встает,
Клубится дым родного крова.
Походкой важною идет
На зов казенная корова.

И девушка, покинув сад,
Спешит туда, где листья чая
Росу жемчужную хранят,
Где песни девичьи звучат,

Покой долины нарушая.

Да, милый не придет назад,
Ее не встретит ненароком,
Но расцветает тихий сад,
Спасенный им в бою жестоком.

1944

ЛЮБОВЬ МОЯ

Сраженный пулею шальною,
Лежал на койке я без сил,
Но ты была всегда со мною,
И боль без стона я сносил.

Ты мне сопутствовала всюду:
В пути, на отдыхе, в бою.
Я никогда не позабуду
Улыбку нежную твою.

В годину бедствий и печали,
В дни поражений и невзгод
Твои глаза мне озаряли
Дорогу трудную вперед.

Спасала ты меня от зноя,
Смиряла вьюгу и мороз.
Не расставался я с тобою
И все невзгоды перенес.

Стонали раненые глухо,
Разрывов гул еще не стих.
Отогнала ты смерть-старуху,
И вот остался я в живых.

Сказала ты: «Врастем корнями
В тугую грудь земли родной,—
Бессилен вихрь тогда над нами,
Не страшен нам палящий зной».

Свое ты сердце отдала мне.
К тебе вернусь я скоро вновь.
Нежней цветка, прочнее камня
Моя солдатская любовь.

1944

АЧАРПЫН

1

Долины в объятьях тоски.
Утесы скорбят величаво.
Как слезы, летят лепестки,
С цветов опадая на травы.

Угрюмо бормочет поток,
Настойчиво катит каменья;
Он ищет к свободе дорог,
Подпрыгивая в нетерпенье.

И песня его то тиха,
То яростным громом рокочет...
Обида в груди пастуха
Кипучим потоком клокочет.

Он бродит по лысинам гор.
Он слышит и голос и плач их.
Мутится от ярости взор:
К Абхазии рвется захватчик!

И трогает дед ачарпын
Дрожащей иссохшей рукою,
Суровые ветры вершин
Чудесной игрой беспокоя.

И столько в напеве тоски,
И жгучего гнева, и муки,
Что сами собой в кулаки
Сжимаются юношей руки.

О пропасти старец поет.
Поток надрывается люто.
И, сгрудившись, слушает скот,
Слова понимая как будто.

II

И вот — увидали врага
Просторы нагорий кавказских.
Альпийские топчут луга
Скоты в металлических касках.

Кричат, пастуха окружив:
— Веди нас к абхазским вершинам!
Услужишь — останешься жив.
В Абхазию путь укажи нам!

Косматую бурку надел
И молча кивнул головою...
В кромешную бездну летел
Поток взбунтовавшийся воя.

III

Он темною чащей шагал,
Веревкою с немцами связан.
Они средь насупленных скал
Покорно плелись за абхазом.

Внезапно запел ачарпын,
Ветрам встрепенувшимся вторя...
Он вел их к подножью вершин
Оскалившегося нагорья.

Сперва не страшил их подъем,
Шутили с вожатым сначала.
Потом понукали, потом
Угрюмо глядели на скалы.

Теперь понукал уже он,
Покрикивая:
— Хай, амарджа!(1) —
Донельзя отряд утомлен,
Трудней не придумаешь марша!

Их жизнь походила на нить.
Держал ее властно вожатый.
Им в пору волками завыть,
Но рты их испугом зажаты.

А полночь полна красоты.
Луна показалась большая.
Она озаряла хребты,
Ласкала их, не согревая.

Рыдающий ветер умолк.
И крикнул начальник отряда:
— Пастух, выполняй же свой долг!
К дороге нам выбраться надо!

И старец ответил врагам,
Над черною пропастью стоя:
— Тропинки — и то не отдам
В стране моей вам ни за что я!

И, бросив в кусты ачарпып,
Он ринулся камнем в ущелье
И, связаны с ним, как один
Все немцы за ним полетели.

Их встретила ревом вода
Распахнутым жадно объятьем.
Укрыла их, чтоб никогда

Абхазию не увидать им...

Средь хмурых, суровых вершин,
За самой высокой горою,
Под ветром поет ачарпын
Отважную песню героя.

---
1 Хай, амарджа — ободряющее восклицание («подтянись!», «живей!»).

1944

ПРОЩАНИЕ ВОИНА
До свиданья, белый сад!
Милый город, до свиданья!
Покидает вас солдат.
Ждет солдата испытанье.
Я иду убить беду.
Клятву матери-отчизне
Беззаветно соблюду —
Без свободы нету жизни.
Конь мой пляшет под седлом,
Понесет меня он скоро
Сквозь горячий дым и гром...
До свиданья, реки, горы!..
Воет ветер.
Там и тут
Низко-низко над дорогой
С криком ласточки несут
Всем понятную тревогу.
До свиданья, край родной!
Ты в чужом краю далеком
Будешь следовать за мной
И следить незримым оком.
И меня, страна моя,
Не страшит поход суровый.
Сколько б раз ни сгинул я,
Воскресишь меня ты снова!

1943

ВЕСНА
Зазеленев безмятежно
После тяжелого сна,
Робко, взволнованно, нежно
В сердце стучится весна.

Громче, родная, смелее!
Сердце мое разбуди!
Расшевели поскорее

Нежные струны в груди.

Если неладно запели,
Ты их получше настрой,
Если они потускнели,
Золотом солнца покрой.

Теплым прикосновеньем
Тронь мое сердце, весна.
И погаси в нем сомненья!
И воцарись в нем одна!

1945

ОДИНОЧЕСТВО

«Что сидишь одиноко у моря? —
Говорит мне с усмешкой сосед.—
Или на сердце тайное горе,
Или белый не мил тебе свет?
Иль на звонком своем ачамгуре
Оборвал ты струну невзначай?
Так чего же ты брови нахмурил?
Натяни ее вновь и играй».
Не нужны мне советы такие:
Их забудешь, услышав едва.
Словно осенью листья сухие,
Облетают, поблекнув, слова.
Разве к солнцу я льну, чтоб согреться?
Не пою ли я песни о нем?
Разве в бьющемся бешено сердце
Не любовь полыхает огнем?
Поселить я готов это пламя
В миллионах неистовых строк.
Но признаюсь по совести вам я:
Без любви я и впрямь одинок.
Тот, кто к солнцу не рвется, как птица,
Кто любовь про запас бережет,
Кто людей и природы боится —
Будет холоден вечно, как лед.

1945

НОЧЬЮ

Унеслась гроза во тьму.
Ночь безмолвна и безбрежна.
Сказки сердцу моему
Тишь нашептывает нежно.

Может быть, луна зашла?
Может быть, померкли очи?

Или это — просто мгла,
Мрак молчания и ночи?

Изогнулась, как змея,
Над водою черной ива.
Где любимая моя?
Без нее мне так тоскливо!

Пусть чернеют тучи вновь.
Пусть погаснут звезды, тлея.
Все равно моя любовь
Солнце ясного светлее.

1946

ПЕСНЯ ПШАВА

Поток над бездной мчит волну,
Дробя глухую тишину.
И брызги мчатся к горным склонам,
Как слезы девушки влюблённой.

Цветов ковер внизу лежит,
Роса бутоны серебрит,
Дочь пшава, в руки взяв чонгури,
Готова спорить с ревом бури.

Чаргали горы! Вы о чем
Во мраке шепчете ночном?
Иль, как меня, своею силой
И вас Пшавелы(1) песнь пленила?

---

1 Важа Пшавела — выдающийся грузинский поэт (1861—1915).

1947

ТВОИ ПЕСНИ

Памяти Николоза Бараташвили(1).

Исчезнет тело, песня остается...
Она не гаснет в сердце никогда.
Твоих стихов напев мне в сердце льется,
Как родника прозрачного вода.

Будь соловьем над розою чудесной
Или струною ачамгура я,
Неслыханной я залился бы песней,
В груди своей обиды не тая:

Араш Абрскила на крутых вершинах

Оставил миру навсегда свой след.
Зачем же ты так рано нас покинул
И песни не допел своей, поэт?

Пчела с рассветом путь свой направляет
К залитым солнцем розовым кустам,
Целует их как будто, отлетает,—
К другим она торопится цветам.

Так я одну страницу за другою
Листаю в книге, образ твой ловлю.
Чудесный мир встает передо мною,
Полней живу я и сильней люблю.

---

1 Николоз Бараташвили — выдающийся грузинский поэт (1817—1845).

1947

Баграт Шинкуба
(Родился в 1917 году)

СОН
— На белом скакуне я проскакал во сне,
Что это значит, мать моя родная? —
— Ты детские года оставил навсегда,
Сынок, пришла пора твоя мужская.

— Взбирался конь лихой отвесною скалой,
Что это значит, мать моя родная? —
— Трудиться должен ты, чтобы сбылись мечты,
Сынок, твоя дорога — трудовая.

— Я прискакал на луг, стоял народ вокруг,
Что это значит, мать моя родная? —
— То значит, что народ твоей работы ждет,
Тебя достойным сыном называя.

1935

МОЯ ЗВЕЗДА
От предков я узнал: «Покуда не затмилась
Твоя звезда, не будешь знать невзгод».
Но палец я навел, моя звезда сокрылась
И с неба сорвалась, как зрелый плод.

Тогда, как птица, я пустился в путь широкий,
Пришпорив белоснежного коня,
И рощи и сады мелькали вдоль дороги,
Свистела буря позади меня.

Деревьев не считал, — я мог бы сбиться в счете,
Холмы и горы видел на пути,
Летел я, чтоб схватить в стремительном полете
Мою звезду — и дальше понести.

1935

КАПЛЯ

Дождь то пуще, то тише.
Вот уж сутки почти
Капли падают с крыши:
«Кули-чли», «кули-чли».

Солнца вешнего сабли
Туч распорют гряду,
Чтобы вспыхнули капли
За окошком в саду,

Чтоб туман поседелый
Ветру на спину лег,
Словно газовый, белый,
Невесомый платок.

Стебли с ветками зябли,
Это, видно, учли
Напевавшие капли:
«Кули-чли», «кули-чли».

Знаю: рано иль поздно,
Зазвенев на ветру,
Капли в стужу — замерзнут,
Испарятся — в жару.

Не желал бы я песне
Этой участи, друг,
Не желал бы, но если
Станет капелькой вдруг,

Упадет пусть на сердце
Человеку в пути,
И поможет согреться,
И поможет дойти.

1936

ОСЕННИЙ САД

Хурма в саду благоухает,
Вздыхает розовый гранат,
И с лоз опущенных свисает

Как уголь черный виноград.

И листья падают, и к югу
Уж потянулись журавли.
И, подавая весть друг другу,
Перекликаются вдали.

Плоды румяные откинув
На взгорье яблони стоят,
И сотни желтых мандаринов
Сквозь зелень яркую блестят.

А за изогнутым гранатом,
К земле пригнувшим тонкий стан,
В лицо мне дышат ароматом
И акачич, и ахардан(1).

К ак здесь отрадно вечерами,
Когда алеет виноград
И ветви, полные плодами,
К земле склоняет пышный сад.

Когда от отблесков багряных
Он вспыхнуть, кажется, готов
И окровавлен на платанах
Их густолиственный покров!

Спеши, садовник, в день погожий
Собрать богатый урожай —
Лимон с его шершавой кожей
И мандарин, с луною схожий,—
И зиму радостно встречай!

---
1 Акачич, ахардан — сорта винограда.

1936

БЕЛАЯ КОФТОЧКА

О, не спеши, убегая,
Девушка в белом!
Стой! Это ты — иль другая
Мной завладела?

Жизнь без тебя не в жизнь мне,
Все безотрадно...
Ну — оглянись, капризная,
Будь ты неладна!

Встретил тебя — и сразу
Сердце запело.

Слышишь меня, ясноглазая
В кофточке белой?

Ласточка, помню, летела.
Крикнул, печалясь:
— Девушка в кофточке белой
Не повстречалась?

Только махнула крылами,
Не отвечая...
И наклонился к цветам я,
Полон печали.

Только цветы опустили
Головы ниже...
О, неужели милую
Я не увижу?..

Птицы опять оживились,
Солнцем согреты.
Снова цветы появились,
Милой лишь нету.

Чудится мне, что со мною
Ты каждый вечер.
Плат твой ловлю я рукою —
Это лишь ветер...

О, не спеши, убегая,
В кофточке белой!
Ты это — или другая
Мной завладела?

Выслушай, недотрога,
Будь ты неладна!
Рядом, одной дорогой
Пойдем мы, ладно?

1938

ШАРДА АМТА

Шарда амта!(1) Други, все ли
В сборе? Выпьем же за то,
Чтоб в сердцах цвело веселье
Девятьсот годов и сто.

Дружно кубки подымите
С чистым, искристым вином.
Двухголосой огласите
Песней радости наш дом!

Спелых гроздей дар янтарный
Блещет, пенится, шипит
И отрадой лучезарной
Наши души вновь дарит.

Дева, что струей златою
Льет нам в кубки ток вина,
Юным сердцем и душою
К другу расположена.

Пусть ответит он любовью,
Что в груди его горит.
Выпьем же ее здоровье,
Как обычай нам велит.

Будет — вечно молодая —
Наша жизнь полным-полна.
Все пышнее расцветая,
Пусть проходит, как весна.

Пусть у каждого лет до ста
Не скудеет юный жар!
Выше кубки, громче тосты
За великий жизни дар!

Шарда амта! Други, все ли,
Все ли в сборе? Так за то,
Чтоб в сердцах цвело веселье
Девятьсот годов и сто!

---

1 Шарда амта (многие лета) — застольное восклицание.

1940

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Есть в жизни народов такие суровые дни,
Что всем поколеньям врезаются в память они.

Нас пламя войны обожгло в сорок первом году,
И дымные ветры неслись, предвещая беду.

Стояли мы насмерть, к плечу прижимая плечо,
И жерла орудий дышали на нас горячо.

В предчувствии злой, приближавшейся к сердцу беды
Не дрогнули мы, а теснее сплотили ряды.

В те годы над миром нависла дремучая мгла,
Но правды бессмертной она заслонить не могла.

Сквозь горе и слезы, сквозь лютую стужу и зной
Пришли мы к победе, сплоченные целью одной.

Мы знамя свое водрузили на вражьей земле,
И вспыхнуло утро для тех, кто томился во мгле.

Девятого мая зажглась молодая заря,
Развернутым стягом над морем и сушей горя.

Промчатся столетья, но этот немеркнущий свет
Пробьется к потомкам сквозь толщу бесчисленных лет.

1945

МОЙ ГОРОД

Как мне дорог мой город — веселый, светящийся, свежий
И знакомое, теплое, лучшее из побережий.
Я пою наше небо, и утро, и звонкие хоры
Суетящихся птиц, и ветвей прихотливых узоры.
Как ты вырос и как возмужал, мой любимый Сухуми,
Весь в сиянье воды и в морском несмолкающем шуме!
Где, бывало, болото коню доходило до брюха,
Стало чисто и сухо, и песня касается слуха,
И дома молодые встают вместо прежних лачужек,
Подымаясь внезапно над грудой щебенки и стружек.
Там, где лужи, бывало, весной подступали к порогу,
Я блестящую вижу лежащую рядом дорогу.
Эвкалипты и лавры над ней подымают вершины,
И, шурша и сверкая, по ней пролетают машины.

* * *

Встрепенулась вода, и на берег струится прохлада,
И дыхание моря сливается с запахом сада.
Этот климат меня от печали и старости лечит,
Даже в зимнюю пору листва тут шумит и лепечет;
И с каким бы цветком я случайно ни встретился взглядом,
Он чарует меня не теряющим красок нарядом.
Темно-синими брызгами море меня освежает,
Отражает звезду и луну в глубину погружает.

* * *

Здесь впервые прозрел я и вымолвил первое слово,
Здесь ушел я с любимой из-под материнского крова.
Здесь трудился, и жил, и мужал, и сближался с друзьями...
Пусть иных уже нет,— имена их останутся с нами.
Их геройства вовек не забудут друзья и потомки,
Светом правды они разгоняли глухие потемки,
Шли бесстрашно в огонь, задыхались в дыму непроглядном.
И ашуг и поэт говорят об их подвиге страдном.

Грохотала война, в несмолкающем гуле и шуме
Приближенье врага настороженный видел Сухуми,
Опаленный огнем, он смотрел на высокие горы.
Враг хотел одолеть их, чтоб двинуться в наши просторы,
Но исход наступленья не эта решила преграда,—
Враг был схвачен за горло в далеких снегах Сталинграда.
И звериную лапу, что долго грозила Кавказу,
Мы зажали в тиски, а потом обезвредили сразу.

* * *

Мой Сухуми! К тебе обращаю горячее слово,
Ты грядущее наше и ты отраженье былого.
Ты ворота Кавказа, в которые море стучится,
И сквозь эти ворота врагу никогда не пробиться!
Ветер дышит озоном, смыкается море с газоном.
О Сухуми, ты помнишь далекие встречи с Язоном?
Здесь ведь некогда «Арго» подолгу стоял на причале,
И страдала Медея, и чайки над нею кричали.
Не сюда ль аргонавтов манило руно золотое?
Светлый город не раз превращался в болото пустое,
Зарастали его берега, покрывались чащобой,
Только звери из мрака на солнце глядели со злобой.
Но опять подымался мой город из тьмы и болота,
И ложилась опять на заре на волну позолота.

* * *

О мой город любимый, ты сказочно молод и весел.
Сколько ярких шелков ты над морем весенним развесил!
Так мужай и цвети, разрастайся все выше и шире.
Стань жемчужиной радужной, самой пленительной в мире.
Подымайся и крепни, мой город, весенний и синий,
Восхищая и радуя строгим изяществом линий,
Чтобы песню за песней слагали о нашем Сухуми,
О цветущих садах, о морском упоительном шуме.

1946

ТЕЛЕНОК

Где раскидистый тополь кудрявится,
На расчищенном скотном дворе
Отелилась корова-красавица.
Это было на ранней заре.

Тяжелеют сосцы налитые:
Видно, вымя полно молока,
И рога серебрятся крутые,
И лоснятся на солнце бока.

Сын с отметкою белой на мордочке

Материнское пьет молоко.
Разъезжаются ножки, как жердочки,
И на них устоять нелегко.

Вот на слабых копытцах теленок
Устремился за матерью в хлев.
Он сначала набрался силенок,
А потом замычал, осмелев.

Зоотехник любовно поглаживал
Золотистую спинку, бочок:
— Кто лелеял телят и выхаживал,
Сразу скажет: отличный бычок!

1947

В ДОРОГЕ

Еду я дорогой горной,
Опадает зной,
Не устал мой конь проворный,
Верный конь гнедой.

Еду в горы я на отдых,
Там я в детстве жил.
А вокруг кипит природа
Первозданных сил.

До Сурамского нагорья
Даль раскрылась мне,
А направо плещет море,
В нем простор волне.

Небеса — как синий бархат,
И мерцает в них
Седоглавого Ерцаху
Белоснежный лик.

Еду я дорогой длинной
Через реки вброд.
В плодородную долину
Долгий путь ведет.

Уродилась кукуруза,
Кочаны сплелись,
А над ними с ношей грузной
Стебли поднялись.

Еду, еду мелкой рысью,
И кричу с седла
Людям, что ломают листья:
— Мастерам — хвала.

Горный ветер песней веет
С влажной высоты,
У дороги зеленеют
Чайные кусты.

Еду я дорогой длинной
У подножья гор,
Золотые апельсины
Мой чаруют взор.

Из темнеющего сада,
Точно новый дар,
Блещут гроздья винограда,
Мандаринов жар.

Мне чудес не перечислить:
Ветви отягчив,
Вижу, яблоки повисли —
Золотой налив.

Вижу я, как расцветает
Мой родимый край,
Как обильно созревает
Новый урожай!

Вот строенья забелели —
Предо мной село,
Счастье здесь на самом деле
В обиход вошло.

Изобилье и довольство
Дал колхозный труд.
— Заезжай, товарищ, в гости!
Встречные зовут.

Полон радости высокой,
Голос мой звенит.
Ведь вспоен я жарким соком
Этой вот земли!

Песня крепнет год от года,
Родину пою!
Счастье моего народа
Полнит песнь мою.

Путь наш все светлей и краше
Прям он и широк!
И к великой цели нашей
Нет других дорог!

1947

http://apsnyteka.org/

ПЕСНЯ РАНЕНИЯ

1

Ранят ястреба стрелою —
Заживет крыло больное.
Коль копыто серны сбито —
Костью зарастет копыто.
Коль бойца в сраженье ранят —
Рану снова плоть затянет.
Чтоб прогнать недуг проклятый,
Родичи, друзья солдата,
Храбреца утешат лаской,
Бодрой песнею абхазской.
Пойте ж, други, неустанно:
Атла псирири, псиквана!(1)

2

Но иные есть больные,
Есть ранения иные...
Родничок любви засохнет,
Коль тропа к нему заглохнет;
Коль гнездится в сердце горе —
Раненый зачахнет вскоре,
Воспалится в сердце рана...
Чем лечить недуг нежданный?
Лист целебный не поможет,
Друг совета дать не сможет...
Пойте! Только песнь желанна!
Атла псирири, псиквана!

---

1 Припев старой абхазской песни ранения.

1947

СОНЕТ

Я знал тебя девчушкой смуглолицей.
Никто не видел, как прекрасна ты.
Глазам не верю ... Как не подивиться!
Где прятала ты столько красоты?

Я слышал — ты хозяйка-мастерица,
Детишки и нарядны и сыты...
Тебе пришлось годами с горем биться,
Чтоб явью стали все твои мечты.

И вслед гляжу я, полон мыслей вешних..

Под ветром гнется молодой орешник,
Но крепко сердце в глубине ствола.

Тебя валила горькая усталость.
Ты гнулась под бедой, но не ломалась:
Знать, сердцевина прочною была.

1956

ВЕТЕР МОЙ, ЛЕТИ!

О ветер, ты всегда, всегда в пути,—
На родину попутно залети,
Помчись, мой ветер, по земле абхазской,
Скажи моей сестренке с тихой лаской:
— Слегка задет осколком старший брат,
Но он здоров, приедет он назад.

О ветер мой, побудь в родном краю,
Неси ты песнь последнюю мою!
Там, в доме, плачет мать моя седая;
Скажи ей слово, мягко утешая:
— Не плачь о нем, вернется мальчик твой,
Он невредим, вернется он домой.

О ветер мой, примчись ты поутру
И расскажи отцу, что я умру.
— На поле, где была горячей схватка,
Свою он отдал силу без остатка.
От смерти он не отступил назад,
В бою не осрамил тебя солдат.

1956

МОИ ЗЕМЛЯКИ

Фрагменты из романа в стихах

ГЛАВА ПЕРВАЯ(1)

Зима, нагрянув слишком рано,
На солнце совершив набег,
Дышала сыростью тумана
И землю облачила в снег.
Уйди скорей, шалунья злая,
Из южного родного края.
Уже февраль принес тепло,
И солнце, ласково играя,
Над сединой хребта взошло.
Размякнув, с веток снег свалился,
Блестя и тая на лету.
Земли почуяв теплоту,
Цветок фиалки появился,

И алыча уже в цвету.
Но марта кто поймет природу?
Готовясь в прошлый раз к уходу,
Грозился он, войдя в азарт,—
Не любит улыбаться март!
Остаться? Силы нету боле,
А не уйдет по доброй воле:
Измучив и людей и скот,
Он пропадет на целый год,
Оставив снежный след на поле.

Друзья, мне но сердцу весна,
Когда вот так придет она,
Среди зимы повеет лаской,
Сияя над землей абхазской,
Когда я, бурку сбросив с плеч,
В день отдыха в одном бешмете
Брожу вдоль моря на рассвете
И слышу трепетную речь
Волны, бегущей на просторе,
Зовущей искупаться в море.

Февраль проснулся на заре,
И люди принялись за дело.
— Начнем! — сказали в Амзаре.
Везде работа закипела,
Везде поля оживлены,
Пора настала посевная,
И трактор, землю разрезая,
Шумит — и это шум весны.
Вон там заборы ставят ровно,
Подпорки чинят у столбов,
Другие запрягли быков
И повезли большие бревна.

Опять вступает мой народ
В кипучий урожайный год,
Трудом и миром озаренный.
Вновь созиданья шум зеленый
Над родиной моей плывет.
Вам, совершавшим подвиг бранный,
Вам, вставшим в строй плечом к плечу,
Чтоб заживить отчизны раны,—
Я здравицу сказать хочу.
Я вижу вас, семью родную,
Я жизни слышу новизну,
Я слышу мирных дней весну,
Что к нам приблизилась вплотную.
Я посылаю вам привет,
Амзарцы из колхоза «Свет»:
Сзывает вас его сверканье
На необычное собранье.

Дзикур и Тодуа Симон
К колхозной двигались конторе
И, в оживленном разговоре
Оставив за собою склон,
Увидели с холма: машины
Внизу под яблоней стоят.
Дзикур остановил Симона:
— Ты видишь? Гости из района.
Большое дело будет, брат!

Тут всадники заторопились,
Коней пришпорив, вскачь пустились.
Куда, среди холмов, полян,
Спешат и молодежь и старцы?
Сегодня утвердят амзарцы
Колхозный пятилетний план.
И лица их и путь грядущий
Он в этот вечер осветит,
В сад плодоносный и цветущий
Всю Амзару он превратит.
Над горным полукругом вечер
Безоблачный сошел давно.
И дует из ущелий ветер,
Пьяня, как свежее вино.
Свою тревогу поднял птичью,
Лисицу заприметив, дрозд,
А та, задрав мохнатый хвост,
Вдруг замерла, следя добычу.
И з-за горы, средь первых звезд,
Сиянье месяц льет двурогий.
Под ветром на большой дороге,
Весенняя застыла грязь,
Сходна с шагреневою кожей,
Трещит, когда идет прохожий.
И, ярко в сумерках светясь,
Вдали виднеется правленье.
Давно абхазское селенье
Таких не знало вечеров!
Пристроив кур, пригнав коров,
Покончив с ужином до срока,
И молодежь и старики
Текут и шумно и широко
С обоих берегов реки
Сюда, в колхозное правленье.
Одни верхом, а те — пешком,
Фуражка рядышком с платком.
У всех — единое стремленье,
Единый путь, единый дом.

Вот мастера по сбору чая,
Вот мастерицы урожая,

Пахучих листьев знатоки,
Дела колхоза обсуждая,
Проходят берегом реки.
— Земля у дванцев, что ль, жирнее?
А только нас они сильнее:
Опередили в том году! —
— И то еще имей в виду:
Мешками деньги загребая,
Их поделили меж собой.—
— Не прибедняйся, дорогая,
Давай зайдем к тебе домой —
Найдем тысчонок там десяток.
Отец твой знал такой достаток?

Идут пешком, спешат верхом,
И группами, и в одиночку,
Порой отец обгонит дочку,
Порой седок взмахнет кнутом
И крикнет весело: — Дорогу!
Смотри, куда ты ставишь ногу! —
Треск и сверкание копыт,
Удар кнута в ушах звенит...
Чья трубка светится во мраке?
Кто с верным посохом идет?
Мы различаем голос Гваки:
— Вот у мзиурцев скот так скот!
Чтоб описать его, приятель,
Потребуется нам писатель,
И то ему не хватит слов,
Чтобы воспеть коней породу,
И никакому счетоводу
Не счесть баранов и коров.
Каких коней найдешь там стройных!
Каких коров найдешь там дойных!
Бараны там тебя пленят
Витыми, важными рогами,
А овцы — овцы все подряд —
Свисающими курдюками!
Их выпестовал сам колхоз.
Ей-богу, честь свою уроним,
Когда мзиурцев не догоним!
Я на собрании всерьез
Хочу сказать свое сужденье:
Такая в Амзаре трава,
Что для скотины — объеденье.
Недавно слышал я слова:
Народной силе все покорно.
Я спрашиваю мастеров:
Ужель держаться нам упорно
За шестьдесят своих коров?
Богатый скот колхозу нужен!

Пораньше приготовив ужин,
Выходит Хиква из ворот
И шагом медленным идет,
Чтоб дать себя догнать соседке.
— Да, мы немало табаку
Получим в новой пятилетке.
Лежать не будем на боку,
Тринадцать центнеров с гектара —
Так решено, и все звено —
Со мною, знаю, заодно —
А мы слова не тратим даром!
Остановился над рекой
Сын Гваки, инженер Арсана.
Дзиква несется день-деньской,
Дробясь о скалы непрестанно,
И в зеркале холодных вод
Блистает звездный небосвод.

«Волнуйся,— думает Арсана,—
Теки, свободна и сильна,
Воинственна и первозданна.
Пусть мчится за волной волна,
А завтра мы не опоздаем,
В урочный час к тебе придем
И запряжем, и обуздаем,
И покорим своим трудом...»
О том, что мощный ствол цветет
По малой веточке мы судим.
О том, что счастлив наш народ,
Мы судим по амзарским людям.

* * *

У нас есть озеро. Зовем
Его «Турецкая могила».
Названье странное. О нем
Узнаете от старожила:

«Когда Абхазию султан
Поработил, насильник старый,
И кровь текла из наших ран,
И сыпались на нас удары;
Когда купцы и янычары
Надели цепи на крестьян,—
Кривым ножом вооруженный,
Спесивой свитой окруженный,
В чалме, не глядя на людей,
Лицом пятнист, широкоскулый,
Верхом на муле Хасанбей
За данью прибыл из Стамбула.
Сердито изрыгнул он брань:
— Срок наступил, платите дань. —

Молчали бедные крестьяне.
— Я истреблю,— он закричал,—
Всех, кто платить не хочет дани!—
По-прежнему народ молчал;
Тогда в толпу глаза вонзились,
Глаза врага. Раздался крик:
— Эй, дикари, вы разучились
Хозяев понимать язык? —
Взмахнул он плетью и ударом
Сбил старика седого с ног.
Но сам тут смерть нашел,— недаром
Народ свой гнев копил, берег,—
Могуче, словно в бурю море,
Народа яростное горе!
Клянусь: в мгновение одно
Судьба насильника решилась:
Он канул в озеро, на дно,
А по воде чалма кружилась...»

* * *

А впрочем, забрались как будто
Мы в историческую глубь.
Нам каждая важна минута —
Так поспешим в колхозный клуб.
Здесь наших спутников встречаем,
Плакатов столько здесь цветных,
Что веет, кажется, от них
Лимоном, табаком и чаем.
Легла на землю ночи тень,
А в клубе свет горит, как чудо,
Как будто солнце каждый день
Восходит именно отсюда.

Сосредоточен тихий зал.
Докладчик с ним ведет беседу.
Вот прошептал, подсев к соседу,
Тот, кто немного опоздал:
— А где же секретарь райкома?
Тебе лицо его знакомо? —
— Да вот он! — Где? — Ты бестолков
Сидит средь наших стариков,
Гляди,— меж Бакурой и Гвакой...
Но слушать не мешай, однако.,.—
На сцене Тодуа Симон:
С докладом выступает он.
Расстегивает он, взволнован,
Две пуговки воротника,
Потом застегивает снова.
Литое взвешивает слово
Большая смуглая рука.

Вот перелистана страница,
Нет, нелегко ей воплотиться
В плотину, в зрелые плоды.
О, сколько надобно трудиться,
Чтоб этим цифрам превратиться
В живые, шумные сады!
Но веря в руки золотые,
В то пламя, что в сердцах горит,
Парторг неспешно говорит,
И падают слова простые,
Как яблоки в густом саду.
Он всех повел на высоту,
Чтоб видели свое селенье
Не только в нынешнем цветенье,
А в щедром завтрашнем цвету.
Доклад окончен. Время прений.
Четвертым выступает Кан.
Он горячится: нет сомнений,
Ему сейчас, на этой сцене,
Досталось от односельчан.
Несутся возгласы из зала,
Звонок грозит им. Суть ясна,—
Кан продолжает: — Нам война
Хозяйство строить помешала.
Но посмотрите вы на план
(К парторгу обернулся Кан),
Охват большой, а силы мало.
Как рассуждает Елизбар?
«Даешь табак! Нужна плотина!
Чай, мандарины — все едино,
Все в общий попадет амбар!»
Нельзя же так за дело браться.
Я приведу пример: чинар,
Пусть у чинара веток двадцать —
Растут из одного ствола.
Когда задача тяжела,
Нам не поможет краснобайство.
Где корень нашего хозяйства?
Чай, только чай — вот мой ответ:
Для нас он становой хребет!
Земля амзарская родная
Как будто создана для чая.
Ты не шуми звонком, Дзикур,
Я без тебя регламент знаю.
Отдать все силы нужно чаю.
А что до остальных культур —
Пока хозяйство не поправим,
На прежнем уровне оставим.

— Пример, который ты привел,—
Отрезал Гвака,— просто вздорен:
Нарисовав могучий ствол,

Ты дал ему один лишь корень!—
А на галерке — молодежь:
— Подумай, Кан, куда ты гнешь?
Свои мы испытали крылья,—
Зачем же ползать нам в бессилье?

Хилкан, поправив свой платок,
Как бы решась войти в поток,
Сказала громко молодежи:
— Вас не глупее Кан: он тоже
Не носит воду решетом.
А ваша будет речь потом!

Как будто больше ждать не вправе,
С трудом молчавший до сих пор,
Взял слово Бакура. Протер
Очки в серебряной оправе
И папку серую раскрыл
(А эта папка в Амзаре
Известна даже детворе).
— Я ,— Бакура заговорил,—
Не первый день веду расчеты.
Бояться нечего работы,
Отличный можем мы создать
Питомник, силы напрягая:
Воистину земля такая
Для цитрусовых — благодать.
Я обязательство беру:
Не подведу я Амзару!—
— Не подведем!— раздался бас.
То крикнул высоченный Бас
И сел, на лоб надвинув шапку.
А Бакура, захлопнув папку,
Речь продолжал: — Не только чай
Получим от своей долины:
Мы вырастим и мандарины.
Кан, сделай милость, отвечай:
Ужель отдать все силы чаю?
Иначе дело понимаю,
С тобой не соглашусь никак.
А где ж лимон? А где ж табак?—
— А кукуруза,— крикнул Миха,—
Зачем ей ходу не даешь?—
Заволновалась молодежь,
Звонок — и сразу стало тихо.

В бешмете сером встал Кастей:
— Я спрашиваю у людей —
Ужель к болоту мы привыкли
Посередине Амзары?
Мы дожили до той поры,
Чтоб эвкалипты здесь возникли!

Кипят сердца в колхозе «Свет»,
Не умолкает спор горячий,
И в каждом сердце есть ответ:
— Жизнь будет краше и богаче! —
Бежит Симона карандаш,
Пометки зачеркнув: — Не стану
Я возражать сегодня Кану:
Ему колхоз ответил наш!
— Я тоже здесь не посторонний!—
Воскликнул Гвака. И старик
На стул повесил свой башлык,
Ударил трубкой по ладони,
Проворно, словно молодой,
Он, высыпав золу, поднялся,
Держа под мышкой посох свой,
Легко на сцену он взобрался
(На посох он не опирался),
Потом немного постоял,
Как в зеркало, вгляделся в зал,
Огладил бороду седую,
Минуту помолчал, другую.

— Сыны мои,— так начал он,—
Я снегом жизни убелен,
Я больше вас познал страданий.
Дышалось трудно мне, рабу:
Сидели на моем горбу
Князья и разные дворяне.
Я шел по жизни как слепец,
И после долгих лет блужданья
Достиг я счастья наконец.
Послушайте слова преданья—
Мне вспомнилось оно сейчас:

«Давным-давно,— гласит рассказ,—
Жил великан непобедимый,
Ни с кем на свете не сравнимый.
Он горы превращал в песок,
Когда он был с горами в ссоре.
Когда ж входил в морской поток,
То сразу высыхало море
И превращалось вдруг в туман.
Но сила, что была железной,
Оказывалась бесполезной:
Не видел счастья великан.
Сквозь душный зной и сквозь ненастье
Он мчался по тропе крутой:
Он знал, что утренней звездой
На небесах сияет счастье!
Усталый, только раз в году,
На скакуна взлетев над бездной,

Он выси достигал небесной
И в руки брал свою звезду.
Она горела на ладони,
С трудом добытая звезда,
А он дрожал на небосклоне,
Не знал, что делать с ней, куда
Нести, кому отдать сначала...
И озирался он вокруг,
И незаметно ускользала
Звезда счастливая из рук».

Народ потомкам в назиданье
Оставил мудрое преданье:
Когда не верит человек
В грядущий день, в свое призванье,
Не будет счастлив он вовек.
Сыны мои! Все в нашей власти,
Как великан, могуч народ,
В своих руках он держит счастье,
И сам он счастье создает...

Мы знаем, чем займемся ныне
И что мы будем делать впредь,
Нас никому не одолеть.
Звезда нам светит на вершине,
Зовет в грядущие года,
Кремля счастливая звезда.

Живу без малого столетье
Я на земле, но знайте, дети,
Душа у Гваки молода.
Чтоб жить умней, светлее, краше,
Чтоб с молодыми вровень стать,
Мне мало видеть счастье наше:
Его я должен созидать!

Замолк старик. И на мгновенье
Казалось: вспомнит он слова,
Которые забыл сперва.
Взмахнул он посохом в волненье,
Потом глазами всех обвел,
С трибуны медленно сошел.

Рукоплескания не сразу
Послышались. Притихший зал,
Внимавший мудрому рассказу,
Вдруг встрепенулся, задрожал:
— Столетье проживи ты снова! —
— Умен старик! Рассказ глубок! —
Тут возгласы прервал звонок:
Взял секретарь райкома слово...
Сверкает полночь на дворе,

И смотрят звезды с небосвода
На горы в лунном серебре.
Так тихо, будто вся природа
Внимает нынче Амзаре.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Не меньше века на земле
Старик Елкан живет в селе;
Был молодым и он когда-то,
Дружил с кинжалом в те года
И с черной буркою крылатой
Не расставался никогда.
И там, где тучи рвутся в клочья,
Он у истоков горных рек
По тропам, что белы как снег,
Умел направить днем и ночыо
Коня испытанного бег.
Лихой джигит, бездельник смелый,
Он угонял стада не раз,
Но бог его от смерти спас
И с головой оставил целой.

В реке зимою буйства нет.
И на шестом десятке лет
Елкан, весну забыв свою,
Завел хозяйство и семью.
Остепенившись наконец,
Давил вино да стриг овец.
Когда же мир, ему привычный,
В могильную был сброшен тьму,
Он загрустил и безразлично
Стал относиться ко всему.
Привычки старые, глубоко
Укоренившиеся в нем,
Как бельма, застили жестоко
Все то, что делалось кругом.
Он, нравы прошлого храня,
Не видел нынешнего дня.
Седой как лунь, в минувший год
Он только раз пришел на сход.
Порой на площади села
Поговорив про все дела,
Соседа спросит вдруг сосед:
— А что Елкан! Он жив иль нет?

* * *

Хребты подернуты туманом,
Легла на землю тишина.
Вот Гвака встретился с Елканом.
— Ну как живешь ты, старина?
Что вниз глядишь? Ведь не за плугом

Идешь весной по целине.
Иль злато ищешь? Будь же другом,
Найдешь — так половину мне.—
— Клин-борода, поверь, давно мы
С такими шутками знакомы.
Ты молод, а моя тропа
Сползает вниз по склонам милым,
Вот и скриплю я, как арба,
Давно не мазанная мылом...—
Так всякий раз они при встрече
Заводят не без шуток речи.
Один хоть стар, но сердцем молод,
Другой, чья ветхой стала плоть,
Души состарившейся холод
Уже не в силах побороть.

* * *

О, есть ли в мире доля хуже,
Чем вдовья? Ночи напролет
В печали Хиква слезы льет:
Она похоронила мужа.
Одной теперь придется ей
Растить, воспитывать детей.
Их пятеро — все малолетки.
Заботы тяжесть обрели,
Хоть сердобольные соседки
Ей помогали как могли.

Елкан в поношенной черкеске,
Присев поближе к очагу,
Однажды так сказал невестке:
— Понять я бога не могу.
Был мой черед сойти в могилу,
Но с неба грянула беда,
Моя надежда — сын мой милый —
Покинул землю навсегда.
Наверное, не выше молний
Молитв моих дошли слова...
Покойный требует исполнить
Нам долг положенный. Молва
О нас пойдет чернее тьмы,
Когда не справим тризны мы.
Начнут шептаться старики
И сплетничать старухи хором.
Сумеют злые языки
Мой старый дом покрыть позором.
Он не смолкал: — Мои седины
Все уважать должны вокруг.—
Поминок старая картина
Пред Хиквою явилась вдруг...

...Шум во дворе. Хмельные гости
Пьют за помин души того,
Кто спит в могиле на погосте,
Давно не слыша ничего.
Все, что она на трудодни
В родном колхозе получила,
Не торопясь съедят они,
Уже глотая через силу.
Овечки встретятся с ножом.
А содержимое амбара
Как будто слижет языком
Неукротимого пожара.
В полях людей работа ждет,
Горит земля, не кормлен скот,
Но гости пьют и день и два,
Уже кончается неделя...

Была в отчаянье вдова:
Что предпринять ей в самом деле?
И Хиква в горестной тревоге
Весь день не покладала рук,
Но вот пред нею на пороге
Астанда появилась вдруг.
— Родная, милая моя,
Входи. Тебе так рада я.
Прости, что в доме разоренье.
Идет уж кругом голова.—
И перед гостьей угощенье
На стол поставила вдова.

Вздохнули обе, а потом
Разговорились обо всем.
— Супруг мой,— старшая сказала,—
Для дома нового немало
Купил и бревен и досок,
Судьбы предвидеть лишь не мог!
Хозяйство. Дети. Встану рано,
Кручусь весь день, ложусь во тьме.
А вот у свекра, у Елкана,
Одни поминки на уме.
Что делать с ним? Уверен он,
Что коль поминок мы не справим,
То навсегда свой дом ославим
На весь колхоз, на весь район.
Терзаюсь я. Дай мне совет,
Справлять нам тризну или нет?
Она заплакала.— Ну мама,—
Воскликнул мальчик, младший самый,
Ведь обещала ты на днях
Не плакать, а сама в слезах.—
— Нет, я не плачу, мой сынок,
Играй спокойно, голубок.—

Астанда чуть не разрыдалась,
Пронзила сердце боль и жалость.
Она сказала: — Твой супруг
Был настоящим человеком,
Он жизнь любил, твой верный друг,
Умел идти он в ногу с веком,
И с тем обрядом поседелым,
Который тянет жизнь назад.
Он терпеливо, честно, смело
Умел бороться, как солдат.
Верна будь памяти его,
Не слушай свекра своего.
Клянусь я совестью своей,
Тебя в беде мы не оставим,
Колхозом новый дом поставим,
Поможем вырастить детей.

— Спасибо, милая, пусть бог
Тебе лишь радость посылает.
В душе тоска моя стихает,
Когда ты входишь на порог...

* * *

Порой разбуженная птица
Тревояшый поднимает крик.
Порою рыжая лисица
Мелькнет в кустах, как лунный блик.
Уже давно озарено
В селенье каждое окно.
И отдыхают от жары
Поля и рощи Амзары.
«Свод неба, вниз глядящий хмуро,
Да щедрый ливень для нолей
Мне были б ярких звезд милей»,—
Подумал про себя Дамей,
Открыв калитку в сад Дзикура.
Незастекленная веранда
Увита зеленью ветвей,—
Быть может, ждет его на ней
Широкоглазая Астанда?
Он к ней стремится вновь и вновь.
Рукой ли струн она коснется,
Иль запоет, иль улыбнется,
Он весь — вниманье, весь — любовь.
И знает девушка сама,
Что от нее он без ума.

* * *

В час лунный у подножья гор,
Забыв о времени летучем,

Сошлись подобные двум тучам
Два мнения. И вспыхнул спор.
К упрямым доводам взывая,
Схлестнулись стороны всерьез.
Из трубки пепел выбивая,
Дзикур сердито произиес:
— Уж очень ты, Дамей, запальчив,
В решеньях скор, как пионер.
Арсана, знаю я, не мальчик,
А настоящий инженер.
Но ты подумай и пойми,
Что в Амзаре в такую пору
Близка ребяческому вздору
Идея ваша, черт возьми!
Водоподъемник в эти дни
Вы строить можете одни,
А я на плечи не хочу
Брать то, что мне не по плечу.

— Дерзать боишься, но, поверь,
Не убедишь односельчан ты.—
И посмотрел Дамей на дверь
Заветной комнаты Астанды.
Ему хотелось в этот час
Взглянуть в глаза ее большие,
Миндалевидные, родные;
Вторых таких не сыщешь глаз.
— Когда подсолнухи грызут,
То шелуха летит на ветер,
А я, должно быть ты заметил,
Словами не бросаюсь тут.
Не увлечете вы людей —
Таких не надо нам затей.
Электростанция — то дело,
А здесь — я заявляю смело —
На опыт ваш кладу запрет,
В нем никакого проку нет.—
— Клянусь, Дзикур, твой вывод ложен!
Не рассчитав наверняка
Своих возможностей, из ножен
Ты не выхватывай клинка.
Отвесна горка «Старый дуб»,
И мне без посоха, признаться,
Туда, как многим, не подняться,
Но ведь Арсана наш не глуп.
И говорит он, что поднять
На высоту не трудно воду,
Чтоб засуха, нагрянув, с ходу
Отпрянула немедля вспять.
Иначе, брат, жара, как дура,
Спалит добро садов, полей,—
И вновь с волнением Дамей

Подумал о сестре Дзикура:
«Наверно, не придется мне
С ней посидеть наедине».

Дзикур, позиций не сдавая,
Ответил, трубку набивая:
— Не отстаем мы, слава богу,
План выполняем каждый год,
К чему же лезть на ту дорогу,
Где нет покоя от забот,—
Ладонью спичку заслоня,
Коснулся табаком огня,
И молвил с трубкою у рта:
— А вдруг не выйдет ни черта
Тогда не вас, меня к ответу
Потянут за шумиху эту.
Уволь, Дамей. Благодарю
И заявляю вам заране,
Что о тебе и об Арсане
Я напишу секретарю
Райкома партии. Пусть он
Вам скажет, чтобы на рожон
Не лезли, вы.—
—А если вдруг
Тебя он не поддержит, друг?—
Но тут осекся фронтовик:
Вошла Астанда в этот миг.
— Наговорились вы немало,
Прошу к столу,— она сказала.

Тьма за окном черным-черна.
И, устремившись из окна,
Луч света врезался в нее,
Как золотое острие.
И бабочки друг дружке вслед
Летят, летят на яркий свет.

* * *

«Мой друг давнишний Дзенеладзе
Прочтет мое письмо. Признаться,
Могу я суток через пять
Ответа из Тбилиси ждать.
О ном скажу я смело: друг!—
Хоть голова его белее.
Когда студентом был в Москве я,
Он кандидатом был наук.

Я с ним в те годы подружился, —
Московской дружбы нет прочней.
Меня учил и сам учился
Он у моих учителей.

Потом — всему своя пора —
Мой друг шагнул в профессора.
Люблю я доброго Нико.
С выпускниками у него
Идет все время переписка.
Он к сердцу принимает близко
Заботы нх, мечты, тревоги,
Чем жизнь наполнена в итоге.
Теперь он крупный педагог,
В машинах, в технике знаток,
И только пишущей машинки
Не признает («Какой в ней прок!»)
И письма пишет по старинке.
Клянусь, когда бы не дела,
Меня б сегодня увела
В Тбилиси горная дорога,
По ней машин стремится много.
Там от Куры невдалеке,
Чей бег стремителен и гулок,
Шагая в сторону Ваке,
Я тот нашел бы переулок,
Где дом с балконом мозаичным
Стоит под кровом черепичным.
Нажал бы кнопочку звонка
Я у дверей особняка.
И в кахетинской небольшой
Старинной шапочке простой
Меня б хозяин дома встретил,
Как юноша горяч и светел.

И у рабочего стола,
Поняв моих забот причину,
Он в наши вторгся бы дела,
Помог создать нам для села
Водоподъемную машину.
А в час, когда в огнях Тбилиси,

Я вновь послушал бы «Даиси»
Или приятелей опять
Я звоном встретил бы стакана»,—
Так думал инженер Арсана,
Решив в Тбилиси написать.

* * *

Вот Расидац, согнувши стан,
В тиши к веретену присела,
Как вдруг калитка заскрипела
И въехал на коне Елкан.
Кряхтя, он спешился. Навстречу
Хозяйка вышла. — Добрый вечер!
Давненько, дядюшка, вы что-то

Не заезжали к нам в ворота.
Позвольте, привяжу коня.
Как жизнь? Здоровье как? — Да ныне
Нет, дорогая, и в помине
Ни сил, ни жизни у меня.
Держаться стала еле-еле
Душа в моем разбитом теле.
Все позабыли старика.

И разговор издалека
Он не спеша повел о деле.
Припомнил, как с отцом ее,
Двоюродным любимым братом,
Делил и пищу и жилье,
Как много раз по горным скатам
В дороги дальние они
В те славные пускались дни.
— На праздниках мы вместе пили,
Печали поровну делили.
Ваш дом мне близок, как родной.
И в Амзаре тебе одной
Могу излить свою кручину:
Поминки объявить по сыну —
Мое последнее желанье,
Да вот быка нет на закланье.—
И, свесив голову понуро,
Елкан добавил в тишине:
— Ты, Расидац, как мать Дзикура,
Помочь, конечно, можешь мне.
Дзикур, дай бог ему здоровья,
На свет рожден для дел больших.
К тебе любовь его сыновья—
Пример для юношей других.
Мы как-никак с тобой родня,
Замолви слово за меня.
На ферме есть быков немало,
Пусть он уважит старика
И Гваке повелит быка
Мне дать во что бы ни стало.—
—Доверьте мне свою судьбу,
К Дзикуру я найду тропу.
И знайте, дядя, что быка
Уже вы взяли за рога.

* * *

Жалея дядюшку седого,
Племянница сдержала слово.
Елкан, хваля ее смекалку,
Тропинкой узкою, прямой
Шел из правления домой,
Привычно опершись на палку.

Теперь поминки были близко,
Теперь в руке у старика
Имелась верная записка
На получение быка.
«Поминок скорых,— думал дед,—
Не очень тяжким будет бремя...»
Зашел по делу в это время
Дамей к Дзикуру в кабинет.
— Ах, это ты! Садись, приятель,
А я уж думал — вновь идет
Ко мне старик несчастный тот,—
Сказал устало председатель.
— Наверно, с просьбою сюда
Он приходил?— Да, в том беда,
Что отказать ему нет сил.—
— О чем же он тебя просил?—
— Поминки он устроить хочет,
И все о жертвенном быке
В жестоком горе и тоске
На склоне лет своих хлопочет.
Не долго жить ему осталось,
Не выбраться ему из тьмы.—
— Что ж сделал ты? — Уважил старость
И дал быка ему взаймы.—
— Кто право дал тебе на это?—
— Позволь, мой друг, взамен ответа
Вопрос задать: скажи по чести,
Как на моем проклятом месте
Ты поступил бы? —
— Уж конечно,
Не так поспешно и беспечно!
Помог бы Хикве чем возможно,
И если душу всю вложить,
То сообща совсем не сложно
И старца переубедить.
Тебе ж нет дела до народа.—
— Постой! Давай без кутерьмы,
Ведь я того быка не продал,
А под расписку дал взаймы.
Замечу кстати: недостойно
Ты стал вести себя, Дамей,
Чернишь меня в глазах людей,
Забыв, что твой отец покойный
Меня просил в любой судьбе
Названым братом быть тебе.—
— Я чту желание Басята,
И сам люблю тебя, как брата,
Но знай, что должность — не супруга,
А дружба — не бюро услуг,
И покрывать ошибки друга
Не может настоящий друг.
Вот так-то,— произнес Дамей

И шумно вышел из дверей.

«Хоть в отношении быка
Свалял я нынче дурака,
Дамей здесь не законодатель.
Он стал не в меру дерзок, горд,
Такой дружок на кой мне черт!» —
Подумал гневно председатель.

* * *

Дзикур домой вернулся злой
И, скрыть волненье не умея,
На фотографию Дамея
Астанде показал рукой:
— Пора убрать! Ему дорога
Теперь заказана сюда.
Не огорчайся, не беда,
Ведь женихов на свете много.
Вот Ларба Сакун, например,
Чем не жених, не кавалер?
Он мне сказал: твоя краса
Давно-давно его неволит.
А этот пусть мои глаза
Отныне больше не мозолит.—
— Опять не в духе вы, мой брат.
А те, кто сердится не в меру,
Ну вот как вы сейчас, к примеру,
Услышать правды не хотят.
Я заявляю вам по чести:
Портрет останется на месте,
А сватать Сакуна смешно —
Он получил отказ давно.
Вам потому сей лодырь мил,
Что он вас лестью опьянил.
Ведь у него на этот счет
Своя особая сноровка.
Он скакуна придержит ловко,
Чтоб конь ваш вырвался вперед.
Набьете трубку — и тотчас
Огонь он высечет для вас...—
— Да что ты учишь, как Симон!—
Сказал Дзикур и вышел вон.

* * *

Скатилось солнце за хребты,
Лег сумрак дымной синевою.
В саду водою ключевою
На клумбах политы цветы.
Астанда па скамье одна,
В раздумие погружена.

Пред нею, подбоченясь лихо,
Стоит кувшин. Спокойно, тихо
В саду ветвистом все вокруг,
Не ждет красавица подруг,
И не спешит чамгура в руки
Сегодня взять она... Друзья,
Хочу вам всем поведать я,
Что в дни, когда она в разлуке
Была с Дамеем, грусть не раз
Ее терзала, как сейчас.
Но вот шаги раздались рядом.
Мгновенно — и нежным взглядом
С Дамеем встретилась она.
Всходила медленно луна
Над полузатемненным садом.

— Астанда, — и, рукой касаясь
Послушной девичьей руки,
Дамей сказал,— твоей тоски,
Наверно, я виной являюсь.
Как видно, грубо чересчур
С твоим я обошелся братом. —
— Ты быть не можешь виноватым,
Я знаю, что не прав Дзикур.
Не осуждай меня, Дамей,
Но больно мне от вашей ссоры.—
И снова встретились их взоры
Под сенью дремлющих ветвей.
Как мчится время! Звездный рой
Уже летит над Амзарой.
Любовного свиданья час
Мгновеньем кажется для нас.
Слились две тени на тропе.
Качнулись розы, пламенея.
Желаю счастья я тебе,
Невеста славного Дамея!

---

1 Главы даются в сокращении.

1947—1950

Иван Тарба
(Родился в 1921 году)

ОСЕНЬ
В дни весны, порою зимней
И в любое время года
Ждут в краю гостеприимном
Твоего, мой друг, прихода.

Как велит обычай древний,
Поспешат накинуть к встрече
В стужу зимнюю деревья
Бурки белые на плечи,

Чтобы гостя в снег и вьюгу
Ожидать не на пороге,
А пойти и встретить друга
Перед домом у дороги.

Если ты придешь весною,
Ветер, в роще пролетая,
Очарует под луною
Былью давнею лесною,
На дубах листы листая,

Удивит не пышным дивом,
А веселой, умной сказкой,
Той глубокой и правдивой,
Что сложил народ абхазский.

Если в гости летом будешь —
Сил накопишь и здоровья,
Сам с собой в горах побудешь,
Отдохнешь под сельской кровлей.

Караванной тропкой старой
Ты пройдешь, легко шагая.
Тень свою сгустит чинара,
Отдых твой оберегая.

Круглый год друзей приветить
Рад мой край гостеприимный...
Рассказал тебе о лете,
О поре весенней, зимней.

Но как праздничной награды
Ждут здесь, август провожая,
Время сбора винограда,
Время сбора урожая.

Приходи порой осенней,
Не запамятуй совета:
Чтоб застать людей в селенье,
Приходи еще до света.

Очень мы тебя попросим
К сроку встать не полениться.
Встретить гостя выйдет осень,
Золотая от пшеницы.

— Здравствуй, гость, войди, прохожий,

А в глазах привет и ласка.
Осень, как она похожа
На красивую абхазку!

Поведет к отарам в скалы,
В поле, в чайную долину,
Поведет тебя в подвалы,
В погреба, где бродят вина.

Поведет селом знакомым,
В лица встречным глядя смело.
Под окном любого дома
Угостит тебя чурчхелой.

И руками молодыми
На бахчах и огородах
Для тебя отыщет дыню,
Как пудовый самородок.

С угощением вечерним
Поднесет хозяйка чару,
Всю серебряную с чернью,
С молодым вином «мачара».

Рогом чокнется старинным,
Полным тем вином бродящим,
Чтобы в край гостеприимный
Ты заглядывал почаще.

1949

ЯЗЫК ОКТЯБРЯ

Он держал не перо, а мотыгу
В заскорузлых крестьянских руках.
И лежала земля, словно книга,
Что не мог прочитать он никак.

И его, не как нынче, не к школе
С детских лет, из родного села
Бедняка в кукурузное поле
Неширокая тропка вела.

Хоть усердно работал — на диво,
Голодал, как и прежде, пока.
Сколько лет он молчал терпеливо.
Видно, правды не знал языка.

И однажды за русским солдатом,
Положившим терпенью конец,
Зашагал мой отец, как за братом,
Вслед за правдой пошел мой отец.

И пылало абхазское небо
Над огнем всколыхнувшихся сел,
Пусть отец тогда в партии не был —
Боевую он школу прошел.

1951

ТБИЛИССКАЯ НОЧЬ

Люблю я ночь тбилисскую,
Где в окруженье звездном
Луна такая близкая
Над горным гребнем острым,

Где ветерок вполголоса
Нашептывает саду,
Луна рисует полосы,
Копируя ограду,

Где набережной звонкою
Шагаю над Курою,
Где волны с плоскодонкою
Увлечены игрою,

Где ярко освещенное
Не гаснет до рассвета
В ночи окно ученого,
А может быть — поэта.

Мигают окна, светятся,
Взобравшись на вершину,
Где ковш Большой Медведицы
Над миром опрокинут,

Где небеса бездонные,
Где вечно над тобою
Гудят цеха бессонные,
Как дальний шум прибоя,

Где звезды меркнут искрами
Над трубами завода...
Вся эта ночь тбилисская —
Предчувствие восхода.

1951

ДОЛИНА АЛАЗАНИ

Я ловлю ее глазами,
Но зигзагами, звеня,
Алазани, Алазани

Убегает от меня.

А долина за рекою —
Нескончаемый простор,
Спит в эпическом покое,
Разбросалась между гор.
Бесконечна, величава,
Горным солнцем зажжена.
Где берет она начало,
Где кончается она?

Говорят, на эти травы
Пепел с пламенем летел.
Говорят, что бой кровавый
Над долиною кипел.
Но не видел здесь я пепла —
Смерти след, кровавый след.
Зелень новая окрепла —
Я застал ее расцвет.

Говорят, что здесь когда-то,
За судьбу свою дрожа,
Как заплата у заплаты,
У межи была межа.

Но не видел я такого,
Я пришел сюда потом —
Разлеглась долина новым
Расцветающим ковром.

Предо мной лежит сегодня,
Урожаи расстеля,
Плодоносна, плодородна
Алазанская земля.

Возле горного порога,
Так добра и хороша,
Так распахнута широко,
Как народная душа.

А туман, за стаей стая,
Наплывает вдалеке,
Будто сливки застывают
На топленом молоке.

И бежит быстрее лани,
Холодна, неглубока,
Алазани, Алазани —
Наша горная река.

1951

http://apsnyteka.org/

ВОЛГА

Волга!
Где имя нашли такое?
Камешек волжский в руке держу..
Нет, мне не будет теперь покоя,
Если о Волге не расскажу.

Мне до истока идти далеко,
Где ручеек, а не синий вал.
Я б на колени стал у истока,
Влажную б землю поцеловал.

Волга!
Ты вся воплощение силы,
Неукротимости,
Широты.
Разве бы где-нибудь не в России,
Волга,
Могла бы родиться ты?

Чистая,
Тихая, мирным летом,
Бурная,
Мощная по весне.
Русский характер я вижу в этом,
Русская сила в твоей волне.

В свете закатном — бела, как лава,
Голубоватая — чуть рассвет.
Русская песня.
Русская слава.
Длинная летопись русских побед.

Если случится на берег этот
Выйти хоть раз,
Навсегда уже
Чистое зеркало, полное света,—
Волжский разлив — унесешь в душе.

Каждому имя твое — родное.
Песни о славе твоей летят.
Над знаменитой твоей волною
Встал, словно памятник,
Сталинград.

1952

С ПЕРВЫХ ДНЕЙ

Двадцать первый.
Весна.

http://apsnyteka.org/

Гром, который — от взгорий до моря.
Рвали молнии небо
И снова сшивали прочней...
Гром, до моря который,
Горящие воды Кодора!
И, от крови тяжелые,
Волны текли меж камней...
Победители в полночь
На берег взошли каменистый,
Где с винтовкой заморской
Убитый лежал меньшевик.

Опоясаны лентами,
Шли по селу коммунисты,
И светились патроны
От вспышек зарниц грозовых.
Из Абхазии дымные тучи
Уже уходили.
В белой хижине — пацхе —
В тот час родился человек,
Словно близкие выстрелы
К жизни его пробудили,
Обещая ему
Беспокойный и радостный век.
А заря поднималась,
Лучи простирая косые.
Навсегда отступила
Из нашей Абхазии мгла.
Это светлое утро
Пришло из Октябрьской России,
Это партия
Вечное солнце ко мне принесла.
Бородатый солдат,
Уроженец далекой Рязани,
Оказался дружком,
Боевым побратимом отца.

В честь солдата по-русски
В тот день нарекли меня Ваней.
Это партия дружбой
Связала людские сердца.
Я с годами мужал,
Восходя на крутые ступени,
Комсомольское племя
Встречали большие дела.
Это, землю меняя,
Вставали ряды поколений,
Это партия новых бойцов
За собой повела.
А далекое детство
Бредет по тропинкам Кавказа.
Я иду коммунистом

И счастлив, шагая в строю,
Сознавать, что без партии
В жизни не прожил ни часа,
Что она с первых дней
Осеняет дорогу мою.

1953

АБХАЗИЯ

Люблю я всю Абхазию мою,
Страна души (1) она по праву.
Природа здесь, как в сказочном краю,
Народ хозяйствует на славу.

Здесь цепи гор, как стены крепостей,
И камни рощами покрыты.
Ее наряда нету зеленей,
В ней солнца круглый год избыток.

Сухуми, как невеста, ты возник,
Прикрыв платком зеленым взоры.
Шоссе, как белый жениха башлык,
Сухумскую обвило гору.

Цветы пьянят, как мед, и дышит юг,
Всей солью моря освежая,
Крик обезьян шалящих слышен вдруг,
Гостей тропического края.

Здесь северян, закончивших поход,
Я вижу, загорелых, гордых,
Сквозь горы проходящих каждый год.
Здесь место встреч, туристов отдых.

Люблю богатство наших деревень,
Полей колхозных даль без края
И сладкий стон земли в счастливый день
Под славной ношей урожая.

Там кукуруза крутит так усы,
Как урожаев знатный мастер,
Початки в блеске золотой красы
Несут в амбары плодородья счастье.

Там тянутся фруктовые сады,
Что серебром дождя омыты,
И черных слив, как пуговиц, ряды
Блестят, смуглянкою пришиты.

Там ольхи очень старые стоят,
Повиты лозами, как сетью.

И кто кого поддерживать тут рад?
Их браку минуло столетье.

Люблю плантаций чайных на ветру
Безбрежность. Ветер чуть кусты качает...
Я быстрые люблю движенья рук
Девичьих — крылья белых чаек.

Люблю трудолюбивых, милых, тех,
Чей облик так пуглив и ласков,
По вечерам их песни, звонкий смех
И стариков абхазцев сказки.

Люблю Абхазию, чей облик нов —
Все ново, от людей до быта;
Люблю я тосты свадебных пиров,
Люблю игру лихих джигитов.

Люблю я новизну ткварчельских шахт,
Когда-то здесь охотник редкий
По малой нитке тропочки бежал,
Да плакала свирель пастушья где-то.

Теперь здесь ярче слитков золотых
Потоком черным уголь льется,
Как скакуны на скачках мировых,
За вагонеткой новая несется.

Люблю ходить, где пропасти оскал,
Все выше, вдаль, чтоб сердце пело,
И встретить где-то у багдадских скал
Гостей далеких загорелых.

Мой путь все выше, к высям ледяным,
Их путь лежит в долины к морю.
Мой добрый край раскроет сердце им,
Амткел обнимется с Кодором.

А там, по Бзыби, где скала глуха,
Машины к Рице горным мчат проходом,
Где озеро как бурка пастуха,
Где льются Авадхары воды.

Люблю, как сын, Абхазию мою,
Не устаю ходить по ней, — такую
Ее, как цвет невянущий, пою —
Большой земли советской часть родную!

---

1 Апсны — по-абхазски «Страна души».

1953

НА СКАЧКАХ

Лыхненский двор народу полон.
Шум, говор, ржание коней.
Из ближних и далеких сел он
На скачки пригласил гостей.

Над ним простор небес безбрежных
Прибой живой голубизны.
Направо горы в бурках снежных,
И море с левой стороны.

Вот зазвучал азар старинный
Над строем всадников лихих.
На старт под шелест тополиный
Трибуны проводили их.

Красивы всадники на диво.
Сияет солнце, даль светла.
И скакуны нетерпеливо
Грызут, танцуя, удила.

Кто победит в соревнованьях?
Об этом спорят знатоки.
Поспешна юность в предсказаньях
Неторопливы старики.

В борьбе вопрос решится спорный:
Кто заберет сегодня приз?
Дан старт! Раздался клич задорный,
И кони вихрем понеслись.

Вначале, скачку возглавляя,
Шел конь каурый впереди,
Но вскоре лошадь вороная
Его сумела обойти.

Ее хозяин, парень бравый.
Секрет победы, видно, знал —
Он от безвестности до славы
За три минуты доскакал.

Затем джигит в папахе серой,
Клинка сжимая рукоять,
Помчался бешеным карьером
Искусство рубки показать.

Ходивший в рейды и атаки,
Видавший виды под огнем,
Он так сидел на аргамаке,
Как будто родился на нем.

Легко лозу рубивший с ходу,
Не мог джигит не знать того,
Что смотрят из толпы народа
Глаза любимой на него.

1953

МАШИНИСТКА

Все ее хозяйство небогато,
Поезд в степь ее привез к утру,
И палатка хлестко и крылато
Над столом забилась на ветру.

И она, усевшись деловито,
Папки поспешила развернуть.
Для удобства или так, для вида,
Столик пододвинула чуть-чуть.

Тишина копилась тут веками,
Но машинка, тишине грозя,
Под ее бегущими руками
Затрещала, заиграла вся.

Папку приготовила сначала,
Крупно отпечатала:
«ЦИМЛА»,
Первую страницу написала
И подшила первые дела.

И не просто дерзкая машинка
В нашей канцелярии стучит —
От палатки первая тропинка
К берегу цимлянскому бежит.

А потом, глубокий, словно кратер,
Котлован оставив позади,
Прошагает грузный экскаватор
С маркою уральской на груди.

И его огромные детали,
Несомненно заслонят от нас,
Как в палатке буковки летали
Сводками о стройке становясь.

Словно птицы зернышки клевали —
Пальцы то туда, а то сюда,
Будто подбирали на рояле
Первую мелодию труда.

Ей на стройке все здесь интересно.

И она горда, что раньше всех
Ей бывает каждый день известно,
Кто отстал, а у кого успех.

Имена строителей родные
Ей знакомы. И она вчера
Отпечатать списки наградные
В машбюро осталась до утра.

Сложит все бумаги на рассвете,
Тщательно рассортирует их
И своей фамилии не встретит
В этих длинных списках наградных.

«Позабыли или не успели,
Там зато другие имена...»
В песне машинистку не воспели...
Впрочем, есть и песня —
Вот она!

1953

ДЕТСТВО

Поет в горах пастушечья свирель,
Летят ручьи, седые от кипенья.
Передо мной родимое селенье,
Где мать мою качала колыбель.

Как будто снится мне волшебный сон:
Я вижу детство, смуглого мальчишку,
С ватагой босоногою вприпрыжку
Бежит купаться на рассвете он.
Гремит реки шальной водоворот,
И рвется сердце матери на части:
А вдруг ее единственное счастье
Свирепая Гализга унесет!

Нет, это явь, нет, это мне не снится,
Он — мой двойник, мальчишка из села.
Здесь не меня ли в первый класс учиться
Мать за руку однажды отвела?

Постигнув мудрость азбуки нехитрой,
Читать я стал, как сельский грамотей.
Сам знаменитый Гулиа Димитрий
Был автором грамматики моей.

Ровнее строки вывести старалась
Моя к тетради льнувшая рука,
Но снова, как тропинка, изгибалась
Из-под пера ползущая строка.

Любил я слушать, сидя на уроке,
Рассказы про далекие края...
Настало время — выпрямились строки.
Настало время — кончил школу я.

Смотрю вокруг. Здесь перемен немало
Произошло за несколько годов.
Тот школьный сад, что детвора сажала,
Согнулся весь под тяжестью плодов.

Мне в старый класс зайти бы по привычке.
Но это ныне невозможный труд:
Ведь вместо прежней школы-невелички
Десятилетка выстроена тут.

Теплы друзей приветливые речи,
И каждый гостя приглашает в дом,
Из погреба достав во имя встречи
Бочонок старый с молодым вином.

К себе зовут меня поля, дубравы
И берега стремительной реки,
Что помнят смех мой и мои шаги,
Минувшие печали и забавы.

Смотрю вокруг — не в силах наглядеться.
Как рассказать товарищам о том,
Что я сейчас свое увидел детство,
Бегущее на речку босиком!

1953

МАТЬ

Нет невозвратимее разлуки,
Нету в жизни горестнее дня,—
Ты ко мне протягиваешь руки,
Не себя жалея,
А меня.

Слабая такая, дорогая,
Бедная, бессильная рука...
Солнце всходит, ничего не зная,
Зайчиком бежит
Вдоль тюфяка.

Неужели скоро это солнце,
Обходя просторный небосвод,
Глаз твоих погасших не коснется,
Мимо равнодушно проплывет?

Нам болезнь не дарит ни минутки,
Не дает ни часу нам, ни дня,
Но живешь, живешь ты третьи сутки
Ты боишься огорчить меня.

Я же век усталых не смыкаю
И в глаза туманные гляжу —
Будто бы тебя не отпускаю,
Ниточку последнюю держу.

Что-то ты сказать мне захотела,
Но уже не слушались уста,
Долгим-долгим взглядом поглядела
И закрыла веки навсегда.

Сколько было боли и тревоги
В этом взгляде —
Целый мир забот,
Все о той, о будущей дороге,
Что осиротевший сын пройдет.

И уста твои, что замолчали,
Запертые смертью на замок,
Может быть, в последний миг в печали
Главное мне что-то завещали.
Только я расслышать уж не мог!

Это было все...
С того мгновенья
Я не мог уж к матери прийти
Для совета, или утешенья,
Или для напутствия в пути.
Говорят, что мать одна на свете —
Значит, я теперь навек один...

Голову я поднял: солнце светит,
Светит, как всегда и всем на свете
От пеленок детских до седин.
В комнату вошло,
Открыло двери,
Заглянуло в книги на столе...
Как ни странно это — в час потери
Солнце не погасло на земле!
В нем природы,
В нем народа сила
Не устанет никогда сиять.
Родина меня усыновила,
Родина
Одна тебе под стать,
Мама милая,
Родная мать!

1953

* * *

1

Лишь только в песнях горных
Мне до срока
С черкешенкой встречаться довелось.
Мы друг от друга жили недалеко,
Но долго шли дороги наши врозь.

И вот явилась женщина другая —
Единственная, верная, одна.
Мы вышли в путь,
Любовь оберегая,
Поверив, что незыблема она.

И с той поры
Я не встречал рассветов
Под шум дождя у прибережных скал;
Любовь и верность в юности изведав,
Я чувств иных не звал и не искал.
И стали забываться понемногу
Заботы и тревоги
Прежних дней.
Одну заботу и одну тревогу
Я чувствовал с годами все сильней.

Одна любовь была мне всех дороже.
С ней вместе, безмятежно и светло,
Я вышел в путь. Я счастлив был. Так что же,
Так что же это вдруг произошло?

Минувшее виденье песни горной —
Черкешенка возникла наяву.
Неотвратимо, слепо и упорно
Я к ней стремлюсь.
Иду за ней.
Зову.

Я не был подготовлен к этой встрече,
Права моя любовь иль не права —
Но жизнь вошла со мной в противоречье,
Смешала дни и спутала слова.

Я говорю бессвязно и невнятно:
Остановиться... Вспомнить... Повернуть...
Но у любви дороги нет обратно
И вспять не поворачивает путь.

И у кого прощенья попрошу я
За то, что свет погас в моем дому.
Когда любовь,
Лавиною бушуя,
Подкатывает к сердцу моему?

Мы оба на свиданье опоздали,—
И все-таки, как позднюю зарю,
За радость счастья в облаке печали
И за любовь тебя благодарю.

2

За окошком растет, зацветает черешенка,
Заплетает весенние косы свои,
И о чем-то поет молодая черкешенка —
Слышу голос любви.

Я сегодня ей высказал все, что я думаю,
Чем живу и на чем в этой жизни стою.
Рассказал, как люблю золотую беду мою,
Непонятную радость мою.

По весеннему саду проходит красавица,
Собирает цветы и поет.
К сердцу голос ее на лету прикасается —
И ответная песня стремится в полет.

Перед нею черешня цветущая клонится,
Я гляжу — и вскипает надеждой душа.
Но за это отплатит мне ночью бессонница,
Осторожной листвой за окошком шурша.

Вот оно, мое счастье тревожное, около
Промелькнуло легко и светло,
Каблучками по мелким ступенькам процокало,
Затворило калитку и к морю ушло.

Если верное сердце любовью расколото,
Остается одно утешение мне —
Что не сделался жертвой душевного холода,
Что горел, и горю, и сгораю в огне.

1953

У РОДНИКА

По тропе, что с давних лет
Вьется, будто бы змея,
Позабыв весь белый свет,
Проходила с милым я.

И, хоть полночь не впервой
Мы встречали среди скал,
Был послушным милый мой
И меня не обижал.

Говорил он про любовь,
Как про чудо из чудес.
И медовый месяц вновь
Улыбался нам с небес.

Отражая небосвод,
Танцевал родник, звеня.
Он студеные, как лед,
Бросил капельки в меня.

Стало холодно мне вдруг
Под луною среди скал,
Но меня впервые друг
В этот миг поцеловал.

Вся, как вспыхнувший костер,
Запылала сразу я
На тропе, что с давних пор
Вьется, вьется, как змея.

Вышла замуж я давно.
И, хоть вдаль летят года,
Эту полночь все равно
Не забуду никогда.

Я люблю, когда в горах
Серебрится лунный лик.
Повстречался мне на днях
Звонкий памятный родник.

И с волнением к нему
Я приблизилась едва,
Как, не знаю почему,
Закружилась голова.

1953

* * *

Пусть она — какая ж в том обида?
Красотой не ослепляет глаз,
Есть красивей девушки, я видел,—
Лучших нету, уверяю вас!

С чем сравнить мою мне дорогую?
Все слова забыл я, как назло.

Ничего придумать не могу я,
Что ее напомнить мне б могло.

Нет у милой кос, тяжелых, гладких,
В волосах ни искры, ни огня,
Русые коротенькие прядки
Намертво опутали меня.

Пусть не выхолены руки ленью,
Пальцы не белы и не тонки,
Но меня, ей-богу, в исступленье
Может привести прикосновенье
Загорелой дорогой руки.

Нет в ее глазах волшебной силы,
В них не голубеет бирюза,
Но они меня навек пленили,—
Значит, хороши ее глаза.

Что еще могу о ней сказать я?
Милая проворна и ловка,
И к лицу ей ситцевое платье —
Может, больше, чем другим шелка.

Пусть и не заметите покуда
Вы ее среди подруг в кругу,
Ну, а я гляжу и не могу —
Лишь она передо мною всюду!

1953

* * *

Димитрий Гулиа в гостях,
И там, где долы в росах,
С ним речь заводит о стихах
Пастух, сжимая посох.

Он говорит: — У нас, мой друг,
Слагают песни в поле. —
И запевает песню вдруг
Знакомую до боли.

Окончив песню, молвит дед:
— Ты на меня не сетуй...—
Молчит по скромности поэт:
Он — автор песни этой.

1953

* * *

Нет, не чувствовал я жажды,
Когда вечером однажды
Шел, забыв про все дела,
Вдоль абхазского села.

По пути я в чей-то двор
Ненароком бросил взор.
Вижу — гений красоты
Поливает там цветы.

Заикаясь от волненья,
Я сказал: — Прошу прощенья!
Жажда жжет меня, как рана.
Мне б водички полстакана.

Незнакомка улыбнулась,
В дом вошла, затем вернулась,
И взамен воды она
Предложила мне вина.

Ну и жажда! Пью и пью,
Сам себя не узнаю.
Но, клянусь, не от питья
Захмелел в тот вечер я.
В голове поплыл туман.
На тропу упал стакан.
Он упал — и, как назло,
Сразу вдребезги стекло!

А красавица смеется:
К счастью, мол, посуда бьется.
Говорит мне: — Заходите,
Если пить вы захотите!

1953

* * *

Ты стихов не пишешь и не строго,
У плеча склонившись моего,
Спрашиваешь часто: — Сделал много?
И порою слышишь: — Ничего.

Как и я, ты сядешь у камина,
Новых щепок в угли набросав.
Вспыхнет пламя, тени отодвинув.
Отчего ж темны твои глаза?

Молча ты встаешь, идешь от света,

Замерли шаги твои, тихи.
Но, твоей улыбкой не согреты,
Будут ли горячими стихи?

Я один... Ночь рушится на скалы,
И луны осколки на столе...
Я пишу... И ты в ночи привстала.
Милая, что ищешь ты во мгле?

И не те ль слова ты прошептала,
От которых речь моя ярка,
Как ребенок, робкая сначала,
Смело встанет на ноги строка.
Если так (да, так, а не иначе!)
На рассвете ль, в сумраке ночном
Ты со мной, любимая, и значит,
Мы с тобою трудимся вдвоем.

1953

МЕДИЦИНСКАЯ СЕСТРА

Белоснежные повязки
Перевязывали туже,
Испытали все лекарства,
А ему все хуже, хуже...

По ночам в его палате
До утра сестра дежурит:
Даст воды,
Постель поправит,
Ну а он все брови хмурит...

И консилиум созвали
Для него,
На всякий случай,—
Хоть идет к поправке дело,
Но ему ничуть не лучше.

Невозможно докопаться,
Доискаться —
В чем причина?
Все признать уже готовы,
Что бессильна медицина.

Только сам больной внезапно
Угадал порой ночною,
Что не раны и болезни,
А... сестра всему виною.

Торопливая, подходит,
Хоть и зла ему не хочет,

Поглядит —
И дрогнет сердце,
Ртуть в термометре подскочит.

Эх, врачи, в подобном деле
Все искусство ваше зыбко —
Не нужны ему лекарства,
А нужна ее улыбка!

1955

ХАМЕЛЕОН

Его улыбка неуловима,
Ему в глаза заглянуть нельзя —
Взирает он не на вас, а мимо,
Надменным взглядом едва скользя.

Отменно вежлив — не упрекнете,
Официально холодноват.
К нему войдете —
«Вы по работе?»—
Сухие губы проговорят.

Но что случилось? —
Раскинув руки,
Идет навстречу вам от стола.
В радушном взгляде ни тени скуки,
Улыбка радостно-весела.

Он спросит:
Были ли на футболе,
И о здоровье детей, жены.
Хоть вы с ним съели три пуда соли,
Вы бесконечно удивлены:

В чем подоплека преображенья? —
В том, что пред вами Хамелеон —
Про ваше новое назначенье
Сегодня утром прослышал он.

1950

СТАРИК

Утолив водой студеной жажду,
Подставляя лица ветерку,
В жаркий полдень юноши однажды
Говорили в поле старику:

— Сто годов тебе уже от роду,
Голова, как облако, седа.

И неловко нам, что носишь воду
Ты с хребта высокого сюда.

Сам себя ты сделал водоносом,
Но поверь, легко любой из нас
По тропе поднимется к утесам
И с водой вернется через час.

И старик ответил им на это,
К дальним кряжам обратив свой лик:
— За скалой, что в старину воспета,
Есть с водой серебряной родник.

Поднимаясь утром к небосводу,
Где касатки кружатся, звеня,
Из того источника я воду
Пью — и старость не берет меня.

А быть может, не слабеет тело
И душа не знается с тоской
Оттого, что не сижу без дела
И не удаляюсь на покой.

В полдень воду приношу сюда я,
Не беда, что в инее виски,
Голова Ерцаху вся седая,
А посмотришь на плечи — крепки.

1956

НА СУД ТОВАРИЩЕЙ

Смешной малыш, едва лишь смог в селе я
Сам доползти от люльки до дверей,
Как сто надежд, одна другой светлее,
Родились в сердце матери моей.

Она меня под синим небосводом,
Где по ущелью мчится ручеек,
То сравнивала с утренним восходом,
То с месяцем, что ясен и высок.

Но вскоре мать навек закрыла очи,
И положили в гроб ее простой.
Вздыхали люди: — Мал еще сыночек...
Вздыхали, называли сиротой.

Пора дождей в горах сменила вёдро,
Потом зима вершины замела.
Я рос без материнского присмотра,
Без материнской ласки и тепла.

Но я былинкой не клонился долу,
И помню — на заре, по холодку,
Не по миру отправился,
А в школу —
С матерчатою сумкой на боку.

И, будучи мальчишкой восьми летним,
Умел любого оседлать коня.
И день за днем, все дальше, все заметней
Сиротство уходило от меня.

Мир предо мной распахивался шире!
Четыре класса за спиной стоят.
И взял я курс на город Очемчира:
Вблизи него открыли интернат.

Вдоль моря шла зеленая дорога.
Но что такое значит — интернат?
Казенно, неприветливо и строго
Звучало это слово для ребят...

Но вот живу уже я в интернате.
Никто не попрекнет ржаным куском.
И не на сене сплю, а на кровати,
Хожу в ботинках, а не босиком.

Сестрой мне стала девочка чужая,
Чужой мальчишка — братом стал моим.
Одна семья, единая, большая...
И мы свой дом зовем гнездом родным.

* * *

Вошло у сердца моего в привычку
(Тому, знать, возраст нынешний виной),
Как на поверке делать перекличку
Товарищам, учившимся со мной.

Мы некогда от тихого причала
Навстречу бурям вышли в полный рост,
Нас связывали письма поначалу,
Как берега соединяет мост.

Где вы теперь, друзья мои по школе?
Одни не пишут — видно, недосуг,
Другие мир покинули, и боле
Мы их не встретим, не пожмем их рук.

Они победу оплатили кровью,
И, как велит обычай старины,
Я пил не раз за вечное здоровье
Друзей, не возвратившихся с войны.

Чтоб не нарушить сна их шумным словом
Иль звонко отозвавшимся стеклом,
Не чокаясь, в молчании суровом,
Пьют этот тост за праздничным столом.

Мы не привыкнем никогда к потерям,
Я в смерть друзей поверить не могу.
Все кажется: еще открою дверь им
И рядом с ними сяду к очагу.

Вот смотрит друг с портрета небольшого:
Улыбкою глаза озарены,
Не заслонит лица его живого
Письмо о смерти, что пришло с войны.

Он, не сдаваясь времени на милость,
Навек остался парнем молодым,
Его лицо ничуть не изменилось,
А я живой и становлюсь седым.

Как страшно мне, что он, мой друг заветный,
Не постарел за десять с лишним лет,
Как больно мне, что рамкою портретной
Он огражден от радостей и бед...

Нам по горам шататься б до рассвета,
Охотиться, тревожа старый лес,
Глядеть на небеса морского цвета
И видеть в море глубину небес.

Знать слабости друг друга и привычки,
Сердито спорить, в чем-то не сойдясь,
И тут же от одной и той же спички
Прикуривать, от ветра заслонясь.

Знакомых бухт распахнуты объятья,
По расписанью ходят поезда.
Ужели мы не встретимся, как братья?
Ужели буду думать и писать я
О нем в прошедшем времени всегда?

Мечтать о встрече, может быть, нелепо,
Был друг солдатом и погиб в бою,
Но черной лентой траурного крепа
Его портрета я не обовью.

* * *

Мы с другом честно разделить готовы
Свой хлеб и славу, порох и ночлег.
Не крепок дом без каменной основы,

И без друзей не крепок человек.

Но без друзей — как деревце в пустыне,
Ему весны не радостей приход.
Боясь глядеть в лицо небесной сини,
Он больше существует, чем живет.

Товарищей отзывчивых и смелых
Я приобрел на свете не вчера.
Вы были или не были в Ткварчелах?
Там уголь выдается на-гора!

Но из него возникнуть даже горстка
Пылающего жара не могла б,
Когда б мой друг в тяжелый труд шахтерский
Не вкладывал сердечного тепла.

А тот, что поселился на Урале,
Встал у мартена с бронзовым лицом,
Он варит сталь. Ему для этой стали
Характер личный служит образцом.

Всегда друзьями мы гордиться будем.
Мой третий друг в больницу едет вновь.
И нож хирурга жизнь спасает людям
И в ранах останавливает кровь.

Четвертый друг учительствует где-то,
Чтоб передать своим ученикам
То лучшее, что в нас достойно света,
Что пригодится будущим векам.

У пятого полковничьи погоны,
И по тревоге, как велит устав,
Всегда готов поднять он батальоны
Вблизи родных недремлющих застав.

Мои друзья узнали сотни тягот,
Но все же в жизни счастлив их удел,
И всех друзей не навестить мне за год,
Хоть повидать их очень бы хотел.

Я много раз брал крутизну подъема,
Встречал в походе дымную зарю,
Мне чувство локтя издавна знакомо,
И юноше я нынче говорю:

— Махнув рукою отчему порогу,
Ты, покидая надолго его,
Большой поклажи не бери в дорогу,
А друга захвати, хоть одного.

* * *

Мы сыновья великого народа,
Но горько нам, что силу сохранив,
Пословица: «В семье не без урода» —
Еще сдана не может быть в архив.

Нам с детских лет в одних и тех же школах
Давалось воспитание одно,
Одни и те же в городах и селах
Картины волновали нас в кино.

В степных долинах и меж скал отвесных
Кормила хлебом нас одна земля.
И широко (порою в классах тесных)
Учили мыслить нас учителя.

Привить старались с первого урока
Они такую к родине любовь,
Чтоб был готов без страха и упрека
Любой из нас пролить в сраженьях кровь.

И, презирая всяческую пресность,
Придерживались мненья одного,
Что посохом поступка служит честность,
Что нет опоры крепче для него.

И, приближая лет грядущих дальность,
Учили нас с мальчишеских годов
Любую уважать национальность
В единстве дел, и помыслов, и слов.

Считаясь дерзновенным поколеньем,
Прошедшие горнило трудных дней,
Мы все почти, за малым исключеньем,
Не подвели своих учителей.

Нам воспитанье правильное дали,
Откуда же берутся, черт возьми,
Еще такие люди, что не стали
Поныне настоящими людьми?

Они как ржа! Железо не напрасно
От ржавчины спасает человек,
Их в коммунизм не пустят — это ясно,
Им до социализма целый век.

* * *

Случилось мне проездом в это лето

Побыть часок на станции одной,
Где встретил я за стойкою буфета
Ровесника. Учился он со мной.
Я помню, что с дипломом педагога
Его в село направили, но тут
Он молвил громко:
— Ва, побойтесь бога!
Я по ошибке кончил институт!

Нельзя ль послать кого-нибудь другого,
Чья тянется к науке голова? —
Как будто архалука дорогого,
Халата засучил он рукава.

Он растолстел, стал выглядеть дородней,
И не беда, что пот течет с лица,—
Чем пенистее пиво, тем доходней
Идут дела весь день у продавца.
На этой пене, деловой мужчина,
Вполне довольный собственной судьбой,
Из кирпича построил он домину
С окошками, покрытыми резьбой.

Звал в гости он, кивая на когорту
Бутылок, что стояла в три ряда,
А мне ему хотелось двинуть в морду,
Чтоб эту встречу помнил он всегда.

* * *

Дождавшись пассажирского состава,
Я отдал проводнице свой билет.
Шел поезд в гору. От меня направо
Сидел в купе мужчина средних лет.

Он повернул лицо вполоборота
К соседке, что вязала у окна,
Не торопясь в сердцах ругал кого-то,
И разделяла гнев его она.

И понял я, сидящий с ними рядом,—
Мужчина этот речь ведет о том,
Что в их райцентре ведает продскладом
Не кто-нибудь, а штатный агроном.

— Сад высадил. Живет в большом достатке,
Не вытянешь в поля и тягачом.
Там с кукурузой были неполадки,
А он спокоен: я, мол, ни при чем.

Понятно, с неба не срывает звезды,

Зато, клянусь, родился тамадой,
На всех пирушках поднимает тосты
И прозван был «коньячною звездой».

И хоть в продскладе не пылает печка,
Но для пьянчуги, я бы вам сказал,
Теплее нет, наверное, местечка,
Чем этот не пустующий подвал.

И, отложив вязанье на минуту,
Тут спутница сказала: — Экий вор! —
Мне вспомнился буфетчик почему-то.
(Им все-таки займется прокурор!)

* * *

Постукивали быстрые колеса,
И за окном, как будто бы в кино,
Мы видели то горные утесы,
То поле с облаками заодно.

То чай, как стихотворные страницы,
Вдали ровнял ряды зеленых строк...
А женщина опять взялась за спицы,
Слегка за нитку потянув клубок.

И, в разговор вступая осторожно,
Промолвила: — Одно я вам скажу —
На жулика найти управу можно,
Трудней найти управу на ханжу.

В его словах полно словечек дутых,
Душа черства, как высохший чурек.
Есть у меня подруга в Гудауте,
Муж у нее известный человек.

Добрей барашка он в часы работы,
Но под вечер, лишь ступит на крыльцо,
Как с добротой сведет немедля счеты,
В нем деспота домашнего лицо.

Супруга в три погибели согнется,
С него у двери стащит сапоги,
И детский смех мгновенно оборвется,
И стихнут, как на кладбище, шаги.

В его поступках ханжества приметы
Порою очень явственно видны:
Он может пить за женщин всей планеты,
Не допустив к столу своей жены.

Он на собранье не без возмущенья
Готов того, кто изменил жене,
Казнить за бытовое разложенье,
А сам всю жизнь грешит на стороне.

Вдали мелькнули домики поселка,
И машинист протяжный дал гудок.
Вздохнув о чем-то, женщина умолкла,
Слегка за нитку потянув клубок.

И не тая сочувствия простого,
Сказал сосед мой, обратившись к ней:
— Подруге вашей бросить бы такого! —
— Не так-то просто. Четверо детей.

Туннель минули. Показалось море,
Зеленоватый излучая свет.
И женщина простилась с нами вскоре,
Потом сошел мужчина средних лет.

* * *

Так повелось уже, что в наше время,
Легко усвоив формулу одну,
На пережитки, чувствуя их бремя,
За все пороки валим мы вину.

На этот счет не стану я вопросов
Философу сегодня задавать,
А то боюсь — начнет в меня философ
Тяжелыми цитатами стрелять.

Их у него припасено с избытком,
Все правильно, не скажешь ничего.
Он назовет бездушье пережитком,
Но разве людям легче от того!

Мне горько, друг, что при советской власти
Еще порой бросают якоря
Былые нравы и чужие страсти
В сердца рожденных после Октября.

И бюрократ, присев поближе к свету,
Чтоб выяснить твою земную суть,
Глядит в твой паспорт, на твою анкету,
Но не желает в душу заглянуть.

Свое понятье у него о дружбе,
И всех людей, от старцев до девиц,
Он делит на влиятельных по службе
И, так сказать, на подчиненных лиц.

Берут льстецы такого в окруженье,
И на постах высоких и больших
В его устах одно местоименье
Звучит гораздо чаще остальных.

Он на него во время разговора
Всегда заметный делает упор:
«Мой институт», «мой главк», «моя контора»,
«Мой секретарь», «мой доктор», «мой шофер».
Выписывает «Правду» неуклонно,
Но не читает в ней передовых
И каждого боится фельетона:
Бывают неприятности от них.

Хотел бы он, перестраховщик строгий,
Любым путем, но поспокойней жить,
Сильнейшую из всех идеологий
В подсобное хозяйство превратить.

Чтоб из нее он мог бы в дни иные —
Ну, скажем, под седьмое ноября —
Взять для доклада мысли боевые
Руками своего секретаря...

Так повелось уже, что в наше время,
Легко запомнив формулу одну,
На пережитки, чувствуя их бремя,
За все пороки валим мы вину.

Но я хочу и пожилым и юным
Напомнить, чтоб не забывали впредь:
Товарищи, все то, что не к лицу нам,
Само собой не может отмереть.

Чтоб дикое, преступное, дурное
С дороги нашей было сметено,
Пусть нас сплотит непримиримость боя,
Быть в стороне — сердцам запрещено.

Состав на мост вошел за светофором.
И думал я, волнуясь, как юнец:
«Есть пережитки темные, которым
Давно пора бы положить конец.

Тот рос в нужде, а нынче глянешь — барство
К нему и в душу заползло и в дом.
Но я бы в интересах государства
Судил таких общественным судом:

Пусть школьные друзья, как прокуроры,
Придут на суд, и с ними наравне
Не сводят с обвиняемого взора

Те парни, что погибли на войне».

1954

Сандро Сангулиа
(Родился в 1911 году)

ДРУГУ-ЛЕТЧИКУ
Помнишь, малышами по горам
Мы с тобой бродили по утрам,
Помнишь, как за стадом по холмам
И по влажным бегали лугам?

Любо было с ветром наравне
Взапуски скакать тебе и мне.
Вместе мы у Ломы (1) на спине
Пели песни в горной тишине.

Нищ и темен был отцовский дом.
Знанье? Где там! Кто мечтал о нем?!
Но блеснул Октябрь живым лучом —
Стало жить светлей в краю родном.

Осушил Октябрь потоки слез,
Знанье нам с тобой Октябрь принес,
Для отцов родимый дом — колхоз,
Урожай богат, хорош покос.

Старый друг мой, ты теперь пилот,
Высоко парит твой самолет.
Я — поэт, парю я в свой черед:
Воспеваю в песнях наш народ.

Видел я вчера тебя, мой друг,
Праздник ликовал, шумел вокруг,
От земли ты оторвался вдруг,—
Ох, ловчее не видал я рук!

Самолет, взлетев под облака,
Ринулся к земле издалека,
Но на полпути твоя рука
Снова подняла его, крепка.

Ты как на коне джигитовал,
Дикой кошкой самолет играл,
Верной ты рукой сжимал штурвал.
Хорошо, товарищ, ты летал.

Пусть дорога каждому своя,
Оба мы отчизны сыновья.
Будем охранять свои края,
Ты — оружием и песней — я.

---
1 Лома — кличка буйвола.

1939

РОДИНА

Дороже родины нет в мире ничего,
Хочу лишь ей одной отдать себя всего.
Ты колыбелью мне, любимая, была;
Хочу лишь одного: чтоб вечно ты цвела!

Завянут, опадут холодные слова,
И только жар души вовеки не умрет.
Я песне кровь отдам, чтоб стала песнь жива,
Не то бессильною сочтет ее народ.

Звени же, кровь моя, пой родину мою,
Звени сильней о том, что в сердце я таю,
Чтоб за морем, в чужом, неведомом краю
Услышал человек, как я свой край пою.

1940

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЧЕРНОЕ МОРЕ

На берег волны твои набегают,
Пена шумит, как вино амачар,
Брызги твои серебром отливают,
Но отступаешь ты, грозно ворча.

Часто сердитое — стихнешь порою,
Словно качаешь ребенка в ночи...
Вдруг приподымутся волны горою,
Станут швырять корабли, как мячи.

Море, бушуешь ты вольною силой!
Сердцу поэта твой нрав по нутру,
Любо и чайке скользнуть белокрылой
По серебру твоему на ветру.

Вижу, как в землях далекого юга
Враг подбирается к синим волнам,
Ишь подоткнул свои полы, зверюга,
Хочет проникнуть с оружием к нам.

Пусть он попробует двинуться в море
Встретим его на соленом просторе;
Если нырнет он, себе же на горе,—
Черной пучиной поглотится вскоре.

Море, бушуешь ты вольною силой.
Любит тебя наш свободный народ.
Пенься, играй синевою красивой.
Кто нас попробует тронуть — умрет.

1940

* * *

Месяц выплыл легко из-за туч,
И восток осветился зарею,
Белоснежных хребтов и круч
Очертания предо мною.

Вот ракеты вдали поднялись,
Как стеклянные чаши разбились,
На секунду огнями зажглись
И навеки за тучами скрылись.

Я иду по немецкой земле,
По угрюмым немецким селеньям,
И твой образ сияет во мгле,
Как сияет звезда в отдаленье.

Я увидел родные глаза
За густою ночной пеленою.
Свою рану я перевязал
Тем платком, что подарен тобою.

Ты одна, я в далеком пути,
Новый год я с тобой не встречаю.
Назира! Не тоскуй, не грусти,
Не ревнуй ни к Днепру, ни к Дунаю.

Назира! Не тоскуй, не грусти,
Не тумань свои очи слезою,
Верь, что радость нас ждет впереди.
Что вернусь я победной тропою.

1944

НОЧЬ В САДУ

Вот луна поднялась из-за горного кряжа—
Уплывающий, тающий шар золотой.
Облаков поределых дырявая пряжа
Временами над горной висит высотой.

Звезды робко трепещут вкруг лунного диска —
Драгоценный, несчетный, сверкающий рой.
Наше небо сейчас невесомо и близко,

Словно сказочный полог над снежной горой.

Я по саду иду, и листва серебрится.
Прихотливо топорщится тень у куста.
С ближней ветки тревожно срывается птица,
И в безмолвном саду тишина разлита.

Мой Сухуми раскинулся как на ладони.
Серебрится, сияет, безмолвствует сад.
Волны в пене жемчужной, как быстрые кони,
Налетят на гранит — и отпрянут назад.

Так сияет луна, проплывая над садом,
Так блестит и сверкает роса на пути,
Звезды светят таким немигающим взглядом,
Что легко на тропинке иголку найти.

1946

ОХОТНИК

Уже склонилось к западу светило.
С ним сумерки вступили в краткий спор.
Оно прощальным светом золотило
Лиловую гряду отвесных гор.

Вверху ледник сверкал зеркальным глянцем.
Внизу — потока горного обвал
Гремел, и отливал густым багрянцем,
И пенился, и грозно бушевал.

Неспешно догорал закат в лазури.
Взбирался тур по склону ледника.
Румяный луч играл на гладкой шкуре
И золотил упругие бока.

Рога закинув, тур скачком араша
Взлетел на крутизну, потом исчез...
По горным кручам с острой алабашей
Охотник шел ему наперерез.

Он шел вперед, вбивая для опоры
Свой посох верный в твердую скалу.
Охотник изучил родные горы
Подобно быстрокрылому орлу.

Он выстрелил... Шестнадцатый по счету,
С отвесной кручи рухнул тур стремглав.
...Ледник померк, утратив позолоту,
И солнце закатилось, отпылав.

1947

В ПОЛЕ

Свет зари отражается в каждом сияющем взоре,
И роса на свету драгоценным сияет огнем.
Наше чайное поле похоже на шумное море;
И зеленые листья, как волны, бушуют на нем.

На заботу о нас мы делами всегда отвечаем;
Поработав на славу, мы снимем большой урожай,
Чтоб сограждан своих напоить замечательным чаем,—
Уважай свое слово и темпов труда не снижай!

Как абхазский табак опьяняет своим ароматом!
Он и тонок, и сладок, и нежен, и светел, как мед.
Знатоков табака урожаем утешим богатым,—
Больше нашей бригады с гектара никто не возьмет.

Кукурузный початок у нас, как всегда, полновесен,
А стволы кукурузы крепки и стройны, как ольха!..
Эта тема земная достойна восторженных песен
И от сердца идущего, полного силы стиха.

1947

МОРЕ

Весь в брызгах соленых стою на твоем берегу.
На миг ты отпрянешь и снова несешься навстречу,
Как лев свирепея, меняя тона на бегу...
Но чем я на блеск и на всплеск твой веселый отвечу?

Незримый огонь постоянно горит под тобой.
Ты плещешь и пенишься, неугомонное море,
Качаешь звезду, отражаешь простор голубой,
С упрямой землей в постоянном соседстве и споре.

Плывут корабли и тревожат могучую грудь.
Баюкай суда в необъятной своей колыбели.
Рыбачьи баркасы идут в неизведанный путь,
Как легкие чайки, что с отмели дальней взлетели.

Бои отшумели, и снова царит тишина
В просторах родного веселого южного моря.
В горах и равнинах героев гремят имена,
Чьей доблестью край мой навеки избавлен от горя.

Весь в брызгах соленых стою на твоем берегу.
На миг ты отпрянешь и снова несешься навстречу,
Как лев свирепея, меняя тона на бегу...
Я песней короткой на всплеск твой веселый отвечу.

1948

КОДОР

Закипая в яростном задоре,
Словно конь, грызущий удила,
Бьется о скалу волна Кодора,
И дрожит могучая скала.

Русла прихотливого изгибы
Он в разлив меняет, и со дна
Вековые каменные глыбы
Подымает пенная волна.

Плодоносный ил несут в долины
Шалые потоки мутных вод.
Мчит Кодор мой сосны-исполины
К лесопилке звонкой круглый год;

С гор приносит воду снеговую,
Хоть земля суха и горяча,
И, рождая молнию живую,
Зажигает лампу Ильича.

1948

ГЕРАЧСКИЙ ИСТОЧНИК

Наполни деревянный ахмачир!..(1)
Струя по камню звонко зажурчала.
Веселый ключ, стремясь увидеть мир,
Из-под скалы берет свое начало.

Извилистой тропой мы шли сюда.
Синели небеса над горным кряжем.
Нас освежит холодная вода,
У родника мы отдохнуть приляжем.

По камню ключ бежит в густой тени.
Шатаясь от усталости, как пьяный,
Ты воду ключевую зачерпни
И жадно пей из кружки деревянной.

...Но осушить свой ахмачир до дна
Никто из нас не оказался в силах:
Вода неумолимо холодна —
Так холодна, что кровь застынет в жилах!

---

1 Ахмачир — кружка.

1948

ПЕСНЯ О СУХУМИ
Твой голос подобен струе родниковой,
И я без конца его слушать готов.
Ты в небе сияешь горой ледниковой,
Ты заткан шелками несчетных цветов.

Ты строишься с прежним упорством и волей
В щебенке, в мелу, в известковой пыли.
Дома поднимаются выше магнолий,
Все чаще в Сухуми идут корабли.

Сияют далекие горные выси,
К причалу плавучий приблизился док,
Летят поезда из Москвы и Тбилиси,
Им вторит знакомый фабричный гудок.

Мне кажется, ты молодеешь с годами,
Ты дышишь легко и в полуденный зной,
Чудесными отягощенный плодами,
Омытый живой черноморской волной.

Веселое море раскинулось рядом,
Пленительна дальних вершин белизна.
Ты стал жизнерадостным городом-садом,
И песня твоя на Ерцаху слышна.

1948

Чичико Джонуа
(Родился в 1915 году)

АЧАМГУР
Звенит ачамгур, как поток,
И снова я тих и печален.
Слова: «Береги мой цветок!» —
В напеве струны зазвучали.

Мне вспомнилась горная высь
И толпы народа в низине.
Был праздник, и песни лились,
Летели к заоблачной сини.

Шел с другом я, а под горой
Озерная гладь зеленела,
Под девичьей легкой рукой
Струна ачамгура звенела.

Мы слушали песнь не дыша,
Внимали ей серые скалы,

И молча молила душа,
Чтоб музыка не умолкала.

Но вдруг замолчала струна,
И девушка встала проворно,
Цветы собирая, она
Брела по лужайке нагорной.

Мелькнул ее белый платок.
Я вижу: она на утесе.
Кричит: «Береги мой цветок!»
И, дар свой мне под ноги бросив,

Бегом — по тропе напрямик,
Как серна, легка, горделива.
Но вдруг оступилась... и вмиг
Упала, сорвавшись с обрыва.

И пена озерной волны
Накрыла разбитое тело,
И чудилось — из глубины:
«Храни мой цветок!» — долетело.

Холодный подул ветерок,
И струны дрожа зазвучали.
«Вовеки храни мой цветок!» —
Я слышал в глубокой печали.

Порою я с другом моим
Встречаюсь над озером горным,
Мы молча на круче стоим,
И чудится крик до сих пор нам.

Струна зазвенит, как поток,
И снова я тих и печален.
Слова: «Береги мой цветок!» —
Я слышу, опять зазвучали.

1941

ПЕСНЯ РАНЕНИЯ

Разбуди меня рано-рано,
В час, когда запоет соловей.
Эта песня мне вылечит рану.
Разбуди же меня! Не жалей!
Разбуди! Так хочу я проснуться,
Когда тело бессильно во сне.
Пусть лица твои косы коснутся.
Отогрей! Сядь поближе ко мне!..
Разбуди ты меня на рассвете,
Я услышать хочу соловья.

Даже если усну я навеки,
Разбуди, дорогая моя!

1943

ОТВЕТ

Я письмо твое читала,
Вслух читала всей родне.
Мама плакала сначала,
А потом сказала мне:

«Я б хотела в трудном марше,
В битве сыну помогать!..»
Если б знал ты, брат мой старший,
Как страдает наша мать!..

А отец сказал: «Будь смелым!
Тот, кто трусит,— не солдат.
Бейся, сын, за наше дело,
Будь в бою героем, дад!

Помни, сын, удел высокий —
Смерть геройская в бою,
Нет, не должен враг жестокий
Полонить страну твою!»

Я письмо твое читала,
И казалось мне, родной,
Что сильней и выше стала,
Что вернулся ты домой.

Ты не смейся... Ведь порою
Я тебя к обеду жду
И, бывает,— стол накрою,
Миску лишнюю кладу.

Я учусь прилежно в школе,
Чтобы ты, придя домой,
Был своей сестрой доволен,
Чтоб гордиться мог сестрой.

Так хочу я, милый брат мой,
Чтобы ты остался жив,
Чтоб с войны пришел обратно,
Всех фашистов победив.

1944

ЭШЕРСКИЙ ТАБАК

По степи гуляло пламя,

И дрожал степной простор,
Как баркас рыбачий в шторм.
Враг скрывался за холмами,
Мины рвали косогор.

Кто-то взял меня за локоть.
Поглядел я — наш солдат.
«Табачок возьми-ка, брат!
Из Абхазии далекой...
Самый лучший, говорят».

Да, сухумский! Что за чудо —
Табачок любимый мой!
Город вспомнился родной.
Где бы ни был я, повсюду
Этот город предо мной.

Там я рос, там юность прожил,
Там друзья минувших лет.
Этот маленький пакет
Мне любых даров дороже,
Он — как родины привет.

Я, куря табак, всем сердцем
Край родной благодарил.
Вспомнил я далекий тыл,
Где растят табак эшерцы.
Как мне их подарок мил!

Вся земля вокруг дрожала,
Как в жестокий шторм ладья,
И, цигаркою дымя,
Я сразил врагов немало
В вашу честь, мои друзья!

1945

МАТЬ

Мне этот дом давно знаком,
И вот опять пришел сюда я.
Здесь жил мой друг. Над очагом
Склонилась женщина седая.
Огонь пылает, а она
Сидит одна, тиха, грустна.

— Мать, здравствуй! — Смотрит, узнает.
«С приездом, нан(1). Вернулся? Выжил?
Тебя мы ждем четвертый год.
Скинь бурку! Сядь к огню поближе!»
Старушка обняла меня,
И сел я молча у огня.

«Так рада я тебе, сынок,
Как будто прямо в рай попала, —
Ведь без тебя и дня не мог
Прожить мой Хаджгуат. Бывало,
Вина в компании не пил,
Покуда ты не приходил...

О, сколько пало в дни войны!
В каком дому не знали горя?
И вы — Абхазии сыны,
Покинув берега Кодори,
С врагами встретились в бою,
Спасая родину свою.

Не вместе уходили в бой
И возвращаетесь не вместе,
Вернутся, может быть, домой
Те, о которых нет известий.
Их матери не плачут — ждут,
Что сыновья домой придут.

И мой вернется в отчий дом,
Где родился, где рос, счастливый,
Где мать живет в тоске по нем,
Где старый двор порос крапивой,
Где без него разросся сад,
Посаженный пять лет назад.

Седельце сына я храню,
Все чищу, пыль с него стираю,
Я корм даю его коню,
Взгляни — пасется у сарая.
Тоскует конь, все время ржет,
Хозяина, должно быть, ждет.

Вся жизнь моя прошла в труде,
А все тружусь по мере силы.
Мой сын, мой мальчик! Где ты? Где?
Пока жива, вернись, мой милый!
Ну, кто не тянется домой?
Вернись же к матери, родной!»

Она умолкла. Смотрит вдаль.
Лицо усталое сурово.
Видать, ее гнетет печаль.
Молчит старушка, я — ни слова.
Ей нелегко, и я притих:
Мы знали, сына нет в живых.

1945

НОЧЬ В ЧЛОУ

Еще не скоро быть заре,
А мне уже не спится.
Я вышел. Тихо на дворе,
Деревья спят и птицы.

Луною даль озарена,
В долинах сумрак синий,
Шумит речная быстрина —
Дуаб течет в низине.

Мерцают снежные хребты.
Ну что за ночь — как в сказке!
Сиянье льется с высоты
На мирный край абхазский.

Как зачарованный стою.
Луна плывет все выше.
Что так волнует кровь мою?
Чей зов далекий слышу?

Гляжу я — никого кругом,
Тьма все заполонила.
Там, над мерцающим хребтом,
Я вижу два светила.

Две точки в пустоте висят,
Две звездочки небесных.
Они, как много лет назад,
В ночных сияют безднах.

Горели, помнится, они,
Когда я был с тобою.
Я говорил тебе: «Взгляни,
Их две, нас тоже двое...»

Теперь тебя со мною нет,
Храню я только имя.
Мы не видались много лет
И встретимся чужими.

Когда с войны вернулся я,
Узнал я ненароком,
Что ты живешь, любовь моя,
В селении далеком.

Ты спишь?.. Быть может, в вышине
Твой взгляд бессонный встретив,
Тебе сегодня обо мне
Напомнят звезды эти.

1945

ТАНЦОР

Птицей вылетел на сцену,—
Я едва заметить мог,
Как упал он на колено,
Распрямился — и мгновенно
Завертелся, как волчок.

Слышу я мотив абхазский,
А танцора не узнал,
Пулей он мелькает в пляске,
Блещет молнией кинжал.

Танец кончился задорный,
Вижу — предо мной стоит
Юноша в черкеске черной,
Он стройнее лани горной,
Счастьем взор его горит.

Миг — и нет его на сцене,—
Пред восторженной толпой
Промелькнул он легкой тенью
Сын абхазского селенья,
Мастер пляски огневой.

1947

ДВОР КОЛХОЗНИКА

Построен крепко дом абхазца.
В лучах зари по вечерам
Блестит стекло оконных рам,
И рядом приютилась пацха,
И сизый дым ползет к горам
По вечерам, по вечерам.

Стоят фруктовые деревья,
Плоды цепляются к плодам.
Возносят к небу фимиам
Цветы на солнечном нагреве,
Покачиваясь тут и там,
По вечерам, по вечерам.

Сарай стоит за домом Чагу
И погреб и конюшня там,—
Все это Чагу строил сам.
У дома ходят важным шагом
Цесарки, поднимая гам,
По вечерам, по вечерам.

Конь бьет копытами и гриву
Свою вручает всем ветрам.
Трава колышется, к камням
Ограды ластится игриво.
Отдаться любо здесь мечтам
По вечерам, по вечерам.

В лучах зари вечерней греясь,
Бредут коровы по полям.
Лоснится кожа по бокам,
И, жвачкой заняты своею,
Они спешат к родным дворам
По вечерам, по вечерам.

Очаг горит под мирным кровом.
Котел с водой подвешен там.
Готовят ужин. Чагу сам
Спешит с подойником к коровам,
Стоящим по своим углам,
По вечерам, по вечерам.

Он — честный труженик колхоза,
Богатство льнет к его рукам.
Блестит стекло оконных рам,
За ними — девушка, как роза,
Змеятся косы по плечам
По вечерам, по вечерам.

1949

ОСЕНЬ

Дружнее работа осенней рассветной порой,
И дышится легче, и песни звучат задушевней,
Веселое солнце блеснуло за синей горой.
Народ просыпается рано в колхозной деревне.

Тяжелые гроздья к земле пригибают лозу.
Проворные осы жужжат у корзин винограда.
Арба заскрипела на узкой тропинке внизу,
И смуглый колхозник увозит корзины из сада.

Растет кукуруза на фоне густой синевы,
Ядреные зерна ее маслянисты и сладки.
Кто вяжет снопы кукурузной высокой ботвы,
Кто горкой укладывает золотые початки...

На скатах деревья рядами стоят, посмотри!
Тугой апельсин отливает оранжевым лоском.
Висит мандарин, как фонарик, светясь изнутри,
И жесткие листья блестят, как натертые воском.

С ружьем за плечами проходит суровый пастух.
Подхваченный эхом, доносится рев буйволиный.
Коровы мычат, отгоняя назойливых мух,
И овцы толпятся на склоне покатой долины.

Под липой косматую бурку свою расстелив,
Уселся пастух. В тишине зазвенела апхярца.
И голос певца и знакомый протяжный мотив
Находят свой отклик в душе молодого и старца.

Виляя хвостом, учащенно и жарко дыша,
У ног пастуха на траве отдыхает овчарка.
...Взгляни, как деревня на склоне горы хороша,
Как солнце над нею горит ослепительно ярко!

Тяжелыми злаками обременяя поля,
Плодами душистыми ветки в садах нагружая,
Колхозная осень проходит, сердца веселя,
Скликая гостей на торжественный пир урожая.

1949

ВЕЧЕР У МОРЯ

Каждый день, закончив труд,
Те, кем город наш отстроен,
К морю вечером идут
Жаркой летнею порою.

Чист вечерний небосклон,
Свежий ветер гладит пряди,
Весь Сухуми отражен
На морской прибрежной глади.

Городских огней лучи,
Как осколки солнца, ярки,
Слышно, музыка звучит,
Молодежь танцует в парке.

Вдоль прямых аллей идем,
Каждый куст посажен нами,
Каждый новый светлый дом
Создан нашими руками.

Каждый встречный нам знаком,
Здесь мы все не раз бывали,
Здесь делились табаком,
Песни пели, танцевали.

Много вложено труда,
Строить нам еще немало,
Чтоб Сухуми рос всегда,

Чтоб еще прекрасней стал он.

День прошел, закончен труд,
И с лесов сухумских строек
Люди отдыхать идут
Жаркой летнею порою.

1949

ЛИВЕНЬ

Густая наползает мгла,
Свистя, пронесся шквал летучий,
Сверкнула молнии стрела,
И с громом раскололись тучи.

За залпом залп гремит вдали,
Стихая, снова возникая,
Всё облака заволокли,
Плывет в долины мгла густая.

Совсем вечерняя пора —
Все гуще сумрак, все темнее.
Вдруг хлынуло как из ведра,
Сплелись потоки, словно змеи.

Но гул грозы вдали затих,
Как хлопья пуха мчатся тучи,
И нет потоков дождевых,
Лишь ручейки стекают с кручи.

Померкли радуги цвета,
На травах росы засверкали,
И растворилась духота,
И все свободней дышат дали.

Хлеба колышутся кругом,
Покой повсюду и прохлада,
Напился влаги чернозем,
Колосья пьют — и люди рады.

1949

В ДОРОГЕ

Я еду с отдыхающими вместе,
Из Гагры путь лежит до Гудаут.
Задумчиво внимаю русской песне,
Которую попутчики поют.

Передо мной встает сама Россия,
Войною опаленные поля,

Огонь пожаров, схватки боевые
И кровью обагренная земля.

Прошли года, прошли века! А ныне
Я слышу в песнях гул былых побед,
Я вижу: города растут в пустыне,
Я, словно солнцем, радостью согрет.

Как никогда, меня пьянит дорога,
Мне вспомнился отцовский старый дом,
Где с братьями сидел я у порога,
Где над рекою бегал босиком.

Смеркалось — плыли песни над долиной,
Их слушая, мечтал о чем-то я,
Как эта девушка с косою длинной —
Безмолвная попутчица моя.

Навстречу нам — абхазские селенья,
Внизу шумит прибрежная волна.
Напев абхазский слышу в отдаленье,
И радостью душа окрылена.

Вокруг лежит земля, где столько солнца,
Где слышен вечный шум морской волны.
Лети, машина! Едут в ней питомцы
Советской необъятной стороны.

Мелькают справа чайные посевы,
Пестрят косынки сборщиц меж кустов.
Сады густые замелькали слева,
Тугие ветви гнутся от плодов.

Я улыбаясь говорю соседям:
«Абхазский край радушьем знаменит.
Хотите? — мы сейчас в село заедем,
Нас примут, как обычай наш велит».

Мы едем в Гудауту, а над нами
Звучит напев, и весела душа.
Я встретился со спутницей глазами,
И мчатся наши думы над полями...
Машина, что ж ты едешь не спеша?

1953

ВЕРНОСТЬ

Был друг у меня — и не стало,
В бою он сражен наповал.
Солдату рыдать не пристало,
Но слез я тогда не сдержал.

На круче у синего Дона
Был друг мой бойцами зарыт,
Над холмиком ветер студеный
Завыл, словно плача, навзрыд.

Своей кареглазой невесте
Уже не напишет солдат,
Она, не имея известий,
Ждала, что придет он назад.

И в день моего возвращенья
В тревоге пришла на вокзал.
О гибели друга в сраженье
Я девушке не рассказал.

Глядел я в глаза ей несмело,
Не зная о чем говорить,
Мне сердце мое повелело
Суровую истину скрыть.

— Он едет, он скоро прибудет...—
И тут я подумал: а вдруг
Меня за неправду осудит
С войны не вернувшийся друг.

С тех пор она ждет не дождется,
Ночами томится без сна,
Все именем друга клянется,
По-прежнему верит она.

Вздыхает, тайком доставая
Его довоенный портрет,
Ей мнится: из дальнего края
Любимый прислал свой привет.

Навеки лишилась покоя,
Поверила девушка мне.
Кто знал, что случится такое!
Уж лучше б я пал на войне!

Сказать бы всю правду! Не хочет
И слушать она ни о чем,
То вдруг без причины хохочет,
То катятся слезы ручьем...

Два сердца слились воедино,
Пусть радость им не суждена,
Невеста до самой кончины
Останется другу верна.

И долгие, долгие годы

Ждет летом она и зимой,
Что павший в бою за свободу
Однажды вернется домой.

1955

Алексей Джонуа
(Родился в 1920 году)

ВОСПОМИНАНИЯ
Помню: в детстве без заботы
Я играл и пел с тобою
И шутя через болото
Перепрыгивал порою.

Шашку сделал ты из вяза,
И конем служила палка...
Наши детские проказы,
Наши игры — все мне жалко!

В бой вступая рукопашный
С одногодками когда-то,
Шашку выхватив, бесстрашный,
Ты кричал: «На штурм, ребята!»

Щеголял ты патронташем
Из арбуза в юном войске
И отрядом шумным нашим
Ты командовал геройски.

Ты поздней остепенился,
Позабыв наш круг веселый...
Вдруг — недавно возвратился,
Выпускник военной школы.

Командир отважный, ловкий,
Ты с любовью встречен дома.
Служишь шашкой и винтовкой
Ты народу трудовому.

От врагов ты охраняешь
Край родимый, край советский
И с улыбкой вспоминаешь
Вечерами круг наш детский.

1936

АУАЗ(1) МАХАДЖИРА
Навсегда расстаемся. Меня не вини ты, родная,
Моя мать, моя родина, в страшный прощания час.

Я у мачты стою и, слезами ее обливая,
С тяжким грузом на сердце тебе говорю: «Ауаз».

Всю любовь и все мысли навеки я здесь оставляю —
На твоем берегу, где, волнуясь, бушует прибой,
Горсть земли я на сердце кладу и ее обещаю
Сохранить на чужбине до часа кончины глухой.

Эту горсть в час кончины рассыплют над грудью моею.
Успокоюсь душою тогда я и мирно усну.
А как сбросишь ты цепи,— пусть ветры, над землями вея,
Пропоют мне, что радость пришла и в родную страну.

Даже кости мои не забудут тебя, хоть в глубокой
Они яме истлеют, смешаются с прахом навек.
Пусть, увидев мой череп, узнает мой правнук далекий,
Кем же был и откуда — умерший давно человек.

Не горюй обо мне, мягкосердая мать! Не скрывает
Сын твой правды, что в Турцию ныне неволей плывет.
Много с семьями нас, махаджиров, теперь отплывает
С горькой песней, летящей над ширью бушующих вод.

Так прости же, Абхазия! Мы покидаем с печалью
Берег твой. Но взойдет твое солнце, чтоб вечно сиять.
Ты, счастливая, будешь — за дальнею сгинувших далью
Сыновей своих в песнях, в преданьях своих вспоминать.

---

1 Ауаз — последнее прощание уходящего навсегда, умирающего.

1939

ДУБ

Под горным ветром, старый и суровый,
Стоишь ты, дуб, у Панау-горы.
Под ярким солнцем скрученной подковой
Свисает со ствола лоскут коры.

Вершины — что невесты под чадрами,
Семья косуль резвится на скале,
Дым парохода — тучкой над волнами,
А берег тонет в солнечном тепле.

Ты очень стар. Наверное, ты слышал
Гонимых махаджиров плач и зов.
Ты помнишь? Вырос папоротник пышен
На пепелище сирых очагов.

Сегодня здесь звучат иные песни!
Здесь молодой Абхазии приют!

Взгляни же, дуб: столетний твой ровесник
Седой старик — и юн и счастлив тут.

1939

ЛУНА

До зари еще далеко,
Веет ветер на постель,
Мне не спится... Одиноко...
Лунный луч пробился в щель.

Здравствуй, радость моя, здравствуй!
Где гуляла ты, луна?
Не видала ль ту, кем страстно
Вся душа моя полна?

Расскажи скорей, не мучай,
Кто с ней счастлив в тишине,
В чьем она саду дремучем,
Говорит ли обо мне?

Чу... ты слышишь шорох чая,
Тихий шаг я различаю...
Кто идет, кусты качая?
Не она ль прошла, скучая?

Слышишь, петухи запели,
Скоро к милой поспешу,
А пока я здесь, в постели,
Будь подругой ей — прошу.

1940

ЦВЕТОК

Весенней радости поток
Бушует с новой силой.
Не грустно ли тебе, цветок,
Над скорбною могилой?
Быть может, здесь лежит поэт,
Всемирно знаменитый...
Трава чуть слышно шепчет: «Нет.
Солдат, солдат убитый».
В кровавом яростном бою
Погиб он не напрасно.
Он пал за родину свою.
Такая смерть прекрасна.
Цветы увянут средь полей —
Ведь лето быстротечно.
В сказаньях родины своей
Живут герои вечно.

1945

ОСЕНЬ

В холодке колхозного сарая
Груда тюкового табака,
Каждый лист, как свечка восковая
Отливает золотом слегка.

Почернели гроздья винограда,
Собраны орехи, и с дерев
Бронзовые клочья листопада
Падают, дотла перегорев.

Над полями труд неугомонный
Властвует с рассвета до темна,
Зреют апельсины и лимоны,
Терпким соком даль напоена.

И в большой корзине кукуруза
На плетеном днище прилегла.
И арба, скрипучая от груза,
Шествует по улицам села.

Дышит поле синее, сквозное,
На серпах ломаются лучи,
Листья кукурузные от зноя
Как ладони наши, горячи.

Урожай на славу и на милость,
Но с погрузкой быть настороже:
Только бы арба не подломилась —
Доски прогибаются уже.

Выгнута широкая дорога,
Словно изобилья щедрый рог,
И течет как будто бы из рога
Урожай к амбару на порог.

И крылатый стяг соревнованья,
Что под небом осени парит,
О победах воли и дерзанья
Истинную правду говорит.

Будет год обильного обильней,
Будет полдень светлого светлей...
Виноградный сок течет в давильне,
Люди возвращаются с полей.

1946

КОНЬ И НАЕЗДНИК
Как тавро, его копыта
Метят пыль дороги.
Шея выгнулась дугою —
Пляшет быстроногий!

Жарок блеск округлых ляжек
И волнистой гривы,
В серебре седла сверкают
Солнца переливы.

А наездник саблю вынет,
Плеткой только тронет,
Крикнет: «Чоу» — их и ветер,
Ветер не догонит!
1946

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ
Она озарила мне сердце при первой же встрече,
Тяжелые косы спадали на тонкие плечи,
Она опоила меня изумительным ядом,
Но я рассказал ей об этом лишь ласковым взглядом.

Впервые изведал я чувство, подобное чуду,
И, что б ни случилось, любимой своей не забуду.
Вдвоем на пригорке недолго мы пробыли с милой,
Но чувство мое нарастало с невиданной силой.

Вторично я встретил ее на плантации чайной
И робко молчал, осчастливленный встречей случайной
Побегами чая она наполняла корзину,
И косы тугие на стройную падали спину.

Она покраснела, мы взорами встретились снова,
Но все же друг другу опять не сказали ни слова.
Недолго вдвоем оставались мы с девушкой милой,
Но чувство мое нарастало с невиданной силой.

В суровом бою, где взрывался снаряд за снарядом,
Увидел я милую с воином раненым рядом:
Хоть мины гудели и пули затеяли пляску,
Она продолжала спокойно свою перевязку.

Я сразу узнал ее в грубой походной шинели,
С крестом нарукавным,— а пули о камень звенели...
Мы взгляды скрестили. Она меня тоже узнала,
Но слов не хватало, а времени было так мало,—

Река полыхала, на воздух взлетела плотина...
По мы победили, со славой дойдя до Берлина.

Мы нашу страну отстояли в боях и походах.
Приехала девушка летом в Сухуми на отдых.

Я милую сразу узнал, и она меня тоже;
И я перед ней свое сердце открыл не без дрожи
Глазами она отвечала на все — не устами;
И молча мы с ней обменялись живыми цветами

1940

ПЕСНЯ КУЗНЕЦА

Вздох мехов и взмах руки.
Пляшет молоток Самсона.
Звон железа вдоль реки
Эхо повторяет сонно.

— Посильней мехи тяни,
Пламя раздувай, не мешкай! —
На веселые огни
Богатырь глядит с усмешкой.

— Надо сбить с железа спесь!
Как железо ни упорно,
Но его смягчает здесь
Пламя яростного горна.

До обеденной поры
Можно, при такой сноровке,
Сделать чудо-топоры
И серпы отличной ковки.

Раскаляется металл.
По бруску ударю снова,
Чтоб горячий сноп взлетал
Из-под молота стального.

Кузница озарена
Брызгами огня живого.
Песня звонкая слышна,
Ловко выгнута подкова.

Жарким золотом пыля,
Молот учащает взлеты.
— Пусть пойдет пахать поля
Новый плуг моей работы.

— Подводи скорей коня —
Все готово для джигита.
Можешь прочно у меня
Подковать коню копыта.

Конь рванул — и был таков,
Пыль клубится по дороге,
И следы моих подков
Отпечатывают ноги.

От огня я весь в поту,
Но в труде моя отрада,
Молот блещет на лету,
Гул несется в гущу сада.

Пролетает вдоль реки,
Раздается в роще дальней.
Бойко пляшут огоньки
Над веселой наковальней.

Посильней мехи тяни!
Над косой и над лопатой
Потружусь я в эти дни.
Пусть помогут вам они
Урожай собрать богатый.

1947

СБОРЩИЦА ЧАЯ

Она поет нежнее птицы горной,
Девичий голос трепетен и чист,
Подобна серне легкой и проворной,
Она идет, срывая чайный лист.

Ее глаза — зеленых звезд осколки,
А брови удивительно густы.
Вонзило солнце острые иголки
В обрызганные росами кусты.

Туман покинул дальние откосы.
Поля в дремоте дышат горячо.
Она поет, ее тугие косы
Сползают, словно змеи, на плечо.

Поток стремглав летит с горы Ерцаху,
В нем блещут отраженные огни.
По быстроте, по страсти и размаху
Ей водопады горные сродни.

И, наслаждаясь ароматным чаем,
Мы вспоминаем сборщицу всегда.
По праву мы героем величаем
Того, кто в поле не жалел труда.

1947

НА СКАЧКАХ

Кони резвые храпят.
На конях сидят ребята,
И у всадников-ребят
Сердце радостью объято.

Взвизгнув «чоу», летят вперед.
Узнаешь в любом джигита.
Вьется грив водоворот,
О землю гремят копыта.

Словно рыба под водой,
Конь гнедой плывет по суше.
Всех опередил гнедой,
Навострив задорно уши.

Во всю прыть коней гоня,
На могучего коня
Седоки глядят ревниво,
Он, подковами звеня,
Высекает сноп огня,
Словно из кремня огниво.

Конь гнедой в колхозе горном
В табуне взращен отборном.
Не обгонишь скакуна!
Всадником гордясь проворным,
Конь трепещет, как струна,
Под седлом своим узорным.

1947

ПЕСНЯ АРОБЩИКА

Торопись, моя скрипучая арба!
В дружный труд мы тоже вносим нашу долю.
Петухи поют. Колхозников гурьба
Разбредается по солнечному полю.

Черный буйвол, ты вези мою арбу,
Нагруженную богатством урожая.
Твой напарник с белым пятнышком на лбу
Бодро движется, тебя опережая.

От жары твои взлохмачены бока,
У тебя неторопливые повадки.
Ты возил со мною листья табака,
Золотые кукурузные початки.

Ты возил солому, камни и столбы.
В узком русле, словно в тесном коридоре,

Заглушая мерный скрип моей арбы,
Волны закипали бурного Кодора.

Черный буйвол, ты вези мою арбу,
Нагруженную богатством урожая.
Твой напарник с белым пятнышком на лбу
Бодро движется, тебя опережая.

Упираются в сияющую синь
Ослепительные снежные вершины.
А на склонах поспевают сотни дынь,
Ароматные желтеют мандарины.

Вот за изгородью зреет апельсин,
Виноград к земле крутые клонит грозди.
...Мне случается возить и керосин,
И смолистые дрова, и соль, и гвозди.

Черный буйвол, ты вези мою арбу,
Нагруженную богатством урожая.
Твой напарник с белым пятнышком на лбу
Бодро движется, тебя опережая.

1947

ПОЭТУ

Кто лезет без лестницы на небеса,
Чтоб только не видеть земли,
Кто в райские жаждет забраться леса,
Чтоб жизнь оставалась вдали,
Кто вечно склоняет мечты и цветы
И нудно мусолит строку,
Кто даже при виде живой красоты
Мгновенно впадает в тоску,
Кто вечно в надзвездной парит высоте,
От всех отгорожен стеной,
Кто полон презренья к земной суете
И брезгует жизнью земной.
Кто цедит слова о весне и любви
Из горестно сомкнутых уст —
Тот жалок, поэтом его не зови —
Он внутренне беден и пуст.
Мы знаем, поэт настоящий привык
Народному зову внимать,
Перо его — остро отточенный штык,
Он родину любит как мать.
А те, кто оторван от почвы родной,
Чья песня в бою не слышна,
Как смутные тени пройдут стороной,
Забудутся их имена!

1947

ШАХТЕРУ

В Акармаре, около Ткварчели,
Мы с тобой пасли овец и коз.
Здесь отары прятались в ущелье
От осенних бурь и летних гроз.

Вспомни, мой ровесник смуглолицый,
Как мы ночью, лежа у костра,
Сказки и пастушьи небылицы
Слушали до самого утра.

Как на дно холодной Хириквары
Был нам каждый камешек знаком.
Мы поток стремительный и ярый
Вброд перебегали босиком.

На Джантойских неприступных склонах
Мы вдвоем пасли своих козлят.
Плотная стена лесов зеленых
Привлекала восхищенный взгляд.

Недра гор от сонного покоя
Пробудил веселый гул кирки.
Не узнаешь прежнего Джантоя:
Там растут и крепнут рудники.

Видишь в окнах солнечные брызги?
Новой жизни славные творцы
На высоких берегах Гализги
Возвели просторные дворцы.

Мой ровесник мужественный, стройный,
Родине под стать растешь и ты.
Что ни день — твой молоток отбойный
Подрубает новые пласты.

Со стихией неустанной споря,
Ты увлекся страстною борьбой.
Сколько силы в молодом шахтере,
С лампочкой спустившемся в забой!

Золотом отсвечивая черным,
Жаркий твой поблескивает взгляд.
Отраженным огоньком задорным
Черные пласты во мгле блестят.

Пятилетка в солнечном Ткварчели —
Это горы нового угля.
С ним скорей придет к великой цели

Наша плодоносная земля.

1947

БОТАНИЧЕСКИЙ САД

Вот предо мною растенья,
Точно зеленые крылья,—
Мирной и сладостной тенью
Влажную землю укрыли.

Вот величавой стеною
Мощно встают кипарисы,
Вот с гималайской сосною
Шепчется дуб густолистый.

В рощах бамбуковых вешний
Ветер, веселый и синий,
Взор очарованный тешат
Гроздья лиловых глициний.

А к эвкалиптам вплотную
Пальмы из дальней Флориды,
Пальмы! — в Сухуми вторую
Родину обрели вы!

Здесь африканские травы,
Заокеанская флора.
Здесь мексиканка агава
Рядом с самшитом суровым.

Листья душистых магнолий
С веточки сочной и зыбкой
В лица глядятся — в окно ли —
С необычайной улыбкой.

Липа раскинула ветви
В тысячелетнем величье,
В кроне ее неприметны
Гнездышки малые птичьи.

Здесь в густолиственном шуме
Зреет народа богатство,
Пестует город Сухуми
Солнцем овеянный сад свой.

1947

НА КОЛХОЗНОМ РЫНКЕ

В Сухуми идешь по колхозному рынку,
Дивясь изобилью осенних садов.

Душистого меда высокую крынку
Теснят на прилавке корзины плодов.

Подернута черная гроздь «изабеллы»
Лиловым налетом, и трудно постичь,
Как вырос такой ароматный и спелый,
Такой удивительно крупный качич?(1)

— «Отведай!» — кричит мне, приветлив и весел,
Старик продавец, усмехаясь в усы.
Он множество яблок румяных отвесил
И желтые груши кладет на весы.

Колхозники об урожае высоком
Не зря позаботились в этом году.
Вот персик, наполненный сладостным соком,
Как солнечный полдень в сухумском саду.

Домой горожанин уносит в корзине
Всех красок осенних торжественный пир.
Хозяйке по сердцу душистая дыня,
И синие сливы, и сладкий инжир.

Взгляните на смуглый румянец Макрины.
Недаром толпится народ у стола.
Впервые она собрала мандарины
И в город на ослике пх привезла.

Гигантскую тыкву растили с любовью.
Картофель насыпан в тугие мешки.
В соседстве с оранжевой крепкой морковью
Лежат фиолетовые кабачки.

Вот лобио подле капусты кудрявой,
И перец душистый — отрада южан.
С ним рядом, для острой и пряной приправы
Лежит на прилавке чеснок и рахан.

Там — купишь баранью отличную тушу,
А здесь — молодой наливают маджар.
Играет вино, веселящее душу,
От солнца в бутыли пылает пожар.

Есть в нашем краю виноградные лозы.
На пастбищах тучные бродят стада.
Великим богатством владеют колхозы.
Растет нерушимое братство труда.

---

1 Качич — сорт винограда.

1947

ТАНЦОР

То не молния, то не виденье,
Не гроза, налетевшая с гор.
Нет, как ястреб, пронесся по сцене
Молодой темнокудрый танцор.
Вот рванулся он дико и резко,
Вот застыл на мгновение вдруг.
И опять замелькала черкеска,
И опять все замолкли вокруг.
Словно сокола горного крылья,
Развевается черный башлык.
Пляшет юный танцор без усилья —
Ритма тайну он с детства постиг.
Ключ к искусству упорно искал он
В том краю, где гнездятся орлы.
Он бродил по ущельям, по скалам,
Не боялся ни барсов, ни мглы...

Вот окончилась пляска. А в зале
Гул оваций, как моря прибой,
Почему же слезой заблистали
Очи девушки рядом с тобой?

1950

«ЧУДО»

Говорит старик старухе:
— По деревне ходят слухи —
В десяти верстах отсюда
В Очемчире бродит чудо.

Ей старик, собрав терпенье,
Растолковывает:
— Чудо землю и каменья
Пережевывает,
В землю зубьями колотит,
Пасть такая — вмиг проглотит...

А старуха с недоверьем:
— Мы не верим суеверьям,
Только темные старухи
В наше время верят в слухи...

В это самое мгновенье
За окном —
Землетрясенье,
Грохот,
Лязг,
Раскаты грома,

И, огромней адомбея(1),
Кто-то замер возле дома.
Занеся над крышей шею
Пасть разинул этот кто-то
Чуть пошире, чем ворота.
Кто?

Старуха прямо к двери,
А старик лукаво вслед:
— Ну, теперь ты в слухи веришь,
Или скажешь, чуда нет?
А старуха возле дома
Усмехается:
— Это чудо по-другому
Называется.
Нам старухам по газете
«Чудеса» знакомы эти.
Не напрасно ходят с шумом
Не лопата вам...
Удивить старуху вздумал
Экскаватором!

---

1 Адомбей — горный зубр.

1952

Алексей Ласуриа
(Родился в 1927 году)

ЗДРАВСТВУЙ, АБХАЗИЯ!
Не собирала меня в дорогу
Мать родная весенним днем,
Мой отец не зарыл до срока —
До приезда — кувшин с вином.
И подруга, что только снилась,
Целовала меня во сне,
На вокзале не появилась,
Не махнула рукою мне.
Для меня на перроне нашем,
Как в душе, пустота, тоска...
Кепки, шляпы, платочки машут;
Мне — ни взгляда и ни платка.
Был в Сухуми вечер прохладный...
Расставаясь тогда с тобой,
На прощанье глотнул я жадно,
О Абхазия, воздух твой.
Как рулетка — чтоб мерить дали —
Извиваясь, летел состав.
Думы-волны меня качали,
Я измучился, плыть устав.

Убегали отары, села...
Что на свете найдешь родней?
На Сухумской горе — веселый
За спиною каскад огней...
Нет, в торжественную минуту
Мать не выйдет меня обнять.
С окончанием института
Не поздравят отец и мать.
Вот — к отцам приезжают дети,
Пишут матери сыновья...
Сиротою на белом свете
В раннем детстве остался я.
Мне отец мой и мать родная —
Та земля, на которой рос.
Горы, горы мои без края,
Вот и встретиться довелось!
Жил в Москве я. Столица с лаской
Поднимала меня, любя.
Мать родная, земля абхазская,
Сын твой не осрамил тебя!
Ночью с Ленинских гор, бывало,
Смотришь — и не отводишь глаз:
Как Сухуми, Москва сияла,
Только ярче в тысячи раз.
Заводские гудки в столице
Возвещали начало дня,
И рождалась, чтоб с ними слиться,
Песня новая у меня.
Нету счета друзьям хорошим,
Всюду вместе они со мной.
Где бы ни был я — здравствуй, Леша!
Каждый дом для меня родной.
В каждом слове я дружбу слышу,
Одинаково мне близки
И долина реки Дгамыша
И долина Москвы-реки.
Я не гостем живу приезжим,
Стала домом моим Москва.
Я уже не Алешка прежний,
А солидный семьи глава.
Русой девушкой, лучшей в мире,
Как любим я! И как влюблен!
Много места у нас в квартире —
Не квартира, а стадион!
Мне б работать и жить в столице...
Только там, где родился я,
Ждет — когда же он возвратится? —
Мать родная, земля моя.
О Абхазия, край мой горный!
Я к тебе устремляю шаг.
Не ищу я дороги торной,
Легкой жизни, готовых благ.

Я люблю сквозь пургу шальную
(Снег сыпучий в глаза метет),
На замерзшие пальцы дуя,
Пробиваться в снегах вперед.
В стены дома пусть каждый камень
Будет вложен моим трудом.
Я хочу своими руками
Жизнь построить, как строят дом.
Край любимый, где вереницей
Горы встали, там нужен я.
Ты мне счастье дала, столица.
До свиданья, Москва моя!
Пусть хоть частью оплачен будет
Долг мой вечный перед тобой
Тем, что жить помогу я людям
Всеми знаньями, всей судьбой...
Знаю: нету ворот, в которых
Сына встретят отец и мать,
И невестке подарков ворох
От свекрови не получать.
Но едва я сомкну ресницы —
Все мне видится край родной,
И вдыхаю я — так мне снится,—
О Абхазия, воздух твой.
Снова я на земле родимой —
Так прими же детей своих.
Одного меня проводила,
А сегодня встречай двоих!

1953

ТОСТ

Чтоб счастье посетило этот дом,
Мы собрались за праздничным столом.
Пускай не знают тягости разлук
Ни девушка, ни наш веселый друг.
Да будет с парнем счастлива она.
— Эй, девушка!
Налей скорей вина.
Давно пора, чтобы оно текло
В сверкающее радугой стекло.

Мы дружно пили за родимый край,
За новых лоз богатый урожай,
По очереди выпили потом
За нас,
За всех сидящих за столом.
Но разве позабудутся дела
Создателя звенящего стекла?
Его нам тостом обнести нельзя.
Так выпьем же за мастера, друзья!

Ведь это вовсе не его вина,
Что нынче с нами он не пьет вина,
Желанным гостем он стучится в дом —
Он в торжестве участвует трудом.
Вы слышите бокалов тонкий звон?
В кругу гостей присутствует и он.
— Эй, девушка!
Налей-ка нам полней,
Мы мастеру желаем светлых дней!
Как льется широко у нас вино,
Как искрится и пенится оно,
Пусть так и труд сидящих за столом
Сольется с общим родины трудом.
Пусть наша радость множится в труде:
В цехах, в полях и на море — везде.
Всем мастерам великого труда
Счастливой жизни долгие года!

1953

ПОД МОСКВОЙ

С москвичкой иду, где речушки блеск
Средь сосенок и берез.
Вижу вокруг подмосковный лес,
Слышу ее вопрос.
Глядит, улыбаясь:
— Лесок хорош? —
А я говорю в ответ:
— Хорош-то хорош, но, признаться, все ж
Сравнения с морем нет! —
Мы сели на самый большой из пней
Меж зонтиками грибов,
Но море шумело в душе моей,
Стучался, гремел прибой.
Травинки зеленые, как вода,
Плескались у башмаков,
А мысли летели туда, туда,
Где пена у берегов;
Где, может, в такой же, как я, тоске
На солнечном берегу
Другая девушка на песке
Доверилась ветерку...
Москвичка заметила — я грущу,
Припомнив далекий дом.
Легонько хлопнула по плечу:
— Грустишь?
По домам пойдем.—
Я дома — повсюду в моей стране.
Но что же плохого в том,
Что кажется лучше всех прочих мне
Не прочий, а отчий дом?

Москвичка, я тебе не солгу,
Не обману тебя:
— Я землю твою любить могу,
Лишь землю свою любя.

1955

ЧЕМ ХОРОШ МОЙ КРАЙ

Как будто я Абхазию не знаю,
Мне говорят приезжие о ней:
Нет нигде теплее края,
Нет нигде воды синей.
Мне о Гагре и Сухуми
Два часа твердил один,
А другой в прибоя шуме
Мелодичность находил.
Третий видом насладиться
Восходил на горный склон.
Тайной гор — холодной Рицей —
Был четвертый восхищен.
Ну, а пятый — в самом деле
Гимны пел на все лады
Черноглазой «изабелле»,
Что опутала сады.
А шестая в томной позе
Восклицала:
— Красота! —
Отдавая дань мимозе,
Что изменчиво желта.
А седьмой пел с интересом
Про вино (немного пьян),
А восьмой твердил — профессор —
Про сухумских обезьян.
А девятый...
Впрочем, ясен
Без девятого вопрос.
И с каждым я по-своему согласен,
Я тоже вижу, как мой край прекрасен,
Где я родился, где я рос.
Но говорю приезжему, как брату:
— Не розами, мимозами, пойми,
Богат мой край, чем все края богаты,—
Людьми.

1955

СТИХИ О ДОЧКЕ

1. ПЕРЕМЕНА

По обычаю абхазцев, некрасиво

Эти чувства пересказывать друзьям,
Только, радости своей скрывать не в силах,
Понимаю я: молчать уже нельзя.
Удивляются ребята: «Что с Алешей?
Изменился... Не случилась ли беда?
Он, бывало, запевала был хороший
И на праздниках дежурный тамада,
И на девушек заглядывался тоже —
Ни одна теперь не нравится ему».
Удивляются ребята: «Что с Алешей?
Отчего он изменился, почему?»
Веселились мы нередко вечерами,
Погулять любили мы под выходной.
Но с работы не иду теперь с друзьями.
Я и сам не понимаю — что со мной?
Я ничуть не изменился, твердо знаю,
Не ханжа я, не зазнался и не скуп.
Только тостов я давно не поднимаю
И давненько не касалась рюмка губ.
Ожидаю приближающийся праздник.
Были месяцы, недели до него —
Их по пальцам я считал, как первоклассник,-
И теперь уже остались дни всего.
Надо мной уже девятый месяц замер,
Переходит долгожданную межу;
И мальчишкою, пришедшим на экзамен,
На тебя я нерешительно гляжу.
Перехватываю тайный взгляд короткий,
Да и сам таю мечту наедине...
И тяжелою победною походкой
Ты по-новому идешь навстречу мне.
Сын ли, дочка?.. Мы не знаем, не гадаем —
Потому что мы обидеть не хотим,
Коль родится вдруг, кого не ожидаем,—
И до времени мечты свои таим.
В «Детском мире» оба делаем покупки,
Видно, движимы надеждой не одной:
Для «нее» ты выбираешь в день по кукле,
Для «него» я «ЗИМ» наметил заводной.
Я в бессоннице, в тревогах и заботах.
Кто-то шепчет: — На Алеше нет лица...—
Но работаю, как прежде не работал,
Чтоб ребенку захотелось быть в отца.
По обычаю абхазцев, некрасиво
Эти чувства раскрывать, но не беда,
Если, радости своей сдержать не в силах,
Не могу я промолчать, не в силах, да!..

2. В РОДДОМЕ № 4

Железная в роддоме дисциплина:
Стремится молодой отец вперед,
Но дверь, что скрыла дочку или сына,

Границей государственной встает.
В час неурочный передать подарки
Напрасно хочешь в дверь большую ту.
Здесь все, от главврача до санитарки,
Надежны, как солдаты на посту.
Робея, перед белой дверью встань-ка
В неопытных отцов счастливый строй,
Где козырнул полковник старой няньке,
Профессор оробел перед сестрой.
Сюда войдя торжественно и прямо,
Я замер, ослепленный белизной.
Заметив это, две каких-то дамы
Хихикнули — должно быть, надо мной.
А третья заступается: — Он скромен,
И все здесь необычно для него,
Последний раз он побывал в роддоме,
Наверно, в день рожденья своего...—
А я и родился-то не в роддоме.
Вилась тропинка горная, крута,
Я ничего не мог увидеть, кроме
Густых небес и снежного хребта.
Я родился в абхазской ветхой пацхе
Под шум потоков и обвалов гром,
Под звуки с детства милой мне апхярцы,
Когда курился дым над очагом.
Не на четвертом этаже в палате —
Я родился под кровлей голубой.
И не склонялся добрый врач в халате
Над матерью моей, как над тобой.
Но боль она не выдавала стоном,
Ждала, сомкнув уста что было сил.
И выстрелом, тогда традиционным,
Отец о сыне скалам возвестил.
Пожертвовал отец козой последней
(Таков обычай), чтоб округа вся
Увидела, что родился наследник,
Что в доме горца горец родился...
Но почему воспоминаний следом
В приемной белой я пошел в тот час?
Я сына ждал, не признаваясь в этом,—
Есть от отцов еще не мало в нас!..
Вдруг слышу голос. Вскакивая с силой,
К окошечку бегу. И в том окне
Мне кажется сестра такой красивой,
Как наши сестры в горной стороне.
И я смеюсь. Она смеется тоже:
— Дочь. Три кило. Полметра с лишним рост
Я спрашиваю: — На меня похожа?
— Ну копия отца, что за вопрос! —
...Я по Москве пошел походкой крепкой,
Чтоб всем поведать радости свои.
И мне казалось: под моею кепкой

О счастье распевают соловьи.
Я зашагал по улицам знакомым,
Открыт любому встречному лучу.
Спасибо же «Четвертому роддому»,
И няням, и сестре, и главврачу.
Но трижды я «спасибо» повторяю
И голову склоняю перед ней,
Пред той, что мир от края и до края
Открыть сумела дочери моей.
А я иду и улыбаюсь людям,
И наши взгляды больше, чем слова.
Воспитывать мы дочку вместе будем:
Она и я, отчизна и Москва!

3. КАК НАЗВАТЬ?

Все сомненья теперь начинаются только.
День четвертый, а имени дочери нет.
Как назвать? И имен подбирается столько...
Созывается срочный семейный совет.
Председателем — дед, горячо обсужденье,
Прадед тоже участвует в преньях сторон.
И под вечер готов к твоему утвержденью
Список лучших — абхазских и русских — имен.
Есть в нем Гунда, Варвара, Назыра, Елена.
Этот список тебе мы спешим передать.
Отвечаешь ты коротко и откровенно:
— Отклоняю! — Мать.
Поясняешь:
— Варвара — есть злая сестрица,
Есть Назыра — скупой прослыла средь подруг,
Имя Гунда ей тоже никак не годится,
А Елен и без этого много вокруг.—
Без конца продолжались бы наши сомненья.
Может, дочка без имени б так и росла,
Если б — только на пятые сутки с рожденья —
Мне идея хорошая вдруг не пришла.
Назовем нашу дочку, как речку в России,
Как абхазских девчонок зовут далеко,
Чтобы имя по-русски звучало красиво
И у нас, по-абхазски, звенело легко,
Чтоб была в этом имени русская удаль,
Чтоб веселье абхазское слышалось в нем.
Назовем ее «Кама». Прислушайся. Худо ль?
Мы родное свое в этом слове найдем.
Для того я назвал это имя сегодня,
Чтоб судьба нашей дочки, пряма и светла,
Словно русская Кама была полноводна,
Как абхазская Кама была весела.

1953

К СЕСТРЕ

Далекая Ярна, родная сестра!
Письмо от тебя получил я вчера.
Читал, перечитывал несколько раз
И все не свожу с него любящих глаз.
Ты пишешь мне, милая: «Братик ты мой!
Что кушаешь ты? Кто следит за тобой?
Ты с детства в Абхазии солнечной рос...
И как переносишь ты русский мороз?
В метели, когда там не видно ни зги,
Ты дома сиди хоть, себя береги...
Наверно, забыл, как тебя я люблю?
На днях тебе теплые вещи пришлю,
Сама я вяжу их, ночами не сплю...»
Далекая Ярна, родная сестра!
Письмо от тебя получил я вчера.
Ну что мне ответить? Ты знаешь сама,
Что верно, сурова в России зима.
Вода во дворе превратилася в лед,
И ветер ветвями по форточке бьет;
Чуть высунешь руку — отдернешь ладонь...
Снежинки и те все летят на огонь.
За окнами сосны шумят и скрипят.
Но ты не волнуйся: я счастлив и рад,
Ведь я среди русских, я равный им брат.
И пусть месяцами нет теплого дня —
Родные сердца согревают меня.

1951

ЭВКАЛИПТ

Я помню горячее солнце весеннее,
И толпы веселых людей, и жару.
Мой город родимый! Он весь в воскресенье
Поднялся деревья сажать поутру.
Я помню, как листья вниманием радуя,
Лучи облаков пробивали края,
Как встретились мы и как в нашу бригаду я
Тебя записал, дорогая моя...
Казалось, одни мы торопимся за город.
Шутили товарищи, глядя на нас.
Все дальше, все выше взбирались мы на гору
Ты пела, а я не сводил с тебя глаз.
Мы вышли кипучими силами мериться,
В работе свое мы открыли родство.
Ты помнишь то робкое первое деревце —
Мы «нашей любовью» назвали его.
Потом приходили туда в воскресенье
(О, если б неделя имела их семь!)
Бродить и мечтать под ветвями весенними
С утра и по самую темную темь.

Там роща качала зелеными крыльями,
Хотела взлететь выше горных вершин.
И тот эвкалипт, что с тобой посадили мы,
Уже выше нас был тогда на аршин.
Потом я уехал, и слухи настойчиво
Твердили о том, что нежданный мороз
Немало убил не морозоустойчивых,
Особенно тех, кто в забвении рос.
Но «наша любовь»... Я спокоен, любимая.
Но «наша любовь»... Я зову ее в стих.
Согрета сердцами твоим и моим она,
Навек спасена среди тысяч других.
Она с остальными стоит рука об руку,
Ее прямота нашим душам под стать.
Она поднялась всеми ветками к облаку
И тянется — хочет до солнца достать.

1950

О САМОМ НЕОБХОДИМОМ

Было так:
Сел я вечером стихи писать
О завтрашнем дне человечества.
Сижу.
Думаю —
С чего начать?
Слова разбежались.
Мысли мечутся.
Несмело луна заглянула в окно,
Словно пришла ко мне на свидание
И, увидев, что жду ее давно,
Извиняется за опоздание.
Я сказал ей:
— Чем можешь ты мне помочь?
В тебе поэзии больше нету.
Ты в небесах, а я на земле.
Нам с тобой, дорогая, не по пути.
Иди-ка к другому поэту.—
Оттого ли, что с ней я на «ты» говорил,
Или просто она торопилась куда-то,
Только вдруг от окна
Отвернулась луна
И нырнула в пушистую вату.
Тогда я встал
И окно распахнул —
И в комнату хлынул воздух...
А я слушал вечернего города гул
И глядел на дальние звезды.
Я думал: может быть, на одной из планет
Вот так же сейчас не спится поэту
И так же, окно распахнув, поэт

Глядит на мою планету.
Марсианин!
Ты видишь — наш шар земной
Великолепная штука,
Только надо нам покончить с войной,
И это будет однажды весной,—
В этом мужество наше порукой.
Но для того, чтобы побеждать,
Надо бороться пока ты в силе.
Мне вот надо такие стихи написать,
Чтоб в цель без промаха били.
Как научиться?
Кто даст совет —
Где взять такое уменье?
Закрываю окно,
Зажигаю свет.
Достаю с книжной полки том Ленина.
В эту ночь до утра меня учил
Мудрейший из учителей.
А наутро, спокойный и полный сил,
Я встал
И пошел в Мавзолей.
Красная площадь — вот она, вот...
Ком волненья горло сдавил.
Тысячная очередь к Мавзолею течет
Артерия народной любви.
У входа часовые стоят,
На винтовках играет солнце,
Брови сдвинуты,
Суровый взгляд —
Словно вылитые из бронзы.
Вхожу.
А Ленин — словно живой,
Словно хочет сказать мне что-то.
Но нельзя останавливаться — за мной
Тысячи ждут у входа.
Нельзя...
А из сердца рвутся слова,
И трудно бороться с волненьем.
Мне хочется крикнуть: «Спасибо вам,
Спасибо, товарищ Ленин!
Спасибо за то, что мне помогли, —
Сегодня, беседуя с вами,
Я понял, как надо за счастье земли
Бороться простыми стихами».
Я вышел на площадь, где в тишина
Стоят серебристые ели.
Казалось — люди кивали мне
И птицы о радостном пели.
Со мной разговаривали дома,
Что вчера еще были немы.
Казалось, весь мир предо мной открыт,.

И это — не камень, не дом, не гранит,
А строчки моей поэмы!
Я сел в троллейбус.
Скорее домой!
Как все записать?
Смогу ли я?
Александр Сергеевич кивнул головой:
«Желаю удачи, Ласуриа!»
Площадь Маяковского.
Где же поэт?
Ищу, оглядываюсь кругом.
Может, пошел в Московский совет?
Иль принимает высотный дом?
Уж он не усидит на месте ни дня,
Уйдет на заводы, в колхозы, на стройки..
А там, у вокзала, встречает меня
Алексей Максимович Горький.
Вот я и дома.
Беру тетрадь.
Скорее писать, писать, писать...
Друзья мои!
Чтоб в стихе глубокая мысль легла,
Чтоб за словами стояли дела,
Чтоб сделать счастливой жизнь,
Чтоб покончить с бедой и с войной навсегда,—
Как воздух для жизни,
Как хлеб и вода,
Необходим ленинизм!

1952

АБХАЗИЯ ОТКРЫТА ОКТЯБРЕМ

Какое б ни грянуло горе,
Какая б ни вышла беда,
Горы твои не согнутся и море
Не высохнет никогда.
Давно убеляют седины
Высокие эти хребты,
Но тянутся к небу и солнцу вершины,
И к юности — ты.
Не знаю садов, твоих краше,
Речушек, от пены седых.
И ты неизменно ровесница наша,
Сверстница молодых.
Ты вынесла столько горя,
Изведала столько бед,
Не раз чужеземцы топтали предгорья,
На пашнях — их след.
Князья твой лес вывозили,
Купцы увозили твой мед.
И голод сгибал и болезни косили

Твой нищий народ.
Крестьянин, сохой ковыряя
Иссохшую землю, без сил
Вдоль пашни шагая от края до края,
Ненависть накопил.
А за полночь — в горы с друзьями;
Лишь месяц над ними серьгой...
Слова обжигали сердца их, как пламя,
Когда говорил Серго.
Тогда расступилась впервые
Над нищей Абхазией мгла,
И армия Ленина к нам из России
На помощь пришла.
За счастье народа боролась,
Боролась за нашу страну.
С крутых берегов меньшевистскую сволочь
Пустила ко дну.
...Проносится ветер по клумбам.
Подернута даль серебром.
Открыт «Новый свет» Христофором Колумбом,
Абхазия — Октябрем.
О родина наша седая,
Ты стала навек молодой,
И озарена ты от края до края
Кремлевской звездой!

1955

МЕЛЬНИК

Не по душе судьба бездельника,
Не хочет мельник на покой,
Хотя давно уже у мельника
Виски побелены мукой.
И подчеркнула пылью мельница
Морщинки мелкие у глаз,
Но ничего ему не делается,
В нем пламень горский не погас!
Он ногу потерял в гражданскую,
Когда народ был бос и гол.
Ходил тропою партизанскою —
Не только он зерно молол.
Сюда крестьяне в ночь безлунную
Сходились горною тропой,
И неплохой служил трибуною
Мешок, наполненный мукой.
Запорошит муки метелица
Борцов преследуемых след,
Что волокли мешки на мельницу,
А уносили правды свет.
С тех пор немало перемолото
На старой мельнице зерна.

И мельник выглядел бы молодо,
Да вот подводит седина.
И вечерком закроет мельницу,
У входа сядет, как привык.
Воспоминаниями делится
С друзьями юными старик.
Рассказывает: — Неприятеля
Рубил я шашкой на скаку.
Но в мире лучшее занятие —
На мельнице молоть муку.
Чтобы, размахивая крыльями,
Дул ветерок — союзник наш,
Чтоб вырастали дети сильными,
Чтоб матери пекли лаваш...
Работа — счастье небывалое,
И этим счастьем завладей,
Чтоб стало дело даже малое
Великим делом для людей!

1954

СЕРДЦЕ ДРУГА

Там, где ущелья чаша глубока,
Горянка гордая бурлива,
Бросается отважная река
С крутого горного обрыва.
И спутник мой восторженно вскричал,
За камень удержавшись еле:
— Ну что на свете глубже я встречал,
Чем это горное ущелье! —
Луна, как шапка сванская, кругла
И холодна, как диск железный.
Гляжу я вниз... и все густеет мгла.
Дыханье затаила бездна.
Мой спутник вглядывается во тьму.
Ущелье глубоко, но все же
Есть тропка, неизвестная ему,—
По ней на дно спуститься можем.
Нагроможденье древнее во мгле
Могуче. Только в самом деле
Не знает он — что глубже на земле,
Чем это горное ущелье?
Не знает он, как на багряном льду
Я умирал. Спускался вечер.
Вдруг чувствую, в беспамятстве, в бреду,
Что кто-то взял меня на плечи.
Немели губы. Сердца стук редел.
Бинты разматывались, рдея.
Слабели руки. Весь я холодел,
Не чувствуя, что холодею.
— Потеря крови,— говорил хирург.—

Ведь на снегу лежал-то сколько! —
— Мою возьмите кровь! — воскликнул вдруг
Товарищ на соседней койке...—
Коснулся спутник моего плеча,—
Он потрясен на самом деле,
Не знает он, что глубже и сильней,
Чем это горное ущелье.
Глядит он вниз, мой спутник молодой,
Но — седина тому порука:
И он узнает, встретившись с бедой,
Что глубже... глубже сердце друга!

1953

* * *

По сторонам смотрю,
Мечутся, ищут глаза мои,
Ищут глаза мои девушку —
Нет без нее мне пути!
Где она, где скрывается,
Девушка, милая самая,
Самая злая и хитрая,—
Должен ее я найти!

Знает она: прочла
В глазах моих беззащитных,
Что сердце свое сумасшедшее
В плен ей навек отдаю.
Заметила, но не сказала
(Девчонки ужасно скрытны!),
Заметила, верно, зоркая,
Она седину мою.

Что мне делать теперь?
Не мазаться ж восстановителем!
Я поседел без времени,
Но разве я виноват?
Но разве друзья и сверстники
Когда-нибудь где-нибудь видели,
Что я отстаю от юности?
Ступай — расспроси ребят!

Друзья, подойдите к ней,
Скажите, что в каждом деле
Я самый неугомонный,
Смелый и заводной.
Пусть ведает эта капризная:
Хоть волосы поседели —
Сердце не поседеет,
Я навсегда молодой!

1953

ОТЧЕГО ПОСЕДЕЛА МОЯ ГОЛОВА

Я не в духе, это так. Однако
Удивляться этому смешно:
Даже солнца свет не одинаков,
Нынче — ясно,
Через час — темно.
И сегодня темного немало,
Хоть живем мы чисто и светло...
Вот и голова седою стала,
И печалью сердце обожгло.
Не вчера ль на палку я садился,
Будто на лихого скакуна?
Не вчера ль с любимой объяснился,
Целовался с нею допоздна?
Псы соседские на нас рычали,
Млели мы в густой тени двора...
Счастливы мы были не вчера ли?
Не вчера...
Конечно, не вчера...
А сегодня в зеркало я глянул —
Как Ерцаху, голова бела.
Рано?
Нет, по-моему не рано —
Юность слишком жаркою была,
Слишком пылко кровь моя горела,
Слишком щедрым я на чувства был...
Стала голова до срока белой,
Пеплом стал мой юношеский пыл.

1956

О ЛЮБВИ

Дай сердцу волю —
заведет в неволю.

Счастлив тот, кто любит и любим,
Кто согрет зарей любви счастливой.
Но порою не везет иным,
На душе у них темно, тоскливо.

Некоторых ослепляет страсть —
Человека не увидят рядом.
Могут и взлететь
И в грязь упасть...
Слепнуть все же никогда не надо.

Нет в любви фортуны пареньку,

Ноет он, друзей стихами муча.
Но бывает, что свою тоску
Водкой заливает невезучий.

Распускать в беде себя нельзя,
Заведет в неволю чувств стихия.
Плохо опускаться так, друзья,—
Лучше уж писать стихи плохие.

1956

СКРОМНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Когда он жил, он жизни был достоин,
На трудности не сваливал вину.
И штатский человек, совсем не воин,
Отправился солдатом на войну.
Хотя метель и обжигала тело
И стыла кровь, когда мороз крепчал,
Но исполнял он воинское дело,
Как родине в присяге обещал.
Упав на миг у придорожной бровки,
Он вскакивал, едва умолкнет взрыв.
Он так был прям, как ствол его винтовки,
И, словно камень дота, молчалив.
Не потому, что все принять намерен,
Не размыкал он опаленных губ,
А потому, что в наше завтра верил
Он всей душой — великий жизнелюб!
И потому он мог терпеть невзгоды
И, глаз не отводя, идти в бои,
Что был он сыном своего народа,
Заботливым отцом своей семьи.
Не ради славы горе он изведал,
Не для наград покинул мирный кров,
И на груди, когда пришел с победой,
Горело больше ран, чем орденов.
И вот уже плуг потянулся к пашне,
За лемехами борозду стеля.
И, кажется, забылся день вчерашний,
Пришел хозяин,— поняла земля.
Улыбка, чуть смущенная, живая,
По целым дням не покидала губ.
Вот так бы он и жил, не унывая,
Наш скромный друг, великий жизнелюб.
Но, видно, диалектика природы
Неумолима. И пришел черед
Ему уйти от солнца, от работы,
От радостей житейских и невзгод,
От тех людей, чьей дорожил он лаской,
Кого согрел заботою своей,—
Простому сыну матери абхазской

И честному отцу своих детей.
Мы с ним простились в солнечное утро,
Стояли под сплошной голубизной,
Его без орудийного салюта
Похоронили мы в земле родной.
Покинул он весь этот мир знакомый:
И сад, и пашню, и солдатский путь,
Как будто место уступил другому,
Как будто бы подвинулся чуть-чуть.
Как памятники поднимались горы,
Его могила скрыла меж камней...
Мы думали о скромности, которой
Нет ничего ни выше, ни сильней.

1955

РОЖДЕНИЕ

Вечер. Я пришел с занятий.
В общежитье тьма.
Вижу — на моей кровати
Белый лист письма.
Осветил сквозь занавеску
Отблеск фонарей
Две строки:
«Больна невестка.
Приезжай скорей».
На бегу пальто накинув,
Из дому иду.
На попутную машину
Сел я на ходу.
Полночь над землей абхазской.
Сон кругом и тишь.
Я покинул кузов тряский
У села Тамыш.
Срок рожать моей невестке.
Я ускорил шаг.
Снег в лицо и ветер резкий,
Только свист в ушах...
Скоро год как на войне
Муж ее Сандро.
Удалось приехать мне —
Что ж, и то добро.
Помню, брат мне дал наказ,
Отправляясь в бой:
— Будь ей другом, Алиас.
Помни, дорогой,
Если в жилах у тебя
Кровь, а не вода,
Не бросай ее в беде,
Помогай всегда.—
Брат не часто письма пишет,

Некогда писать.
Если сын родится,
Гришей
Просит он назвать.
Пишет:
«Брат мой, будь отцом,
Если жизнь мою
Вражеский стрелок свинцом
Оборвет в бою...»
Кончен путь. Дворы и крыши
Снегом замело.
Снег идет. Стал ветер тише.
Я вошел в село.
По снегу иду седому,
След тропинкой лег.
Из окна родного дома
Светит огонек.
От волненья шапка смята.
С лаем на крыльцо
Выбежал Дамуш косматый,
Лижет мне лицо.
С крыши снег слетает редкий
И слепит глаза.
Дверь открыла мне соседка —
Старая Хамза.
— Здравствуй, нан! Приехал, милый?
Не волнуйся, сядь.
Девять месяцев пробило —
Время ей рожать.
Врач у нас. Всю ночь не спал он,
Не сомкнул он глаз.
А невестке лучше стало,
Спит она сейчас.
Нан! А как твое здоровье?
Как твои дела?
К нам недавно от Сандро
Весточка пришла.
Жив! Жалеет, что не может
Он семье помочь.
Спрашивает, кто родился —
Мальчик или дочь?

* * *

Утро встает над горами,
И солнечные лучи
На крышах,
В оконной раме,
Как в августе,
Горячи.
День должен быть добрым,

Верю.
Искрятся лучи на снегу.
Стою я у самой двери.
Стою,
А войти не могу.
Что за стеной?
Неизвестно.
С надеждой на дверь гляжу,
Шагаю по комнате тесной
И места не нахожу.
Чтоб, ветер опережая,
Село облетела весть,
Беру я ружье,
Заряжаю,
Дрожу от волненья весь.
Готов я
Жизни величью —
Рожденью
Салютовать.
Готов я исполнить обычай
И в воздух три выстрела дать.
Как на посту,
С оружьем
Стою я,
И в этот миг
Взлетел,
Тишину нарушив,
Новорожденного крик.
И слышу, подходит сзади.
Хамза —
Это голос ее.
— Свершилось. С племянником, дядя!
Скорей заряжай ружье! —
Волнуясь, шагаю к порогу,
И взгляд мой вперед устремлен.
Вдруг вижу я,
Через дорогу
К воротам идет почтальон.
В чем дело?
Я в эту минуту
Владеть перестал языком.
А пальцы дрожат почему-то,
Конверт открывая с трудом.
Вот бланк — в типографии набран,
А имя вписало перо.
Читаю я:
«...смертью храбрых...»
Сандро! Мой братишка!
Сандро!
— Эй! Нан!
Что случилось, Алеша? —
Мне машет Хамза у дверей.—

Парнишка родился,
Хороший.
Стреляй же, стреляй поскорей! —.
Прочь слезы!
Бумажку скомкав,
Себя пересилив с трудом,
Я крикнул, как надобно,
Громко:
— Будь светлым, наш дом!—
Три выстрела слышит селенье.
Мне плакать сегодня нельзя.
В знак смерти и в честь рожденья
Салют мой трехкратный, друзья!
Пал брат мой в бою,
Но отныне
Он снова живет среди нас.
Ведь жизнь продолжается в сыне,
Родившемся только сейчас.
Сегодня не стану о брате
Вести я с невесткою речь.
Ей боли без этого хватит,
Мне надо ее поберечь.
Письмо я подальше припрячу,
Никто не узнает о нем.
С угрюмым лицом,
Но не плача,
Шагаю я по двору в дом.
А где же племянник мой?
Вот он.
В кого он лицом — не поймешь.
Лежит, в одеяло замотан.
Пожалуй,
На брата похож.
В глазах мальчугана знакомых
Я вижу весенний покой.
Соседи идут мимо дома.
— С племянником, дорогой!—
А в доме полно народу.
На улице тает снег.
И празднует вся природа
Рожденье твое,
Человек!

* * *

Время подобно теченью,
Реке.
Известно еще со времен Гераклита:
Волна оставляет след на песке.
Но вот уже новой волной размыт он,
Дней с рожденья ребенка

Прошло немало —
Десять раз в кувшинах вино поспевало.
Десять раз, десять лет подряд
Наливался у нас виноград.
И мальчик
Для жизни и солнца создан,
Ему мигают ласково звезды,
И ветер поет, проносясь с нагорий:
— Живи, Григорий! Расти, Григорий!—
И он растет,
Смуглокож и тонок,
Входит в просторный мир
Паренек.
Для него растет на лугу жеребенок,
Как сказочный конь араш,
Быстроног.
Во дворе
Ручей «плотиной» запружен.
И разлилась широко вода.
Мальчуган пускает
В океане-луже
Собственной конструкции суда.
А там, впереди, через столько-то лет
Ждут, быть может, тебя, Григорий,
Рубка на большом корабле
И настоящее море.
Живи!
И мальчик живет, подрастая.
Над ним кружит голубиная стая,
Над ним, как мачты, качаются сосны,
Над ним шумят, пролетая, весны.
Под ним земля, родная, большая,
Потоки гремят, голоса заглушая.
Под ним ущелья, тропы оленьи
И где-то в тумане, в долинах, селенья.
Я вижу — Григорий идет дорогой
С ватагой сверстников босоногой...
Все ниже солнце.
Готовы уроки.
Ребята выходят на луг широкий.
Я вижу — насыпь к запруде тянется,
Дамба теченью наперерез.
Ребята строят «электростанцию»,
Почти такую же, как Сухумгэс.
Речушка мелка, плотина мала,
Но впереди — дороги и сроки,
Где ждут ребят большие дела
И настоящие стройки...
Вижу я школьный двор.
Перед школой
Выстроились ребята.
Развевает ветер веселый

Флаг на шесте крылатый.
Красные галстуки гладит ветер,
Приморский, солоноватый.
Стоят в строю советские дети
Торжественно, как солдаты.
Над их головами,
Со знаменем вровень,
Небо плывет голубое.
И знамя и галстуки —
Цвета крови
Погибших на поле боя.
Строй рук загорелых в салюте поднят,
Взлетев голубиной стаей.
Товарищи!
Мой племянник сегодня
В ряды пионеров вступает.
Я вижу — он идет перед строем,
Идет уверенным шагом
И красному знамени, как перед боем,
На верность дает присягу.
Звучит она, словно клятва солдата,
И вторят ей сотни сердец.
Так родине клялся когда-то
Погибший на фронте отец.
Он знамени честь и славу
Не уронил в бою.
И сын занимает по праву
Отцовское место в строю...
Мой брат... Он погиб, сражаясь
За будущее земли,
Чтоб снова взошли урожаи;
Чтоб дети спокойно росли.
На высоте безыменной
Простая могила бойца...

И не один мой племянник
Сегодня растет без отца.
Мой маленький милый Григорий
Идет по дороге земной,
Но ветер подул из-за моря,
И снова запахло войной.
Мне вспомнились
Наши
Когда-то
Разрушенные города.
Я помню...
Я — брат солдата.
Послушайте!
Вы, господа!
В песках мы каналы прорoем,
Сады разведем средь степей,
Университеты построим...

Все это для них —
Для детей.
Ведь дети — грядущее наше,
А вы...
Вы грозитесь опять
Весь мир, все живое взорвать.
Но знайте —
Нам гром ваш не страшен.

И будет над нашей страною
Всегда голубым небосвод.
Штыка острие стальное —
Испытанный громоотвод!

1953

Константин Ломиа
(Родился в 1927 году)

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ
Шла девушка мимо... «Спросить или нет?»
— Какая тут площадь? — я бросил ей вслед.

И, брови подняв, обернулась она,
Взглянув на меня, улыбнулась она.

— Неужто, товарищ, не знаете вы?
Ведь площадь Арбатская в центре Москвы!

— Вас, девушка, мой удивляет вопрос?
Впервые увидеть Москву привелось...

— Простите меня!— извинилась она,
И быстро с толпой удалилась она.

...Я шел, восхищаясь столицей Земли,—
Со звездами башни возникли вдали.

Широкая площадь. На ней Мавзолей,
Суровая строгость зеленых ветвей...

И дума глубокая в сердце вошла,
В далекое детство меня увела.

И тотчас я Красную площадь узнал,
Хотя я впервые ее увидал.

Взглянув на нее, ошибиться нельзя —
Кто Красную площадь не знает, друзья?

1950

ТЕПЛЫЙ ГОРОД

Лежат снега суровые.
В полях московских тишь.
Сосульки двухметровые
Свисают грозно с крыш.
Упрятали от холода
Мы руки в рукава,
Но нет на свете города
Теплее, чем Москва.

Живет за океанами
Немало городов
Под пальмами, лианами,
Средь солнечных плодов.
Но люди в муках голода
И там твердят слова,
Что нет на свете города
Теплее, чем Москва.

Немало нами пройдено
Метелей, бурь и вьюг.
Всегда нас грела родина,
Как самый верный друг.
В ней урожаев золото
И неба синева.
И нет на свете города
Теплее, чем Москва.

1951

В РЯДАХ МОСКВИЧЕЙ

На улице Ленина в полдень погожий
На майских знаменах сверкали лучи.
Сухуми в цветы разодет был, и все же
Завидовал вам я, друзья-москвичи.

Товарищи детства, которых дороже
Не сыщешь, с которыми все пополам.
Шагали со мною бок о бок, и все же,
Друзья-москвичи, я завидовал вам.

Имел я на это особое право:
Я с детства мечты не знавал горячей.
Сегодня иду я Москвой величавой
На Красную площадь в рядах москвичей.

Ее заслоняют знамена, алея.
Еще я ногой не ступал на нее,
Но взгляд мой прикован уже к Мавзолею,
К трибуне приковано сердце мое.

http://apsnyteka.org/

Что может отвлечь меня в эти мгновенья.
Что может наполнить мечтою иной!
...Весь день бы я так простоял, без движенья,
Но помню о тех, кто шагает за мной.

1962

ПОТОК ЛЮБВИ

Я видел, как поток бурливый,
Когда обрушился обвал,
Вдруг повернул неторопливо
И путь другой себе избрал.
Но знаю я, что нету силы
На свете ни в каком краю,
Чтобы поток остановила,
Что обращен к Москве, к Кремлю.
Поток могучий, полноводный —
Поток любви, любви народной.

Я знаю: реки, что весною
Гудят, бурлят в разливе вод,
Декабрь оденет пеленою
И закует их в звонкий лед.
Но пусть зима скует просторы,
Ни декабрю, ни февралю
Не заковать поток, который
Бежит к Москве, спешит к Кремлю.
Поток могучий, полноводный —
Поток любви, любви народной.

Я слышал в школе на уроке:
Рек желтоватая вода
Под солнцем Африки жестоким
Вся высыхает без следа.
Но нет нигде такого зноя,
Который высушить бы мог
Бегущий солнечной страною
К Москве, к Кремлю любви поток.
Поток могучий, полноводный —
Поток любви, любви народной.

Поток могуч так оттого,
Что он согрет большой любовью
Сердец пульсирующей кровью,
В нем нашей силы торжество.
Через моря, через границы,
Как полноводная река,
Поток спешит к Москве-столице,
Где нашей партии ЦК.

http://apsnyteka.org/

1952

ЗЕМЛЯКИ

Весною ранней под Москвой,
Лучами ослепленный,
Я шел по тропке полевой,
Едва-едва зеленой.

Все краски были так чисты —
Кавказская погодка!
И солнце било с высоты
По нас прямой наводкой.

Я под московским солнцем шел,
Под ясным небосводом,
В колхоз соседний «Комсомол»
К девчатам-садоводам.

Я крикнул им:
— Привет друзьям!
Я к вам из дальней дали... —
А девушки в ответ:
— Салам!

Тебя давно мы ждали. —
— Случилось что-то?
— Пустяки! —
И тут сказали сразу:
— Твои в колхоз наш земляки
Приехали с Кавказа. —
— А где я их сейчас найду —
Грузинских делегатов? —
— Они сейчас у нас в саду, —
И прыснули девчата.

Подумал: шутят надо мной,
Но все ж пошел за ними
На встречу с Грузией родной,
С гостями дорогими.

Поедем вместе мы в Москву,
Им покажу столицу,
Где я три года как живу,
Где три еще учиться.

Пока мечтал я,
Мы в саду
Колхозном оказались.
— Где ж земляки, я не найду!
А девушки смеялись.

И тут блондинка-агроном
Сказала только фразу:
— Ты видишь, саженцы кругом, —
Вот земляки с Кавказа!

Узнал я цвет их стебельков.
Цветите на здоровье!
Как рад абхазцев-земляков
Я встретить в Подмосковье!

1952

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО

Сердце билось радостно недаром —
Вот оно — письмо твое, Ламара;
Всю неделю — знаешь и сама —
Всю неделю не было письма.

Как я ждал его в часы ночные —
Улицы запомнят это пусть!
Только я и точки с запятыми
Выучу, наверно, наизусть.

Пишешь ты, что встреча наша скоро,
Что в Москве хотела б побывать,
Что теперь смогу я целый город
Как москвич, пожалуй, показать...

Очень мне тебя увидеть надо —
Не дождусь, когда же мы вдвоем,
Может быть, на месяц или на два
В горы летом нынешним уйдем.

Только вот когда в Москву, родная,
Мы приедем — видно, я сперва
Многих улиц просто не узнаю —
Каждый день меняется Москва!

1952

СИНЕЕ МОРЕ

В горах любил я лазать,
Когда мальчишкой был:
И красоту Кавказа
И высоту любил.
Любил, бывало, с дедом
Шагать по целым дням
По камешкам нагретым
И ледяным ручьям.

Однажды мы спускались
По склону с ним вдвоем
И в полдень оказались
На берегу морском.
Между горой и синей
Безбрежной широтой,
Колючками щетинясь,
Тянулся лес густой.
Дед, оглядев безмолвно
Вскипающий простор,
Промолвил:
«Скоро волны
Дойдут до самых гор».

Коль дед бы жил на свете,
Он мог бы увидать,
Как внуки волны эти
Сумели обуздать.
Они стену стальную
Воздвигли у волны,
И брызги врассыпную
Летят от той стены.

Но все же вспомнил вскоре
Я дедушки слова —
У гор бушует море,
Сияет синева.
Под самыми горами
Не лес ютится, мглист,
А синими волнами
Сверкает чайный лист.

1953

ГОСТИ СУХУМИ

Люди навстречу идут.
Улицы в праздничном шуме.
И забывается тут —
Это Москва иль Сухуми?
Кожа у встречных темна,
Стала совсем золотою,
Будто бы озарена
Южной вечерней зарею.
Морем и солнцем своим
Издавна славен наш город.
Только не этим —
Другим.
Он мне особенно дорог:
Можно в Сухуми родном
С родиной всей повстречаться.
Поговорить с москвичом,

Руку пожать ленинградцу.

1953

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ДЕНЬ

Тишина.
Обыкновенный день.
Всю природу охватила лень.
Солнце проникает в глубь ущелий.
Я три года не видал Ткварчели.

«Там за поворотом есть хребет...»
Но хребта за поворотом
Нет.
Точно помню: был он.

Что за чудо —
Взял хребет
Да и ушел отсюда.

А машина молнией летит
Между гор по новому пути.

Ясный день.
Ни облака, ни тучи.
В воздухе прозрачном вижу кручи.
Вдруг почудилось издалека —
На одну присели облака.

Не могу найти я объяснений
Этих фантастических явлений.
Что за необыкновенный день!
Коротка полуденная тень.
Спутник улыбается слегка:
«На скале дворцы, — не облака».
Разглядел я в солнечном просторе
На вершине белый санаторий.

Спутник улыбнулся:
«Нет хребта?..
Он ушел на новые места».
Что за чудо?
Скалы вековые
Мы уже взрываем не впервые.
И дворцы у наших деревень —
Это наш обыкновенный день.

1952

ЧЕРНОЕ МОРЕ

Нависли скалы над экспрессом,
Их обволакивает дым.
И мы под каменным навесом
Вдоль моря Черного летим.

Родное море!
Мы с тобою
Уже не виделись давно.
Ты снова светлой синевою
Летишь в вагонное окно.

Тебя я помнил неизменно
У северных далеких рек.
И мне твоею белой пеной
Казался подмосковный снег.

А на украинском просторе,
Волнами плавно шевеля,
Передо мною, словно море,
Неслись безбрежные поля.

Но, наконец, передо мною
Не снег, не лес и не жнивье,
А море Черное родное,
А море синее мое.

Ты отражаешь скалы, тропы,
Старинный парк, рыбачий дом,
Но я уверен — небоскребы
Заблещут в зеркале твоем.
И нам, что здесь трудом упорным
Зажгли повсюду новый свет,
Хоть ты давно зовешься «Черным»,
Светлее моря в мире нет!

1952

* * *

Образ милой зачеркнуть пытался,
Говорил себе наедине:
С нею наконец-то я расстался...
Но она опять была во мне.

Никуда мне от любви не деться,
Ждет она
И манит впереди,
И любовь не выгонишь из сердца,
Как не вырвешь сердце
Из груди.

1955

ГОРЬКИЙ НА БЕРЕГУ КОДОР-РЕКИ

Лесом оторочены крутые
Склоны возвышающихся гор.
А со склонов катятся седые
Пенные валы реки Кодор.

Может быть, у этого гранита,
Что и в знойный полдень холодил,
Воду пил волжанин басовитый,
Знаменитый странник проходил.

Может быть, к абхазскому джигиту,
Что ютился в пацхе небольшой,
Заходил волжанин басовитый —
Странник с необъятною душой.

Этого не помнит мой ровесник,
Но рассказывают старики,
Как прошел здесь русский буревестник
Над ущельем у Кодор-реки.

Слышал я: еще в начале века
Побывать в горах ему пришлось;
Может быть, «Рожденье человека»
В этой ветхой пацхе родилось.

1956

ДМИТРИЮ ГУЛИА ...

Седины ваши,
Как снега
На гребнях древних гор.
Размерен шаг,
Тверда рука,
Орлиный взор остер.
Некраткий прожит вами век,
Но все ж не от годов
На волосах белеет снег,
А от больших трудов.
Не поднимая головы,
Трудились вы не год.
Абхазской первой букве
Вы
Открыли путь вперед.
Абхазской первой книге
Вы
Открыли путь в народ.
Пусть ваши песни родились
В Абхазии родной,

Они давно,
Поднявшись ввысь,
Слышны над всей страной.
Я пожелаю вам одно:
Не умирать, пока
Жить вашим песням суждено,
А значит —
Жить века.

1954

ГОЛОС МАТЕРИ

Небо рушилось,
Гремело,
На мгновение
Немело
И светлело,
Словно в полдень,—
Мир грозой был
Переполнен,
Блеском.
С листьев кукурузы
Капель скатывались
Бусы.
Дождь,
Как пролетевший конник,
Тарахтел о подоконник.
Он звучал,
Тревоги полный,
Он летел
Из окон дома,
Заслоняя
Вспышки молний.
Ливня шелест,
Грохот грома.
Голос матери,
Чуть слышный,
Веял нежностью давнишней,
Раздаваясь по соседству,
Увлекал он память
К детству.
Через кисею
В овале
Ливни
Небо линовали.
И, склонившись прядкой белой,
Мать моя
Мне песню пела.

1952

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сын ни шагу еще
В жизни не шагнул,
Задышал горячо,—
Кажется, уснул...

Но поет ему мать
Песенку свою:
«Ши, нани, таати,
Баюшки-баю».

Только маленький сын
Вырос, не шути,
Даже может один
До дверей дойти.

Но поет ему мать
Песенку свою:
«Ши, нани, таати,
Баюшки-баю».

Дом оставил родной
Юноша-джигит.
Перед ним путь иной —
Шар земной лежит.

Но поет ему мать
Песенку свою:
«Ши, нани, таати,
Баюшки-баю».

1951

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ

Деревья никнут
Осенним днем,
И крепость рушится
Под огнем.

И лишь к отчизне
Любовь одна
Неувядаема
И прочна.

С любимой можешь
Расстаться ты,
И потускнеют
Любви черты.

И лишь к отчизне

Любовь всегда
Неистребима
И молода.

Когда отправишься
На войну,
Оставишь дома
Детей, жену.

И лишь к отчизне
Любовь
С тобой
Пойдет на подвиг,
На смерть, на бой.

1952

* * *

Я был разбужен среди ночи в тишине
Каким-то отзвуком, промчавшимся в окне.
Уже с голубизной перемешалась мгла,
Уже к рассвету ночь на полпути была.
Дым паровоза тьму ночную бороздил —
Так вот чей звук меня средь ночи разбудил!
Я, распахнув окно, вгляделся в синеву.
Я сердцем угадал: состав летит в Москву.
Москва! Мой дом второй! Он ждет меня всегда.
В Москву мои мечты летят, как поезда.
Сливается в Москве поток народов, стран.
Я капелькой хочу упасть в тот океан.

1956

МАЯКОВСКИЙ С НАМИ

Слово Маяковского — оружье —
С нами, неизменное, везде.
У народа нашего на службе,
Вдохновляет в битвах и в труде.
Он людей на труд и подвиг поднял,
Он в сердца стихом своим входил,
И не только обогнал Сегодня,
Даже Завтра он опередил.
Он в сердца бросал за словом слово,
Как бросают зерна в борозду.
И сейчас я в урожае новом
Всходы слов его всегда найду.
Мы плывем по океану жизни,
Мы идем по трудному пути.
Но и в новом дне при коммунизме

Будет с нами в ногу он идти.

1954

НОВАЯ ВЕТКА

Строим мы дорогу в Акармару,
Где промчится с грохотом состав,
Дрогнула гора, как от удара,
Голос человека услыхав.

Сотни лет один рожок пастуший
С горною беседовал рекой.
Кто же вдруг осмелился нарушить
Этот нескончаемый покой?

«Кто вступил в единоборство с нами,
Копошится что за мелюзга?!» —
Возмущались горы.
И с горами
Возмущалась речка Галидзга.

Возвышались в небе недвижимо
Грани фиолетовые гор.
А строитель глянул на вершину
И вступил с тысячелетьем в спор.

Галидзга, летящая бурливо,
Вздрогнула от новых ветерков,
И взлетели облака разрывов
Выше настоящих облаков.

Ночь уже к вершинам прикасалась,
Но когда немного рассвело,
То одной скалы не оказалось
И другую начисто смело,

И куда могла бы третья скрыться?
Белый дым ущелье устилал,
Экскаватор, как железный рыцарь,
Над равниной каменной стоял.

Склоны стали серыми от пыли,
Проплывал туман над Галидзгой,
И гора с горою говорили,
Собственной встревожены судьбой:

«Нам не суждено ли оторваться
От земли, рассыпаться песком?..»
Но состав окликнул акармарцев
Тонким торжествующим гудком,

И в горах остановился поезд —
Тот, что не бывал здесь никогда,
Окруженный праздничной толпою,
Ставшей у дороги в два ряда.

Словно головной боец разведки,
Встав над покоренной крутизной,
Прибыл он сюда по новой ветке,
Как ее строители, стальной.

Сквозь гранит несутся эшелоны,
Это было сказкою вчера,
Замерла гора ошеломленно,
Удивленно замерла гора.

От вершины, дремлющей под снегом,
До подножья, где туннель пробит,
Замерла гора пред человеком,
Перед волей крепкой, как гранит,

И глядит, как через мост узорный,
От далеких круч невдалеке,
Словно всадник, по дорого горной
Мчится поезд в белом башлыке.

1954

ФОРМПРОВЩИЦА ЧАЯ

Ачах, ачах,
Ачах, ачах —
Сверкают ножницы в лучах,
Несется ветер,
Солнце жжет,
Но листья девушка стрижет.
Голубоватый воздух чист.
Скрипит под ножницами лист.
Они мелькают по рядам —
Проворство их не передам.
За нею,
Где она прошла,
Тропа зеленая легла.

И скоро майские цветы
Осыплют девичьи следы.
Шагает девушка вперед,
Стрижет,
Стрижет,
Стрижет,
Стрижет.
Лишь косы пляшут на плечах —
Ачах, ачах,

Ачах, ачах.

1952

ГОЛОС ГНЕВА

Перечел я историю нашей земли —
Той земли, где родились с тобой и росла,
Будто сам прошагал по путям старины —
По истории многострадальной Апсны.

Эта книжечка на удивленье тонка,
А в нее уместились страданий века.
Из нее я узнал, кто такой янычар,
Как турецкое иго мой прадед встречал.

И нашествие римлян и Персии гнет
На себе испытал мой абхазский народ.
Много черных гостей побывало у нас,
И абхазские села горели не раз...

Мне случилось родиться в счастливой стране.
Я из книги узнал о глухой старине.
Но над прахом героев у древних могил
Перед мужеством голову вновь я склонил:

Стать готов за свободу отчизны стеной —
Мне известно, какой она бралась ценой.

1951

ПЕСНЯ В ЭФИРЕ

Я в Москве, далёко от Сухуми,
Около приемника сижу
И в эфире, в стоязыком шуме
Песенку родную нахожу.

Песенка абхазская несется
Русскою суровою зимой,
Будто бы согретая на солнце
И морской омытая волной.

Сразу узнаю ее по фразе,
Ручку осторожно подкрутив,
А ведь в ту минуту на Кавказе
Русский разливается мотив.

И ему, что напевала вьюга
В снежной и морозной синеве,
Так же вольно над равниной юга,
Как абхазской песенке в Москве.

1952

МАТЬ
Помню детство:
Ушел я с ребятами в лес,
На вершину высокого дерева
Влез.

На дороге стояла
До вечера мать,
Не устала
Глаза она к небу вздымать.

На дорогу смотрела
Она сквозь туман
И шептала:
— Скорей
Возвращайся, мой нан.

А сейчас
За окошком бушует зима,
В белоснежных папахах
Застыли дома.

И снежок
Под ногами прохожих
Хрустит.
Я далеко от дома,
Но мать не грустит.

Шлет веселые письма:
«Сынок, приезжай —
В это лето у нас
Неплохой урожай.

Будешь яблоки кушать,
Сушеный инжир,
Пить вино молодое,
Что знает весь мир...»

Пишет о винограде,
Лимонах, айве.
И спокойна:
Ведь я
Очень близко—
В Москве.

1952

У СТАРШЕГО БРАТА

«Как там твоя сторонка горная,
Как сам живешь и как родня,
Как поживает море Черное?»—
Он стал расспрашивать меня.—

Как бродят вина в тюрьмах глиняных
И какова морская зыбь,
И правда ли,
Что в трубы вклинены
Речушки Кодор наш и Бзыбь.

Предвидятся ли дни удачные,
Плоды обильные суля,
Как там плантации табачные
И кукурузные поля?»

А я его — про зиму вьюжную,
Про белопенные снега,
Похожа ли на реки южные
В гранит одетая река?

Он полюбил мой климат ласковый,
Я ж — землю, где родился он.
Он — в лето жаркое, абхазское,
Я — в зиму русскую влюблен.

Люблю в снегу тропинку узкую,
Походку лыжников-ребят
И крепкую погодку русскую,
Такую ж,
Как мой старший брат.

1953

МЫ О ЛЮБИМЫХ ВСПОМИНАЛИ

Сидел я как-то у соседа,
Веснушчатого паренька,
И медленно текла беседа,
Как за окном Москва-река.

Мы о любимых вспоминали.
Он о своей поведал мне,
А я о той,
Что в дальней дали
В моей гористой стороне.

Всегда на счастье получалось,—
Хоть я нередко был в пути,—
Она со мной не разлучалась,
Я от нее не мог уйти.

В Москве
Или в степях Алтая—
Всегда,
В метелицу и в зной,
Абхазии не покидая,
Она везде была со мной.

1951

ВЕЧЕРОМ НА ЛЕНИНСКИХ ГОРАХ

Я на Ленинские горы
С удивленьем поднялся;
Моему предстала взору
Панорама неба вся.
Разлились огни ночные,
Миллионы звезд зажглись.
На мерцанье их впервые
Я смотрел не ввысь,
А вниз.
Показалось, что рокочет
Самолет в небесной мгле,
Или, может, это летчик
Разъезжает по земле?
Или речка подо мною,
Или неба полоса?
Неужели я с землею
Перепутал небеса?
Но небесные просторы
Мне яснее стали тут:
Не напрасно эти горы
Имя Ленина несут.

1952

НА БЕРЕГУ ВОЛГИ

Я встал
И вышел на рассвете
Туда,
Где зыбкая вода,
Чуть успокаивался ветер,
Выравнивалась, как слюда.

Воскликнув: «С добрым утром, волны!»
Песчаный пробежав откос
И наклонившись,
Горстью полной
Я Волгу всю к глазам поднес.

Она светилась.

Под водою
Дрожала дном речным ладонь.
И в каждой капле предо мною
Жил электрический огонь.

Когда-то прадеды, наверно,
На плоскодонном челноке,
Покачиваясь равномерно,
Великой молвили реке:

«О Волга, Волга, мать родная,
Ты гонишь плот, ты поишь рожь,
Волной на солнышке играя,
Как много ты воды несешь!»

Но годы шли —
Бои, победы...
И видится от них вдали
Все то, что прадеды и деды
На Волге видеть не могли.

Настали времена иные,
И произносит молодежь:
— Великая река России,
Как много света ты несешь!

Пройдут года.
И внук иль правнук,
Ступив на этот же песок,
Увидит в этих водах славных
То, что увидеть я не мог.

1952

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

На крыше облака присели отдохнуть,
Высотной стройки гул
В небесных высях тонет.
Здесь мысль всегда ясна,
Вольнее дышит грудь.
Отсюда вся Москва видна как на ладони.

Не только вся Москва:
Вот с четырех сторон
Открылась мне страна,
Как будто бы впервые
И волны волжские несутся в тихий Дон,
И у Днепра шумят посевы золотые.
Отсюда виден мне
Отважный город наш...
Вот новые дома,

Проспекты Сталинграда.
Отсюда виден мне:
В песках Тахиа-Таш,
Пустынные пески,
Что скоро станут садом.
Нефтяники Баку,
Донбасса горняки
Отсюда мне видны,
И на родном просторе
Уже блестит волна стремительной реки,
Что влагу принесла в столетний зной Самгори,
Карпаты и Памир,
Да разве я могу
Здесь все назвать,
Что вдруг открылось предо мною.
На верхнем этаже гиганта МГУ,
Где облака могу коснуться я рукою.

* * *

Аудитории пока еще пусты,
Но испытал я радость миллионов,
Что в жизнь войдут вот с этой высоты,
Московским ярким солнцем озаренной.
Диплом я защищаю,
Но грустить
Мне хочется,
Я этого не скрою,
Ведь не придется мне сюда входить
С веселою студенческой семьею.
А я б готов —
На первый курс опять,
Чтоб ждал меня дворец, от солнца розов.
Да что там я!—
Готов пари держать:
Случись ему такое увидать,
За парту б сел Михайло Ломоносов.

1952

ВРЕМЯ ПРИШЛО

Светлее родника ее лицо,
А талию проденешь сквозь кольцо.
И сердце птицей с некоторых пор
Из клетки-дома рвется на простор.

У зеркала, кудряшки теребя
(То их назад отбросит, то — вперед),
Не может насмотреться на себя:
«Да неужели зеркало не врет?»

А мать кричит ей, потревожив тишь:
«Ты целый день у зеркала стоишь!»
И девушка, немного покраснев,
Лукаво отвечает нараспев:

«Наверно, время, мамочка, пришло...»—
И в сад бежит.
Мать смотрит ей вослед,
Как девушка летит через село.
«Пришло! Пришло!»—
Сомненья в этом нет.

1950

НОВЫЙ ГОД

Остались минуты. Все стихло в дому.
Друзья! Приглашаю к столу моему.
Где б ни были, помним мы все о былом,
И мысленно вместе сейчас за столом.
Мы проводы старого года начнем,
Мы с гордостью в будущем вспомним о нем.
Его все труды охватить не могу —
У родины он не остался в долгу.
Я с ним расстаюсь, без него остаюсь,
Невольная сердца касается грусть.
Немалый он путь прошагал, и потом
На полки Истории станет, как том.
Листаю недели его, месяца.
И, перелистав, дохожу до конца.
Я книгу закрою сейчас, по пока
Последняя передо мною строка.
Теперь не пройдет и пяти минут,
Куранты пробьют, прозвенят, пропоют.
С последним ударом их в дом наш войдет
Заманчивый, новый, неведомый год.
Он будет нехоженый, как целина,
Куда не ступала нога ни одна.
Как первый весенний пробившийся лист,
Как юноши сердце, нетронут и чист.
И если б куранты спросили, звеня,
Какое желание есть у меня,
То я б им ответил среди тишины:
Хочу, чтобы не было в мире войны,
Чтоб бомбы сложили в военный музей —
Любой экскурсант, на здоровье, глазей!
А все бомбовозы, что мчались в ночи,
Возили бы доски, цемент, кирпичи.
А танки, что людям грозили вчера,
Ходили б на пахоту, как трактора.
Все это увидеть бы в новом году —

Важнее желания я не найду.
И рад я и горд я, что с первого дня
Народы всех стран поддержали меня.

1955

СЛОВО О ЛЮБВИ

Пологие склоны горы
Окрашены густо зарею,
Как будто под вечер костры
Зажгли за Сухумской горою.
Сидели мы с другом вдвоем,
Что к нам из села возвратился.
Расспросы о том да о сем,
И первый вопрос: «Не женился?»
— Да, нет, не такой я простак, —
Сказал он, — спешу я не очень,
Как прежде, пока — холостяк,
Пока не женился, но впрочем...
Он, что-то еще собираясь сказать,
Хихикнул блудливо и тонко,—
— А впрочем, пожалуй, я в жены бы взять
Не прочь городскую девчонку.
А твой как совет?— И товарищу я:
— Женись, если любишь,— ответил.
А он: — Но при чем же любовь здесь моя,
Еще я невесты не встретил.—
— Откуда ж ты знаешь,— я был удивлен,—
Что будет она городская?—
— А что ж, деревенская?!— вымолвил он,
Как будто меня упрекая.
— Любви не прикажешь,— сказал я в ответ
И глянул на друга несмело,
В глазах его вспыхнул насмешливый свет
— Любви? Но любовь устарела!
Ты — несовременен, ты, вижу, отстал,
И, надо сказать, безнадежно.
У автора — прошлого века — читал,
Что «вечно любить невозможно»?—
Стемнело. Взглянув на него, впереди
Во мгле не увидел лица я.
Я понял: у парня не факел в груди
А тусклая лампа мерцает.
И пусть современней, чем факел, она,—
Душа у него безнадежно темна.

1956

Киршал Чачхалиа
(Родился в 1918 году)

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

— У тебя зарделись щеки,
Янтарем горя.
Путь твой близкий ли, далекий
Ясная заря?

— Ты стоишь на горном склоне,
Просишь: отвечай!
Сам же видишь,
Я зеленый
Собираю чай.

— Я на свет смотреть не в силе,
Дай ты мне ответ:
Это солнце светит
Или
Глаз лучистых свет?

Ты скажи мне только слово.
Правду говоря,
Я не видывал такого
Прежде
Янтаря.

И взглянул бы я с охотой
На янтарь такой,
Что играет позолотой
Под твоей рукой.

А девчонка отвечает:
— Солнце для красы
Золотит на листьях чая
Капельки росы!

1938

НОЧЬ

Темный полог неба вышит
Звезд резьбою золотой.
Он спустился плотной крышей
Низко так, что звезды слышат,
Как шумит морской прибой.

Горы, реки и долины
Тоже слышат этот шум,
А деревья-исполины,
Что стоят у моря чинно,
Навевают столько дум!

Если солнца луч суровый

Обожжет газоны, ты
Под своим прохладным кровом
Освежишь убранством новым,
Напоишь росой цветы.

А луна немолодая
Выйдет, словно на парад,
И застынет, наблюдая,
Как меж темных гор блуждая,
Ночь, глаза твои горят.

Твой шатер,
Весь мир объемля,
Страны все исколесил,
Посылая сон на землю,
Что в твоих объятьях дремлет,
Набираясь новых сил.

И когда восходит солнце,
Здесь тебя я не найду.
Открываю в мир оконце
И опять навстречу солнцу
На работу я иду.

1946

СОНЕТ

Шелковый башлык взвивает ветер.
И быстрей, чем птица, чем стрела,
Даже без прикосновенья плети
Мчится конь, кусая удила.

«Чоу!» — я выкрикиваю слово,
Улетаю в горы напрямик.
Кто посмеет всадника такого
Приостановить хотя б на миг?!

Но, узнав знакомые угодья,
Я невольно натянул поводья,
Приостановил лихой полет.
Здесь промчаться — тщетные попытки!

Не могу я миновать калитки,
Где моя любимая живет.

1946

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Дробно ноги
По дороге

Весело стучат.
Как шагают,
Как сияют
Шестеро ребят!

Видят мамы:
Младший самый
Гордо впереди,
Не отстанет,
Шаг чеканит,
Словно командир.

Мчись быстрее
По аллее,
Ведь зовем не зря
Мы твой праздник,
Первоклассник,
Первым сентября.

В ранце книжки
У мальчишки,
Огоньки в глазах.
У девчонки
Косы тонки,
Банты в волосах.

Показался
За оградой
Школьный сад вдали,
Оробели,
К школьной двери
Тихо подошли.

Возле школы
Двор был полон —
Песни, беготня.
Возле дома
Шум и гомон
Праздничного дня.

А над школой
Звон веселый
Трелью золотой.
Двери — настежь...
Сколько счастья
Есть в минуте той!

1954

ДИРЕКТОР МИХА

Новый наш директор Миха

Заседать умеет лихо.
Наступает утро раннее,
Собирает он собрание.
Днем спешит на заседание,
Чтоб успеть без опоздания.
Поздно ночью на прощание
Созывает совещание.
Обобщать он любит факты,
Изучать доклады, акты.
Сам всегда он сделать рад
Обстоятельный доклад.
Нелегко ему, бедняжке,
Без цитаты, без бумажки.
Вечно занят аппарат
Изучением цитат.
За цитату аппарату
Ввел он сдельную зарплату.
Тем, кто трудится внештатно,
Тоже платит поцитатно.
Пулеметы-дыроколы
Подшивают протоколы.
Так велит директор Миха...
А в делах неразбериха!
Языком он, словно мельник,
Мелет целый понедельник.
Словно мастер-разговорник,
Выступает он во вторник,
А потом ведет беседу
От утра до ночи в среду.
В сон глубокий всех поверг
На собрании в четверг.
Так же в пятницу, в субботу
«Проворачивал» работу.
Есть у многих опасенье:
То же будет в воскресенье.
Разобраться если строго,
Разговариваем много,
И отчетности страницы
Разлетаются, как птицы.
Вот бы вместе с ними лихо
Вылетел директор Миха!

1954

СЛУЖБА ЧИРА

Расскажу я вам о Чире.
Он прославлен, наконец.
Это тот, что в Очамчире
Строил мраморный дворец.

У дворца — зеленый садик.

И куда ни кинешь взор,
Там хурма и виноградник,
Крепостной глухой забор.

Тонут в комнатах ботинки
В ворсе пышного ковра.
Всюду в рамочках картинки,
Серебро и баккара.

Кто же он? — читатель спросит.
Кто такой содержит двор?—
Этот Чир работал в ОРСе.
Должность?
Должность — просто вор.

Но ворам у нас недолго
Пить вино и есть хурму.
Им одна дорога только —
И ведет она в тюрьму.

Вот и Чиру был, конечно,
Нанесен такой удар,
И жена его поспешно
Носит вещи на базар.

Где у дома за оградой
Зреет крупный виноград,
Стал тот сад
Не просто садом,—
Там открылся детский сад.

Пусть об этом тот узнает,
У кого вся жизнь — обман,
Кто, как в свой карман,
Влезает
В государственный карман.

1952

ТУСКА

Хотя с тобой я не встречался, Туска,
Но все равно с тобою я знаком.
Хвостом виляешь,
Словно трясогузка,
Кусаешься
И лижешь языком.

Ты хорошо улавливаешь запах.
Когда тебя хозяин забранит,
Ты ходишь перед ним на задних лапах
И принимаешь вмиг покорный вид.

Для виду даже можешь бегать шибко...
Как ни хитри,
А все ж пришла пора,—
Хозяин понял, что была ошибка,
И вот тебя он выгнал со двора.

Ты бродишь,
Ищешь кости на закуску,
Никто не посочувствует в беде.
Я у прохожих спрашивал про Туску,
Но о тебе не слышали нигде.

Среди людей
Бывают тоже Туски.
Я с многими из них давно знаком:
Хвостом виляют,
Словно трясогузки,
Кусаются
И лижут языком.

И хорошо улавливают запах...
Сказал бы я такому подлецу:
«С портфелем ходишь ты на задних лапах,
А это человеку
Не к лицу!»

1953

МАЛЮТКА ЛАЛА

Спит малютка безмятежно
В легонькой простынке.
Тело — бархат белоснежный,
Волосы — пушинки.

А сквозь штору
Еле-еле
Солнца луч прокрался,
На ковре у колыбели
Зайчик разыгрался.

Видно, хочет шустрый зайчик,
Чтоб малютка Лала,
Протянув к нему свой пальчик,
С зайчиком играла.

Мать подходит на минутку
Тихо к колыбели,
Чтобы спящую малютку
Покачать в постели.

Мать все утром напевала,
Дочку лаской грея:
«Спи, моя малютка Лала,
Подрастай скорее».

Мать с отцом полны заботы...
Дети, вырастая,
Водят в небе самолеты
Быстрокрылой стаей.

1953

ПРИЕЗЖАЙТЕ ОТДЫХАТЬ!

Природа щедрые подарки
Готовит вам по берегам.
Здесь вечно солнце светит ярко,
Оно улыбку дарит вам.

Им вся Абхазия согрета,
Она цветет в семье большой.
Вы приезжайте к нам на лето,—
Здесь гостю будет хорошо.

Немало родников лечебных
Струится, пенясь, с высоты.
Сильней советов всех врачебных
Вас могут вылечить цветы.

Взрывая волны голубые,
В Сухуми к пристани идет
Величественная «Россия» —
Огромный белый пароход.

Здесь будет просоленный ветер
В лицо вам свежестью дышать.
Здесь самый лучший край на свете.
К нам приезжайте отдыхать!

1954

СЕРДЦЕ ГОВОРИТ

Медным тазом
Месяц ровно
Светит в дальнее окно.
Он рассыпал звезды,
Словно
Кукурузное зерно.

С моря дует свежий ветер.
По росе шаги глухи,

И горланят на рассвете
В каждом доме петухи.

Я иду,
Меня в дороге
Застает рассвет опять.
Сердце вновь меня в тревоге
Начинает подгонять.

Все торопит,
Будто где-то
Счастье встречу впереди:
— Ты дождись в пути рассвета,
Отдохни, опять иди!

Я срубил надежный посох,
Словно к счастью
Прямиком
Путь лежит не на колесах,
Не верхом,
А лишь пешком.

Утро.
Мне б остановиться,
Отдохнуть бы...
— Не беда!—
Сердце вновь в груди стучится:
— Утро может повториться,
А вот юность — никогда!

Ты иди с абхазской песней,
День и ночь иди вперед.
Знай:
Умрет и не воскреснет
Тот, кто в жизни лишь берет.

1956

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ ТЫ ЖИЗНЬ...
Жизнь хороша на этом свете,
Недаром так она манит,
Она влечет нас,
Словно сети,
Притягивает,
Как магнит.
Мы неохотно умираем,
И жизнь продлить бы
Каждый рад.
Пускай «тот свет» манит нас
Раем,—
Дороже этот

Во сто крат.

Бывает все-таки, поверьте,
Что только смерть спасает нас:
Жить недостойно —
Хуже смерти
И тяжелой
Во много раз.

Такая жизнь бесчеловечна.
Зато мы говорим порой,
Что только тот жить будет вечно,
Кто умирает
Как герой.

Его повсюду помнят имя.
В сердцах он оставляет след.
Всегда он
Как живой с живыми—
В дни испытаний и побед.

И если жизнь отдашь отчизне,
Погибнешь честно,
Как боец,
Ты причастишься к вечной жизни,
Приняв бесстрашно в грудь
Свинец.

И ничего не будет легче
Того тяжелого свинца.
Ты прожил жизнью человечной.
А этой жизни
Нет конца.

1956

ХОХЛАТКА

Утром мать надела ватник,
Тихо вышла
И в курятник
Приоткрыла дверь.
А петух,
Кричавший поздно
Так, что содрогались звезды,
Замолчал теперь.

Постояла мать,
И вскоре
Куры вслед за ней во дворик
Вышли не спеша.
Нагрузившись быстро грузом

Золотистой кукурузы,
Ходят, чуть дыша.

А одна, склевав немало,
На весь двор кудахтать стала
Громко «куд-куда».
Почему, скажи на милость,
Так хохлатка расходилась,
Прямо хоть куда!

Мать бранить ее не стала,
Лишь назад ее загнала,
Встала на крыльцо.
Мол, не зря клюет хохлатка
Кукурузные початки,
Знать, снесет яйцо.

Только зря она кричала,
Всем покоя не давала...
Правду говоря,
Мы и средь людей встречали
Тех, что о себе кричали,
Как хохлатка,
Зря!

1955

ПЧЕЛА И ЦВЕТОК

— Здравствуй, мой товарищ яркий! —
Говорит цветку пчела.—
Мне весна с тобой подарки,
Как всегда,
Передала.

Чтоб от холода вначале
Не погиб весною ты,
Солнце нежными лучами
Защищало все цветы.

Я, соскучившись за зиму,
Тороплюсь к тебе опять.
Просто мне необходимо
Друга снова повидать.

Ты открой скорей мне дверцу,
Не скрывай душевный жар.
Я тебе открою сердце,
Ведь моя любовь —
Нектар.

А цветок сказал:

— Входи ты.
Рад и я тебе, мой друг.
Кладовые все открыты
Для твоих рабочих рук.

Собери побольше меду,
Песней радостно звеня.
Подари тот мед народу
От себя
И от меня!

1956

ЗИМНЕЕ У’ГГО

Глаза открыло светлое окно,
И в комнате уже не так темно.
Я спрятался от холода в постель,
А за окном бесшумная метель.
Лишь слышен сучьев треск,
Как чей-то вскрик,
Да воробьиный голос:
«Чик-чирик».
Всю землю за ночь снежная метель
Запеленала в мягкую постель.
Земля, заснеженная добела,
Укрывшись теплой шубою, спала.
С утра деревья стройные окрест
Все в белом одеянии невест.
И на снегу среди полей, садов
Ничьих не отпечаталось следов.
Но скоро выйдет в поле человек,
И побегут тропинки через снег.
Потом на склоне гор
В разгаре дня
Пройдет мальчишек парная лыжня.
Но раньше всех во двор я побегу
И первый след оставлю на снегу.

1956

* * *

Босиком я топтал эти травы,
Все цветы изучил наизусть.
На меня молодые дубравы
Нагоняли недетскую грусть.

Покидая родительский дворик,
Я надолго в лесу пропадал
И, засунув за пояс топорик,

Гнезда птиц по пути разорял.

Я колючки рубил по дороге,
Собирал бурелом, сухостой,
Застывал на деревьях в тревоге,
Пораженный земной красотой.

Пробирался по сумрачным чащам,
Словно царь этих призрачных мест.
С сердцем радостным, буйно стучащим
С высоты озирался окрест.

И потом выходил без опаски
К стаду буйволов в темный овраг,
Где играли мальчишки-подпаски
В игры, что не проходят без драк.

Чтоб потом от отца не попало
Мне за руки, разбитые в кровь,
Я смеялся...
Так в детстве бывало.
Это все не повторится вновь.

Хорошо мне теперь оглядеться.
Детство быстро прошло.
Ну и пусть.
Пусть прошло мимолетное детство,
С ним прошла и недетская грусть.

1956

* * *

Цветы в Абхазии цветут.
Цветет Абхазия красиво.
Но также есть колючки тут
И очень жгучая крапива.

Когда желанный гость аридет,,
Его встречаем мы цветами.
Гостей незваных наш народ
Встречает острыми шипами.

Моя Абхазия цветет...
Но без колючек,
Без крапивы,
Что так гостей незваных жжет,
Она была б не столь красивой.

1956

ГАГРА

Гагра, Гагра,
Море света
И небес голубизна.
Берег синий.
В час рассвета
Даль прозрачна и ясна.

В легкой дымке
Гор узоры,
Словно кружево,
Легки.
Для красы надели горы
Снеговые башлыки.

Чайкой,
Пальмой,
Зноем юга,
Видом древних крепостей
И приветливостью друга
Привлекаешь ты гостей.

Море дышит нежной лаской
И не жаль ему тепла.
Щедро
Бронзовою краской
Красит солнце все тела.

Воздух чист —
Само здоровье,
Как у горца чистый взгляд.
О тебе всегда с любовью
Люди нежно говорят.

Гагра, Гагра,
Море света
И небес голубизна.
Берег синий.
В час рассвета
Даль прозрачна и ясна.

1956

ОЖИДАНИЕ

Не спится ей.
Она в тревоге
Вся обратилась в слух.
Шаги как будто на дороге,
Но вечер тих и глух.

Внезапно сбросив одеяло
И подбежав к окну,
Она, продрогшая, стояла,
Смотрела в тишину.

Она стояла у окошка.
И вдруг из темноты
Испуганно метнулась кошка
В соседние кусты.

Она в постель бы лечь хотела,
Укрыться с головой,
Но ждало трепетное тело
Разрядки грозовой.

Грозою выхвачен из мрака
Был уголок окна,
Потом залаяла собака,
И снова тишина.

Она не знала:
Ну откуда
Сюда прийти он мог?
Но, может быть, свершилось чудо,
Он незаметно лег?

Но где же он?
Она стояла
И, повернувшись вдруг,
Стащила на пол одеяло,
Преодолев испуг.

А тут опять в мгновенье ока
Ударил грозный гром.
Ей очень страшно,
Одиноко.
И ни души кругом.

1945

ЭХ, МАХАЗ, МАХАЗ!.
Здесь прошло его детство.
Он сидит у крыльца
Той избы,
Что в наследство
Получил от отца.

Время тянется тяжко.
Развалился забор,
И старуха дворняжка
Смотрит грустно во двор.

Нелегко ей на свете.
Здесь дворняжка живет
Как невольный свидетель
Всех семейных невзгод.

Никто в гости но едет,
Тишина, пустота.
Подманили соседи
От Махаза кота.

И лишь слышно из мрака,
Как, спугнув тишину,
Вечерами собака
Заскулит на луну.

И зимою и летом,
Ты один, как сейчас.
И родители в этом
Виноваты, Махаз,

Так как ты на досуге
Часто слышал от них
То, что самый в округе
Ты завидный жених.

Все как будто в порядке,
Ты одет был и сыт,
Шил в немалом достатке,
Родом был именит.

И в тебя бы влюбились
Все невесты окрест.
Но тебе не годилась
Ни одна из невест.

Там любовь без ответа,
Где жених возомнит:
Та бедна,
А у этой
Род не так знаменит.

Было б смолоду счастье,
Да изъездился конь.
Поостыли и страсти
И душевный огонь.

Был когда-то мужчина
Молодец молодцом.
Время шло,
И морщины
Испещрили лицо.

И хотел бы жениться
Он теперь хоть на ком,
Но смогло лишь вселиться
Одиночество в дом.

Как отцовскую грушу,
Что стоит без плодов,
Он отряс свою душу,
Жизнь прожив без трудов.

Время шло.
Понемножку
Зарастал сад отца —
Оставалась дорожка
От ворот до крыльца.

Но дорожка и эта
Заросла навсегда...
Эх, Махаз, на земле ты
Не оставил следа!

1956

ОСЕЛ

Спросили у осла: «Скажи-ка нам, дружок,
Ты ростом не велик, и тощ, и тонконог,

Но почему тогда — мы тем изумлены,—
Так громок голос твой и уши так длинны?»

«Был голос у меня прекрасен от рожденья,
Казалось мне, что я рожден для пенья.

Но только было я открыть собрался рот,
Вдруг кто-то на меня огромный куль кладет.

И горький крик, не песнь, исторг из чрева я,
Постигнув, какова, увы, судьба моя.

А уши крыльями быть, видно, собирались
И вот теперь висят, чтоб надо мной смеялись..

Так собеседникам своим сказал осел,
И громко заревел, и прочь от них пошел.

1956

СТРУНЫ ГИТАРЫ

Спор гитарных струн,

Стар он или юн,
Но опять возник.
Кто же прав из них?

Первой —
Голосок
Звонок и высок.
А сама тонка —
Тоньше волоска.
Говорит она:
«Я у вас одна,
Ведь недаром я —
Первая струна.
Мой приятен тон,—
Звуки хороши,—
Достигает он
Глубины души...»

Вдруг последний — бас
Перебил рассказ:
«Кто болтает тут,
Что за писк смешной?
Зря тебя зовут
Первою струной.
Твой умолк бы звук
И твоих подруг,
Если б среди вас
Не гремел мой бас».

Помешала им
Дека в этот миг,
Возражала им
Дека напрямик:
«Ваш нестроен хор,
Ваш напрасен спор.
Вы,
Струна к струне,
Держитесь на мне».

Вдруг рука взяла
И гитары той
Шею обняла
С нежностью простой.
Струны обхватив,
Перебрала их:
Зазвенел мотив,
Ну, а спор утих.

Струны поняли —
Затрезвонили —
Коль они дружны,
Все они нужны,

Но без тех живых
Человечьих рук
Не родится в них
Ни единый звук.

1956

Кица Ачба
(Родился в 1918 году)

ЗА МИР
Он перед смертью не сказал ни слова.
Он завещаний сроду не писал.
Глаза его незрячие сурово
Глядели в голубые небеса.

Как и в последний миг недолгой жизни,
Свой автомат он прижимал к груди,
Как будто служба верная отчизне
Еще ждала солдата впереди.

Письмо в нераспечатанном конверте
И партбилет друзья при нем нашли.
Писала мать, не знавшая о смерти...
В гнетущей тишине письмо прочли.

Не распечатав, нес его с собою
Солдат сквозь бой, сквозь пламя и металл.
Судьбы не угадаешь... После боя
Солдат письма уже не прочитал.

А мать писала, чтоб берег здоровье,
Журила за молчание слегка.
Великой материнскою любовью
В письме дышала каждая строка.

В конце писала воину старуха:
«Вчера родился у тебя сынок».
Но сердце адресата было глухо
К счастливому значенью этих строк.

Пал смертью храбрых...
Вражескую лаву
Он сдерживал с оружием в руках.
Но он живет. Он воплотился в славу.
Сырой земле был предан только прах.

С тех пор событий много пролетело.
А сын подрос. Ему пятнадцать лет.
Заботливо хранит он пожелтелый
Отца фотографический портрет.

Я видел сына. Кареглазый, стройный.
Пушок едва пробился на лице.
Но лоб отмечен складкой беспокойной —
То след всегдашней думы об отце.

На митинге в молчании глубоком
Стоял он впереди своих друзей,
Захваченный взволнованным потоком
Горячих безыскусственных речей.

Он первым подписался под воззваньем.
— Пусть будет мир. Пусть ни один народ
Не испытает горя и страданья...
И пусть не будет на земле сирот.

1955

РУСАЛКА

1

К родственникам дальним повидаться
В юности мне съездить довелось.
От роду мне было лет шестнадцать,
И держался я как взрослый гость.

В честь мою барашка закололи,
Несмотря на юный возраст мой,
И пошло веселое застолье,
Шутки, песни, смех наперебой.

У хозяев много вин в подвале,
Времени в избытке у гостей.
Пили, ели, пели, танцевали,
С каждым часом делалось шумней.

Ни на миг веселье не смолкало...
А когда на землю ночь сошла,
Осушив последние бокалы,
Гости поднялись из-за стола.

Предстоял мне путь во тьме кромешной,
Сердце замирало у меня,
Но ведь я был взрослым и, конечно,
Мужественно сел я на коня.

Ехал я сперва рысцой, но вскоре
Одолел меня постыдный страх.
За околицей коня пришпорив,
Я понесся, встав на стременах.

Тишины величественной, грозной
Не пугает цоканье копыт.
Где-то впереди, в ночи беззвездной,
Речка сквозь лесную глушь бежит.

2

И до слез себя мне стало жалко,
Одинокого в глуши лесной...
Вдруг откуда ни возьмись русалка
Встала на пути передо мной.

Светлая. И облик человечий.
Волосы, как горная река,
Падают, волнистые, на плечи,
А глядит насмешливо слегка.

Оробев перед нечистой силой,
Я подумал: «Ну, теперь погиб!»
Поначалу жаром охватило,
А потом холодный пот прошиб.

И, конечно, я припомнил разом
Россказни про парня одного:
Как русалка влюбчивая разум
Забрала «на память» у него.

Как лечил его какой-то знахарь,
С дьяволом поддерживавший связь,
Как потом народ окрестный ахал,
Чудесам неслыханным дивясь...

Показалось мне, что я очнулся,
Что русалку видел я во сне...
Но косматый призрак покачнулся
И тихонько двинулся ко мне.

Крепко стиснул я свою нагайку,
Соскочил с коня одним прыжком.
Ну давай поборемся, хозяйка,
Раз не хочешь отпустить добром!

Подбежал к русалке я проклятой
И в плечо толкнул ее рукой.
...Излучая свет голубоватый,
Пень гнилой лежал передо мной.

1956

В ЗАКУСОЧНОЙ

Утро нежное, как роза,
Смотрит в каждое окно.
А в буфете у Маркоза,
Как всегда, гостей полно.

Нам тарелки и стаканы
Пивом, водкой и едой
Наполняет неустанно
Наш буфетчик дорогой.

Продавцу из керосинной
Кружку пива он отнес...
Подбоченившись картинно,
Керосинщик произнес:

— Дорогой, ведь это подло!
Ты не ставишь нас ни в грош!
Ты полкружки пива подал,
А за целую берешь!

Видеть дальше нет терпенья,
Как ты грабишь белым днем.
Ты построил дом на пене,
Но, смотри, сгорит твой дом!

А Маркоз, смеясь, ответил:
— Дом на пене не сгорит.
Впрочем, кой-кому на свете
Жить опасно,— говорит.—

Ты, сосед, не будь разиней,
Рядом с домом не кури.
Дом ведь твой на керосине,
Так что ты не погори!

1956

* * *

В нем наглости не стало меньше,
Хотя теперь он сед и стар.
Он до сих пор наивных женщин
Обманывать не перестал.

По парку бродит и с обочин
Сбивает тросточкой цветы.
Он поисками озабочен
Невинной свежей красоты.

Вот так и прожил он на свете,
Старик в одежде франтовской,

Ни разу девушки не встретив,
Достойной стать его женой.

1956

* * *

Она от каждого мужчины
Всегда скрывает возраст свой.
И на досадные морщины
Наносит пудры толстый слой.

Она негодным старым хламом
Зовет ровесников своих.
Она принадлежит к тем дамам,
Что любят самых молодых.

Чуть приоткрытые колени.
На седине густая хна...
Но с неуемным вожделеньем
Глядит на юношей она.

19561

«Я»
Он был обладателем
Баса густого.
Смолкал перед басом
Почтительно зал.
Свои выступленья
С любимого слова
Всегда и повсюду
Тот бас начинал.
— Я не могу,—
Говорил он,—
Представить,
Что бы вы делали,
Если б не я.
Силы расставить,
Сплотить
И направить
Мог только я,
Говорю не тая.
И в позапрошлом,
И в прошлом,
И в этом,
И в предстоящем,
Конечно,
Году
Нет мне покоя

Зимою и летом.
К новым победам
Я всех вас воду.
Я говорю,
Не вдаваясь в детали,
В дело надо вникать
С головой.
Ведь без меня, полагаю,
Едва ли
Был бы выполнен
План годовой.
Свой короткий
Доклад начиная,
С похвалы руководству
Начну...—
День давно уже умер.
И темень ночная
С любопытством
Прижалась к окну.
А он все пел,
Не сменяя пластинки,
Он пел вдохновеннее соловья,
Знакомый мотивчик
Он вел без запинки,
Вставляя повсюду
Любимое «я».
Но песня была бы, пожалуй,
Красивей,
Когда б, о заслугах своих
Не трубя,
Побольше он пел
О своем коллективе,
Его восхваляя,
А не себя.

1956

* * *

Шалико Сангулиа
(Родился в 1923 году)

МЫ ВЕРНЕМСЯ, СЕВДСТОПОЛЬ!

Наш Севастополь,
Моряков столица!
Тебя оставив,
В море мы уходим.
Мы за тебя, родной, идем сразиться
С чумой фашистской, вражеским отродьем.

Наш Севастополь!

Ты застыл на месте,
Бессильный в битву ринуться за нами.
Но ты в сердцах,
Как жажда правой мести,
Ты вечно с нами,
Как отчизны знамя!

Наш Севастополь!
Нынче ты печален.
Твой скорбный взгляд мы чувствуем повсюду...
Стал грудою дымящихся развалин
Ты, наша гордость, солнечное чудо.

Но мы вернемся,
Жди нас, город гордый!
Вернемся к каменным твоим объятьям,
Сметем с лица земли фашистов орды,
За боль твою,
За скорбь твою отплатим.

3. VI. 1942 г.
Севастополь.

О КУКУШКЕ И ДРУГИХ ПТИЦАХ

Весна разделалась с зимою.
Мороз зачах,
И снег в полях исчез.
На солнечном пригреве стоя,
Расправил плечи истомленный лес.
Весна-красавица входила в силу,
Запели птицы, в зелени звеня.
И вот — кукушка вдруг заголосила:
— Куку! Куку!
Послушайте меня!
Соседи, на меня смотрите —
Я сделала великое открытье:
Настало лето,
Я лето привела!
Я всю природу разбудила!
Работами в полях руководила,
Сельчан учила.
Мне от людей везде почет.
Меня в колхозе знают все наперечет.
Со мною край добьется урожая!
Я буду краткой:
Труд мой уважая,
Должны отныне впредь
Все птицы о моих заслугах петь! —
— Зазнайка! —
Перебил ее щегол.—
Наш лес еще был пуст и гол,

Стояли холода,
Лежал на травах иней,
Ты беззаботно грелась на чужбине,
От родины своей вдали,
А люди на поле пришли,
Чтобы согреть его работой...
Лентяйка!
У тебя всегда одна забота:
Поесть да погулять.
Лишь хвастать мастерица.
Ну погоди, хвастунья,— вырвем хвост...
Смысл этой басни очень прост:
Судить умеют трезво даже птицы.

1956

Константин Аргун
(Родился в 1924 году)

ЗВЕЗДЫ НАД СУХУМИ
Вечером в лесу тиха, чиста
протекает речка Гумиста.
Близ нее стою... А предо мной
мой Сухуми, город мой родной.

На горе стою в густом лесу,
а Сухуми светится внизу.
В небе звезды, на земле огни —
словно отраженья звезд они.

В небе звезды, лампы на горе —
все сливается в одной игре.
На горе стою я в полный рост
в окружении горящих звезд.

1954

МОРОЗ И СОЛНЦЕ
«В мире нет сильней меня,—
Так сказал мороз,—
Заморозил я в полдня
Луг, леса и плес.

Я томлюсь от буйства сил,
Буйства темных сил.
Волны в скалы превратил,
Жизни жизнь лишил.

Лес и воду ближних стран
Я в руках держу.

Я на дальний океан
Лапы наложу.

Покорил я все кругом,
Даже и луну:
Пляшет в небе кувырком,
Только я взгляну».

Но пока мороз тот злой
Хвастал так в ночи,
Солнце медленно взошло,
Вынесло лучи.

Заблестел седой мороз
Тут в последний раз.
Начал лить потоки слез
И... совсем угас.

Лес огромный ожил враз,
Реки вскрылись вдруг,
Стал ласкать приятно глаз
Шелковистый луг.

Солнце выше и теплей,
Ярче блеск лучей.
Чем лучи его длинней,
Тем и горячей.

Пусть не хвастает беда,
Что управы нет...
Силу темную всегда
Побеждает свет.

1955

Я НЫНЧЕ ЛЮБИМОЙ ТЕБЯ НАЗОВУ

Я в светлую радость сейчас погружен,
А все потому, что в тебя я влюблен.
Смотрю на тебя и с тобой говорю...
Позволь, я подарок тебе подарю.

Нет, это не сахар, что тает во рту,
Не роза, прелестная в майском цвету.
Не зеркальце, что отражает лицо,
Не модный жакет, не платок, не кольцо.
От ветра не падает он никогда.
От зноя не сохнет, как в русле вода.

Но есть в том подарке и запах цветов,
И он не проходит с уходом годов.
Он сердце всегда согревает зимой

И жизнь озаряет бурливой весной...

Дарю... Но в руках моих нет ничего...
А где же подарок?.. Я спрятал его...

Ведь это любовь — достоянье мое.
Поверь мне, родная, не бойся ее.
Да! Первое чувство дарю тебе я.
Прими же его, дорогая моя...

Я бредил во сне и мечтал наяву,
Но нынче любимой тебя назову!

1955

МАРТ НА ИСХОДЕ

Март сходил... Но вдруг не в срок
Выпал снег и всюду лег...

Но цветения мимоз
Оборвать не мог мороз.

И поднялось солнце ввысь,
А цветы сильней зажглись.

Погубить их март не смог,
Превратился сам в поток.

Он сдержать весну хотел,
Чтобы дольше быть у дел.

Но не смог суровым стать
Зимним месяцам под стать.

Звонко капала капель...
Месяц март сменял апрель...

1955

ПСЫРЦХА(1)

Псырцха, Псырцха, залитая светом!
Мандаринов золото в садах!
Склон горы и осенью и летом
Тонет в сочных травах и цветах.

Дышит нежной влагой синь морская.
Ветер в роще — как в своем дому.
Сосны, ветер шорохом встречая,
Кланяются ласково ему.

Здесь бурлит, разбрызгивая пену,
Низвергаясь с кручи, водопад.
Там с настойчивостью неизменной
Волны моря бешено кипят.

Псырцха, Псырцха, залитая светом!
Мандаринов золото в садах!
Склон горы и осенью и летом
Тонет в сочных травах и цветах.

---
1 Псырцха — старинное абхазское название Нового Афона.

1956

Джота Тапагуа
(Родился в 1924 году)

ПОЭТУ ИУА КОГОНИА
Ты трудился для народа
Дни и ночи напролет.
Все смелее год от года
Шел с народом ты вперед.

Песням в сердце было тесно,
Как хотело петь оно!..
Скольким новым дивным песням
Жить средь нас не суждено!

Сердце биться перестало,
И погас навеки свет...
Ты на свете прожил мало,
Но зато ты жил, поэт!

И тебя мы не забудем.
Остаешься ты в строю
Щедрой песней, спетой людям
В нашем солнечном краю!

1953

ХИРУРГУ
Не забуду, как упорно
Ты вела со смертью бой.
Из холодной пасти черной
Был я вызволен тобой.

Забывая про усталость,
Ты, как мать, была нежна.
И судьба моя казалась

Мне с тобою не страшна.

Истекающего кровью
С поля вынесли меня.
Смерть ждала у изголовья,
Радость мрачную храня.

И тогда ты бой опасный
Начала за жизнь мою,
И была рукою властной
Смерть побита в том бою.

Ты мне тихо напевала
Иль читала что-нибудь,
Ты ночей недосыпала —
Только б жизнь в меня вдохнуть.

А теперь на свете белом
Я средь сильных, молодых,
Славлю жизнь трудом умелым.
Это дело рук твоих!

1955

Георгий Гублиа
(Родился в 1928 году)

* * *

На воде, как мостик серебристый,
Закачался яркий свет луны.
Лодки ударяются о пристань,
Волны пляшут, словно скакуны.

Ты со мной — в душе светлее стало,
И огнями озарился мрак.
Слушай, не ходи одна к причалу,—
Моряки подумают: маяк!

1953

* * *

Темнела моря синева,
А мы сидели рядом,
И забиралась в рукава
Вечерняя прохлада.
Чертил я на сыром песке
«Маринэ» — имя милой,
Но подползла к моей руке

Волна — и надпись смыла.
Вздохнула девушка, но ей
Сказал я: «Брось, не стоит...
Ведь то, что там — в душе моей,
Волна вовек не смоет».

1953

* * *

Ты мне приснилась. Я не понял:
Во сне, а может, не во сне
Твои горячие ладони
Легко легли на плечи мне.
Я помню губ прикосновенье,
Я помню нежный шепот твой.
Я счастлив был одно мгновенье
На том пригорке, под листвой.
Проснулся я. О, где ты? Где ты?
Напрасно я тебя зову.
О, если б вновь случилось это...
Нет, не во сне, а наяву.

1953

ВЕЧЕР В СЕЛЕНЬЕ

Побагровев, спустилось солнце в море,
И пламенем охвачен небосвод.
С востока тени тянутся, и вскоре
Вечерний мрак над полем поплывет.

Селенье оживает понемногу,
Идет домой с работы млад и стар...
Вдали клубится горная дорога,
И раздается блеянье отар,
Овчарок лай, далекий крик чабана,
Заливистые трели ачарпана.

Таща пучки соломы на рогах,
Коровы медленно бредут по скату,
И, прыгая на тоненьких ногах,
Резвятся беломордые телята.
И голосу пастушеского пса
Собак дворовых вторят голоса.

На лавке у ворот соседа вижу.
Он говорит: — Сынок приехал мой.
Зайди к нам в гости. Слышишь — заходи же!
— Потом зайду. Сейчас спешу домой.

Село родное, мой народ упорный,

Снимаю перед вами шапку я.
Вдыхаю жадно этот воздух горный.
Вдали белеет хижина моя.
Я вижу огонек в моем оконце.
Уже давно вдали погасло солнце,
Но в каждое семейство, в каждый дом
Приходит вечер светлым огоньком.

1953

МАТЬ

В деревьях зашумела осень,
Листва опавшая кругом,
Качает ветер кроны сосен,
Свистит протяжно за окном.

Над крышей вьется дым спиральный,
И пламя в очаге поет,
А женщина свой взгляд печальный
Не отрывает от ворот.

Два сына в бой ушли когда-то,
И с той поры их нет и нет.
Но верит мать — придут ребята,
И ждет уже пятнадцать лет.

Их обняла земля сырая,
Над ними травы шелестят,
Но осенью плоды срывая,
Мать бережет их для ребят.

Когда она порою ранней
Идет по саду не спеша,
Слетает рой воспоминаний,
И все сильней болит душа.

К ней яблонь протянулись ветви,
К ней тянет лозы виноград,
Все это посадили дети,
В любом побеге — труд ребят.

К ней ластится собака с лаем,
Поет ей песню соловей,
И кукуруза за сараем
Все шепчет ей про сыновей.

Подгнили стены у амбара,
На огороде сорняки,
Скрипит от ветра домик старый —
В хозяйстве нет мужской руки.

Осенний ветер ночью свищет,
А женщина сидит без сна.
Как пусто ветхое жилище,
И как тревожна тишина!

И слышит мать порой сквозь дрему:
«Мы здесь. Пусти нас, мама, в дом!»
Но стоит выглянуть из дому —
Лишь ночь да ветер за окном.

Над крышей вьется дым спиральный,
И пламя в очаге поет,
А женщина свой взгляд печальный
Не отрывает от ворот.

Ворота заросли крапивой,
Тропинка поросла травой.
В окошко смотрит мать тоскливо,
Она все ждет детей домой.

1955

ВЫПУСКНОЙ ВЕЧЕР

Наливай в стаканы, тамада!
Стол наш не богат, но курс наш дружен.
Собрались мы вместе, как всегда,
Ведь сегодня наш последний ужин.

С болью оставляем этот дом.
С университетского порога
Вместе к общей цели мы пойдем —
Пусть у каждого своя дорога.

Выпьем же за тех, кто сменит нас,
Выпьем за конец и за начало,
За профессора — ведь он не раз
Нас бранил, но и хвалил, бывало.

Я за девушек особо пью,—
Их глаза темней вина в стакане,
Пью за ту, кто в хижину мою
Под скрещенными пройдет клинками(1).

За тебя, мой друг Сеида, пьем,
За судьбу Этери и Отара.
Пой, друзья! Напев грузин сольем
С «Шаар дамта» — нашей песней старой.

Прочитал свои стихи Сергей,
А потом земляк мой — по-абхазски.
Вновь поют. А кто-то из друзей

Птицей закружился в быстрой пляске.

Нынче расстаемся мы, но вновь
Нас не раз сведет счастливый случай.
Пусть же в нас всегда живет любовь,
Как маджари, как вино, кипуча.

Наливай в стаканы, тамада!
Стол наш не богат, но круг наш дружен.
Собрались мы вместе, как всегда,
Ведь сегодня наш последний ужин.

---

1 Свадебный обычай абхазцев.

1954

* * *

С тоской гляжу во мрак ночной,
В траве на бурке лежа.
Мерцают звезды надо мной,—
Ведь ты их видишь тоже.

Как бровь твоя, над цепью гор
Изогнут месяц тонкий.
Я вижу твой веселый взор,
Я слышу смех твой звонкий.

Твои ресницы мне грозят,
Как острые кинжалы.
Я вспомнил институтский сад,
Где ты меня встречала.

Я провожал тебя подчас
По улице знакомой,
Ты улыбалась мне не раз,
Идя к воротам дома.

Я не забыл твое окно,
Твой дом, твой дворик милый.
Все это было так давно!
Неужто это было?

Сегодня без тебя грущу.
С другим ты повстречалась.
Тебе я песню посвящу.
Что мне еще осталось?

1956

* * *

Часто заходил я к вам когда-то,
Радостно ко мне бросалась ты.
Маленькою девочкой была ты,
На тебя глядел я с высоты.

Не было меня — и ты скучала,
Только я тебя не замечал,
Маленькой считал, и поначалу
По тебе я вовсе не скучал.

Девушкой ты стала. Часто вижу
Я тебя в кругу твоих подруг.
Как я жду, что ты пройдешь поближе,
Но тебе, как видно, недосуг.

1955

ВЛАДИМИРУ ХАРАЗИА

Пламенем поля объяты,
Сизый дым плывет вдали.
Вражьи танки и солдаты
В наступление пошли.

Паренек припал к орудью,—
Ближе вражьих танков гул,—
Он врага встречает грудью,
Метко бьет он по врагу.

Землю гусеницы режут.
Сколько танков? Нет числа!
Взрывов гром, железный скрежет,
Поле мгла заволокла...

В эти годы грозовые
Ты геройски пал в бою,
Ты сражался за Россию
И Абхазию свою.

Ты сегодня в бронзе ожил,
Как и прежде молодой.
Славен ты. Любой прохожий
Скинет шапку пред тобой.

1955

ЧАСЫ КАПИТАНА

Капитану Владимиру Осиа.

1

Секунды медленно ползут.
Редеет мгла рассвета.
Как тихо. Через пять минут
Должна взлететь ракета.
Стучат, стучат сердца солдат,
И слышен лязг затвора,
А капитан на циферблат
Глядит... Атака скоро.
Как непреложен стрелок бег!
Что стук часов пророчит?
Секунду прожил человек,—
И жизнь на миг короче.
Заря — над кромкою лесов.
Все реже мгла рассвета.
Ракета взмыла. Семь часов.
«Вперед!» Еще ракета.
Штыки сверкнули. Капитан
Взбежал на склон покатый.
За командиром по пятам
Рванулись в бой солдаты.
Мгновенных вспышек огоньки —
И пули засвистали.
Две армии сошлись в штыки,
Скрестилась сталь со сталью.

2

Ударил в грудь свинец шальной,
И тело капитана
Простерлось на траве густой,
Струится кровь из раны.
Ладонью рану он зажал,—
Не сдержишь кровь рукою.
Вдали, как уходящий вал,
Стихает грохот боя.
А капитан не в силах встать,
В крови земля сырая.
Он в миг последний вспомнил мать,
Сознание теряя.
И сердце замерло навек,
Похолодело тело,
Лишь стрелки продолжали бег
На циферблате белом.

3

Мать видит вещи на столе,
От горя сердце сжалось.
Ведь это все, что на земле

От сына ей осталось.
Взглянула на портрет она,
И слезы засверкали.
Мать нежно гладит ордена,
Нашивки и медали.
Ей слышен стук часов ручных.
Лежит в земле хозяин их,
Он отдал жизнь отчизне.
А стрелки черные ведут
Бессонный счет секунд, минут,
Считают годы жизни.

1956

Т ...
Был покой мой безоблачно светел,
Как морская просторная гладь.
Ты прошла, как стремительный ветер,
И душа беспокойна опять.

Ты глядишь, словно мы незнакомы,
Смущена ты, видать по всему.
Если ты улыбнешься другому,
Грустен я ... Отчего — не пойму.

Ты скажи, отчего я взволнован?—
Ведь с тобою нам не по пути.
И, однако, я счастлив, что снова
Не могу себе места найти.

1956

СУХУМСКАЯ КРЕПОСТЬ
Вот развалины крепости старой,
Рвется к стенам кипенье волны,
В ярком солнце,
Черны от загара,
Отдыхающих группы видны.
Я дышу этой влажною солью.
Даль синеет в проломах руин.
Здесь красивых абхазок
В неволю
Угоняли купцы из Афин.
Здесь орудья турецкой эскадры
Сокрушали бойницы в упор.
Здесь визжали чугунные ядра,
И следы их видны до сих пор.
Но Келеша разящая шашка
Рассекла непроглядную ночь.
Было нашей Абхазии тяжко,

И Россия пришла ей помочь.
Я стою на обломках и знаю,
Как непрочен чугун и гранит.

Нас хранит не стена крепостная —
Нас великая дружба хранит.

1956

У ПАМЯТНИКА ЛЕНИНУ

Он выше всех. Под ним земные шири:
Леса, и горы, и морской прибой.
Дорогу он, единственную в мире,
Указывает вскинутой рукой.

Высокий лоб заря позолотила,
Над Лениным пылающий простор.
Нам светят он и солнце — два светила,
Такого не бывало до сих пор.

1956

Анатолий Аджинджал
(Родился в 1930 году)

ОДНАЖДЫ

Тихим дням, но ведавшим печали,
Думалось, не будет и конца.
В тишине взволнованно стучали
Рядом наши юные сердца.

Раз, в предгрозье, мы с тобою, помню.
Вышли к морю, свежестью дыша.
И о голубое пламя молний
Обожглась тогда моя душа.

В темноте сиял твой облик милый.
Стал весь мир далек и невесом.
Где луна? Иль ты ее затмила?
Я подумал: «Может, это сон?»

И не помня ни о чем на свете,
Я хотел твоих коснуться губ.
Нет, не сон. Рванулась ты, как ветер,
И остался я на берегу.

1955

ОКНА

На нее взглянуть мечтая страстно,
Я смотрю из моего окна
На ее окно. Но все напрасно:
Из-за шторы не видна она.

Вдруг примчался ветерок пропорций,
К ней в окно бесшумно он проник.
Штора отодвинулась покорно,
Приоткрыв мне комнату на миг.

Но тотчас же улетел куда-то
Резвый и беспечный ветерок.
«Эх ты, ветер! Что же ты, кудлатый,
Услужить подольше мне не мог!

Если б было у тебя такое,
Я бы даже поднимать не стал
Штору на окне перед тобою,
Я бы штору попросту сорвал!»

1955

ВЕСНА

Влажной нежностью море
В лицо мне дохнуло,
Теплым дыханием
Шапки с деревьев стряхнуло.
И выпрямляются ветви,
Почуяв свободу.
Утро весеннее
Будит повсюду природу.
В белых садах
Начинается птичье веселье.
Солнце, скользнув по горам.
Заглянуло в ущелье.
Я по сугробу иду,
Увязая глубоко,
След мой вода наполняет
В мгновение ока.
Слышится в поле
Ручьев стоголосое пенье.
Здравствуй, весна!
Я тебя ожидал с нетерпеньем.
Настежь открыты
Тебе, дорогая, ворота,
Славная на поле
Ждет нас с тобою работа!

1956

ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ

В голубой студеный вечер
Выхожу я со двора,
И несется мне навстречу
Звон пилы и топора.

И сараи, и закуты,
И деревья, и дома
В бурки белые закутав,
Заявилась к нам зима.

По земле хозяйкой катит,
Серебром снегов пыля,
И набрасывает скатерть
На холмы и на поля.

Как башлык джигита, вьется
Струйка дыма над трубой,
А в печи огонь смеется
Над старухою зимой.

Пусть рыдает злобно вьюга —
Дышит печь сухим теплом.
Ждет хозяин в гости друга.
Чист, уютен новый дом.

Пусть зима ворчит сурово,
Затевает с нами спор —
Для нее пила готова
И сверкающий топор.

В голубой студеный вечер
Выхожу я со двора,
И несется мне навстречу
Звон пилы и топора.

1956

Владимир Анкваб
(Родился в 1928 году)

АНТИПКА ИГРАЛ НА АПХЯРЦЕ

Помню, жил я как-то гостем у друзей,
Вышел в сад однажды на рассвете
И услышал там мелодию нежней,
Чище и свежей, чем вешний ветер.

Я подумал: то хозяин вышел в сад,
Старый наслаждается игрою...
Но, увидев там меньшого из внучат,
Очень удивился я, не скрою.

В позе мальчика — задумчивый покой,
Он играл, наверное, об утре.
Не сдержался я. И ласково рукой
Потрепал я шелковые кудри.

Музыкант зарделся — юный словно май.
Смотрит на траву смущенным взглядом.
— Извини меня, пожалуйста! Играй! —
Я сказал, присаживаясь рядом.

Снова песня по садам и по лесам
Ласковою птицей полетела.
— Это дед меня учил...
А это сам...—
Иногда он сообщал несмело.

А смычок скользил опять, и дрожь струны
Нежной болью в сердце отзывалась.
Даже лучшим композиторам страны
Не создать такого, мне казалось.

Вот и солнце появилось из-за гор,
Потянулось к мальчику лучами,
Перед ним росы серебряный ковер,
Всюду розы алые, как пламя.

На мгновенье стал от радости я пьян...
Наш Антип и юн и робок слишком,
Но и Глинка, этот русский великан,
Тоже ведь когда-то был мальчишкой!

Может быть, и ты прославишься в веках,
Может, станешь Глинкой современным,
Ведь судьба твоя, Антип, в твоих руках!
Так учись!
Упорствуй!
Непременно!

1955

* * *

Однажды увидав тебя,
Лишился я покоя.
В тот день, страдая и любя,
Строчил тебе письмо я.

Читая ледяной отказ,
Пылал еще сильнее.
Я слал тебе стихи не раз,

Прийти к тебе не смея.

Но время шло. Моя мечта
Тускнела понемногу.
То, что скрывала красота,
Я понял, слава богу.

Я воспевал тебя, глупец,
Благословляя муку...
И вот прозрел я, наконец,
Спасибо за науку!

1957

МАМА, ГДЕ ТЫ?

Мне в жизни услышать всего страшнее
Обычный вопрос: «Кто отец твой и мать?..»
Я чувствую сам, как я густо краснею,
как пот начинает на лбу выступать.

Что были они у меня — мне понятно...
Но я не встречал этих близких людей.
Лишь слышал: «Отец твой был крепкий и статный,
на важном посту и большой грамотей.

А мать добротою светилась и лаской,
но... русской была... А обычай был строг.
Отец с ней развелся, женясь на абхазке,
он с древним обычаем сладить не смог.

А мать ни за что тебя не отдавала,
но все же сюда ты был прислан отцом
и спрятан... И сколько тут мать ни бывала,
тебя не нашла... и смирилась на том».

Ты тоже, я знаю, товарищ милый,
без ласк материнских на свете рос.
Ты плачешь теперь у родной могилы,
мне ж негде излить накипевших слез.

О мать! Ничего от тебя не осталось —
остался лишь старый поблекший портрет.
Я даже не знаю, что с тобой сталось:
больна ль ты? здорова? жива или нет?

Но ты предо мною мелькаешь вечно,
мне сердце волнуя, глаза слепя...
В кассирше, в кондукторше, в первой встречной
тебя нахожу и теряю тебя.

И снова ищу тебя: долго, упрямо,

хоть часто те поиски не по плечу...
и снова теряю, и снова ищу...
Но где же ты? Где? Отзывайся же, мама!

1960

ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА

Палата Оружейная — как сказка.
Наполнена диковинным добром.
Блестят кареты золотом и краской
И Мастеров безвестных мастерством.

Нет, сказку не придумаешь такую,
Пред этим все сокровища бледны...
Всё в жемчугах: венцы, наряды, сбруя,
И блеск колец, которым нет цены.

Обложка библии камнями блещет,—
Наверно, каждый стоит миллион...
Богатые и праздничные вещи
Тут на меня глядят со всех сторон.

Потом я шел Москвой и думал с грустью...
Но мыслей ход мне перебил мой друг:
— Часы видал? Не правда ль — вот искусство,
Вот это мастерство и точность рук...

А все эти игрушки, шашки, куклы...
Как в них играет, как сверкает свет.
Вот, брат, что значит золотые руки—
— Да, золотые,— я сказал в ответ.

Но я солгал. Я не об этом думал.
Я знал о них, прославленных в веках.
О русских, крепких, золотых, разумных
Умельческих натруженных руках.

И хоть я думал про дела другие,
Я, в общем, не солгал, ответив: «Да...»
Ведь с тем, что эти руки — золотые,
Я без сомненья соглашусь всегда.

Но тут не думал я об их искусстве.
Не мастерство тут привлекло меня...
Нет!.. Я бродил повсюду с горьким чувством
Царей, князей и всех владык браня...

Ведь не богатства это — кровь людская.
И каждый жемчуг, как слеза, тяжел...
А в каждом камне, что горит, сверкая,—
Бессильный стон голодных русских сел.

1957

ГУНДА
(По народным мотивам)

Были две красавицы в ауле,
Как заря с зарей, друг с другом схожи.
Снег Эльбруса был темней их кожи,
На ресницах полночи уснули.
Были две красавицы в ауле.
Не сводили глаз с сестер мужчины —
Раз увидев, позабыть их трудно:
Как цветок весны, лицо у Чимы,
Как весна, лицо у младшей, Гунды.
Свет ее улыбки, словно утро,
Пробуждает в сердце трепет нежный,
Зубы Гунды ярче перламутра,
Очи голубые безмятежны.
Были сестры ласковы и милы,
Как заря с зарей, друг с другом схожи,
И казалось, нет на свете силы,
Что поссорить их когда-то сможет.
Находился домик их в Цаахе,
В междугорье, узком и скалистом.
Билась в камни острые с размаху
Возле дома бешеная Хыпста,
В дом войти не так-то было просто:
Лезли волны в пене друг на друга,
А над ними кинут вместо моста
Старый ствол разлапистого бука.

Был прославлен мужеством в народе
Шима, сестрам вовсе незнакомый,
И однажды бросил он поводья
Возле их приветливого дома.
Было сердце юноши открыто,
Убежать от чар такому трудно,
И пленила юного джигита
Красота и нежность светлой Гунды.
Только это счастье омрачило
Душу старшей. Чима огорчилась.
«Был бы он моим,— решила Чима,—
Если б Гунда вовсе не родилась».
Волны крови в сердце клокотали,
Глубоко в душе таилась злоба.
Ничего счастливые не знали,
Только радость чувствовали оба.
По законам стариков абхазцев
Гунде было ждать необходимо,—
Чтобы над сестрой не насмехаться,—

Ждать, пока не выйдет замуж Чима.
Дни слагались в длинные недели,
А недели в месяцы и годы...
Шима с верной Гундой не хотели
Осрамить сестру перед народом.
Только замуж не спешила Чима.
Разгорались в темном сердце страсти,
И, угрюмой мыслью одержима,
Ненавидела сестру за счастье.
Зависть в сердце когти запустила,
Стала с ведьмою девица схожа,
Со змеей, что жало затаила
И вонзить ежеминутно может.
С неба хлещут слезы проливные,
Хыпста катит камни с грозным стуком.
Сестры возвращаются родные
Над рекою, по мосту из бука.
Скользок ствол разлапистого бука,
Две сестры, как две зари похожи...
Хыпста катит камни с грозным стуком,
Злым шакалом зависть Чиму гложет.
Гунда как бельмо в глазу пред нею,
Лишь смахнуть — и завоюешь друга.
«Оправдаться перед ним сумею —
Скользок ствол раскидистого бука!»
Вот змея и выпустила жало,
Замер Гунды вопль над черной бездной.
Незнакома сердцу ведьмы жалость,
И мольбы несчастной бесполезны.
Только старый бук ей ветвь сухую
Протянул, как руку, для спасенья,
И, собрав всю силу молодую,
Задержалась Гунда при паденье.
Только разве даст подняться Чима,
Если Гунды жизнь у ней во власти,
Разжимает пальцы над пучиной,
Бьет сестру ногами по запястьям.
«Разве мало места нам на свете?
Что тебе я сделала, родная?!»
Только злоба в Чимином ответе,
Только Хыпста жадно завывает.
А когда на вздыбленные скалы
Понесла волною Гунду полночь,
Чима в голос вдруг запричитала,
Начала людей кричать на помощь.
Поднялся народ во всем ауле,
Прибежали на утес скалистый,
Но джигиты так и не рискнули
Броситься в бушующую Хыпсту,
Чима шла, заламывая руки,
О сестренке голосила Чима,
А глазами жадными гадюки

Сквозь толпу выискивала Шиму...

Но любовь сильнее волн и злобы,
Билась Гунда с Хыпстой одержимой.
Для нее была страшнее гроба
Мысль о горе преданного Шимы.
И когда на каменные груды
Пролил свет восток, зарей лучимый,
В утре, вспыхнувшем улыбкой Гунды,
Увидала Шиму злая Чима.
Он предстал пред ней с лицом отважным,
Рядом Гунда, радостью сияя.
Шли бок о бок, злую Чиму даже
На пути своем не замечая...

Были две красавицы в ауле,
Как заря с зарей, друг с другом схожи,
Снег Эльбруса был темней их кожи,
На ресницах полночи уснули.
Были две красавицы в ауле.

1955

Борис Тужба
(Родился в 1931 году)

МОЯ СУДЬБА
Приходила мама ночью
и надо мной сидела...
Говорила: «Спи, сыночек»,—
так, словно песню пела.
Волосы мне нежно гладя,
сидела мать со мною,
вея лаской и прохладой,
пока глаза закрою...
Стал я парнем, полным силы,—
и вот тогда впервые
слово «сирота» пронзило
мне годы молодые.
Вот с чего всегда грустнели
глаза твои, родная!
В раннем детстве, с колыбели
остался без отца я.
А друзья отцов встречали,
навстречу им бежали...
Я ж стоял, смотрел в печали,
и губы лишь дрожали.
И друзья мои с отцами
гуляли вечерами.
А меня сжигало пламя,
мне сердце раздирая.

Ну а если бы не это —
не знал тоски б совсем я...
По дорогам ясным к свету
меня водило время.
Старца, что сказал мне: «Сын мой»,
Отцом могу назвать я...
Братьями зову своими
друзей, что мне как братья.
Я живу среди народа.
Я свой. Мне все — родное...
Если б жил в другие годы,
то звался б сиротою.

1955

* * *

Путь освещал нам свет луны,
И быстро шли мы
На гору, радости полны,
Вдвоем с любимой...
Шумело море в глубине
С бурлящей силой,
И, нежно обратись ко мне,
Ты вдруг спросила:
— Неужто правда, милый мой,
Что море шире,
Огромнее любви любой
В подлунном мире...—
И море грянуло в ответ
Своим набатом...
С тех пор уже немало лет
Ушло куда-то.
А волны так же бьют о мол,
Внизу играя...
На гору милую взошел
Один вчера я...
У моря необъятный вид,
Но все же шире,
Огромнее людской любви
Не сыщешь в мире.

1955

* * *

Мы в детстве здесь в саду с тобою
не раз бывали,
про все на свете за игрою
тут забывали.

Росли мы... Весны пролетали,
и неизвестно
с чего дразнить нас всюду стали
«жених — невеста».

И здесь встречались мы под вечер
в тиши аллеи...
...Лишь вспомню я про эти встречи,
вокруг — светлее.

Шли годы, быстро прибывая,
но знай, родная,
что часто я в саду бываю
и вспоминаю.

А сад шумит листвой своею,
как прежде, милый...
Один я... Я уже седею...
А ты? Забыла?

1956

* * *

За этой черной шалью не прячь лицо свое.
Твой добрый взгляд, твой нежный взгляд насквозь прожег ее.
Да! В целом мире нет ткача, чтоб сделать шаль такой,
Чтоб друг от друга отделить той шалью нас с тобой.

1956

Шота Чкадуа
(Родился, в 1932 году)

КРАСНАЯ КОФТОЧКА
Стоит чужой, торопящейся мимо
Кофточке красной мелькнуть под окном,
Словно почувствовав близость любимой,
Сердце мое загрустит о былом.

Врезался в память студенческий вечер...
Музыка, танцы, веселый народ...
Красная кофточка, круглые плечи,
Яркий, смеющийся рот...

Скоро узнал я, что любит другого...
Чувство свое я хотел заглушить,
Но не подвластно разумному слову
Пламя души...

Годы проносятся. Ветер их шалый
Делает дело свое.
Нынче уж я не узнаю, пожалуй,
Если на улице встречу ее.

Но и теперь — промелькнет, как мгновенье,
Красная кофта в окне,
И просыпается снова волненье,
То же волненье во мне.

1951

ДЕЙСТВУЙ САМ

Я не берусь учить тебя:
различные бывают взгляды...
Но все же, девушку любя,
искать посредников не надо.

Сам подойди и подружись,
и сам ей стань всего дороже...
и сам в конце концов скажи,
что без нее ты жить не можешь.

Будь ко всему тогда готов,
но все же действуй без сомненья.
И не ищи мудреных слов —
ей скажет все сердцебиенье.

А так — начнет судить, рядить:
мол, он признался — да заочно,
и вообще зачем так срочно —
пожалуй, лучше погодить.

Ты действуй сам. А то в ответ
наверняка услышишь: «Нет!»

1953

К НЕВЕСТКЕ

Пусть твой приход в наш дружный дом
Приход весны напомнит,
Пусть каждый угол в нем, родном,
Твой юный смех наполнит.

Отныне мать моя — свекровь...
Отец отныне — свекор...
Я — деверь!..
Радость греет кровь,
Вздымает грудь высоко.

Робеешь ты. Твои глаза
Считают половицы.
И кажется — вот-вот слеза
Повиснет на ресницах.

Ты закрываешься фатой...
Но, я уверен, скоро
Друзьями будем мы с тобой.
Ведь в этом нет позора!

Хотел сказать тебе вчера,
Но сам сробел, не скрою:
Зови меня «мой брат», сестра,
Ведь мы — как брат с сестрою!

Стоять уныло у стены,
Молчать и быть забитой —
Обычай дряхлой старины,
У нас в семье забытый.

И ты, сестра, его забудь,
Приветствуй все, что ново,
И радуйся, что не вернуть
Печального былого.

И я желаю всей душой
Вам с братом много счастья,
Желаю вам любви большой
И полного согласья!

1954

ОДИНОКИЙ

Паутину и копоть
Он обмел с потолка,
И достал он черкеску
Из сундука.
Приласкал он собаку,
Кота напоил молоком.
Обошел, осмотрел
Пошатнувшийся дом.
Он сегодня впервые
Почувствовал стыд:
Стены дома худые,
В них ветер свистит...
Но за все его долгие
Шестьдесят
Столь счастливым, как нынче,
Не бывал его взгляд.
Сорок лет

Он мечтал об одном:
Чтобы женским теплом
Был согрет его дом.
В двадцать лет
Оседлал он коня
И отправился в путь,
Стременами звеня.
Но невесты найти
Он, как видно, не смог
И вернулся домой
Одинок.
А ведь был он в те годы
И красив и удал,
На скаку он монету
С земли подымал.
Обжигал он, бывало,
Взглядом,
Словно огнем,
И красавиц немало
Вздыхало о нем.
Годы шли.
Превратился джигит в старика.
Не поводья, а посох
Сжимает рука.
Но чему улыбается нынче старик?
Не тому ли, что вечер безоблачно светел?
Или, может быть, юность вернулась на миг?
Может, наш одинокий кого-нибудь встретил?
Д а, сегодня он встретил!..
Он счастье обрел,
За которым, как ветер,
Как сизый орел,
Много лет он гонялся
Верхом на коне,
Много лет он слонялся
В чужой стороне.
Он нашел свое счастье
В селенье родном.
Приведет он хозяйку
Сегодня в свой дом!

1955

* * *

Пятнадцать лет он в трудной был дороге.
Случалось все: он мерз и голодал...
Но все ж ни разу, в кровь стирая ноги,
Не произнес: «Как трудно! Я устал».

Был долог путь — но виден весь без карты.

Конец с началом в здании одном...
Нелегкий путь! Он начат был за партой,
А кончен — за учительским столом.

1955

БЫВШЕМУ ДРУГУ
Все, что я знал, все, чем был я богат,
все, что имел я: в душе, за душой —
всем я с тобой поделиться был рад.
Думал — и ты для меня не чужой.

Я ведь не знал, что все время ты жил
только собой, никого не любя...
Что никогда ты со мной не дружил,
просто не в силах любить не себя.

Много ты отнял в душе моей сил,
было тебя разгадать не легко...
Нужен я был тебе — ты приходил.
Плохо мне было — ты был далеко.

Да... Ты использовать можешь людей...
Пусть в том уменье достоинства нет,
есть «достижения» в жизни твоей:
счастлив, доволен, красиво одет.

Но «достижения» эти — пустяк!
Скучно живешь ты, и всем ты чужой
Лучше носить мой потертый пиджак,
чем прозябать в одиночестве так —
в новой одежде, со стертой душой!

1955

Алексей Гогуа
(Родился в 1932 году)

* * *

Недавно мы были вместе,
А теперь разбрелись по свету.
Я вернулся в родную деревню,
Ты еще на практике где-то.

Я шагаю тропой заросшей,
Здесь мы вместо не раз бродили.
Выхожу на высокий берег,
Где часами сидеть любили.

Прохожу над крутым обрывом
И, мечтою о счастье полный,
Вспоминаю себя счастливым
И смотрю на речные волны.

Только — сердце мое не дрогнет,
Будет чувство сильней отныне.
Пусть тропа заросла травою,
Но любовь никогда не остынет!

1953

* * *

С утра я пишу за столом в тишине,
Не хочешь мешать ты, сидишь в стороне.
Но взор твой поможет мне в трудной работе,
Иди же, родная, с улыбкой ко мне.

Бумажный смету со стола ералаш,
Усталый, отброшу тупой карандаш,
И, если оставит меня вдохновенье,—
Ты новые силы улыбкой мне дашь.

1953

ПОТОК

Бурлит, грохочет бешеный поток.
Он с высоты стремглав несется вниз.
Вот закрутился в пенистый клубок,
А вот над кручей лентою повис.

Кипит, хохочет в тесных берегах,
Поросший лесом будит крутосклон.
Зеленым нивам в пенистых волнах
Несет он с гор суровый их поклон.

Каскады брызг он сеет на пути
И дарит влагу жаждущим полям.
И где пришлось долинами пройти,
Там нива краше, злак пышнее там.

Вот снова он пустился под откос,
Где водяные мельницы стоят.
Там днем и ночью слышен шум колес,
И днем и ночью жернова скрипят...

Он вечно молод, чист, неудержим,
Неутомим его проворный бег.
Исполнен жизни, жизнь несет другим.

За то его и ценит человек.

1955

ДРУГУ ТРУЖЕНИКУ

Когда явился я на белый свет,
Мои глаза Ерцаху увидали,
А ты, мой друг, ровесник и сосед,—
Просторов русских ты увидел дали.

Родились мы у пахарей в домах,
У нив качались наши колыбели,
И на твоих и на моих глазах
В полях весною всходы зеленели.

Тебе и мне вторая школа — труд,
И с детских лет мы крепко с ним сдружились.
Крестьяне нивы родиной зовут,
Любить ее мы на полях учились.

Я вырос здесь, в Абхазии моей,
Где с горных круч сбегают, пенясь, реки,
Ты — на просторах солнечных полей,
Но родина одна у нас навеки!

Пусть не единый был у нас язык,
Но слезы матерей едины были.
Кинжал абхазский и российский штык
Десятки лет одних врагов разили.

В счастливый век живем мы, русский брат.
Москва мечты соединила наши,
И расцветает дружбы нашей сад,
Из года в год становится все краше.

Не говоря друг другу пышных слов,
Мы навсегда останемся друзьями.
Любовь народов — крепкая любовь,
И трудно говорить о ней словами.

1955

Константин Герхелиа
(Родился, в 1932 году)

ДУМЫ НА ПОЛЕ БИТВЫ

Тишина вокруг. Лежу я, отдыхая,
Под величественной мачтовой сосной.
Подо мной слегка хрустит трава сухая,
Голубой простор сияет надо мной.

Что за сердце беспокойное такое —
Снова думы взволновать его спешат...
Отчего оно не хочет знать покоя,—
Может, только оттого, что я солдат?

Впрочем, нет, совсем не надо быть солдатом,
Чтобы здесь священный трепет испытать.
Здесь рекою страшной кровь лилась когда-то,
Кровь сынов, погибших за отчизну-мать.

На сосне моей десятки ран я вижу.
Может, многим людям жизнь спасла она...
Не забудет тех, кто пал, и тех, кто выжил,
Испещренная осколками сосна.

На земле я тоже всюду вижу раны.
Гильзы ржавые валяются кругом.
Здесь без громких слов свершали подвиг бранный,
Расправляясь с обезумевшим врагом.

И передо мною, как в волшебной сказке,
Вдруг поплыл давнишнего сраженья дым,
И стихи чуть шепчет кто-то по-абхазски...
Может, здесь когда-то дрался Киазым?(1)

Может быть, на этой высохшей поляне
Тяжко ранен был отважный наш поэт?
Ведь в Сухуми он из брянской глухомани
Присылал друзьям свой пламенный привет!

Тихо встав, сосну погладил я рукою,
И задумался я, дерево обняв.
И припомнилось мне дерево другое,
И припомнилась гора моя Панав.

Там растет одна сосна на скалах мшистых,
Наш пастуший стан когда-то был под ней.
Укрывалась там от палачей-фашистов
Вся семья моя пастушья много дней.

Сосны, сосны! Словно сестры, вы похожи!
Опалила вас военная гроза...
Каждый шрам на золотистой вашей коже
Теплой влагой наполняет мне глаза.

Молод я, и мне огонь войны неведом.
Но пускай напасть посмеет кто-нибудь —
Сверстники мои продолжат счет победам.
Пусть забудет враг на нашу землю путь!

---

1 Киазым Агумаа — абхазский поэт — партизан Отечественной воины.

1954

СУХУМИ

Можно ли не думать, мой Сухуми,
О твоей волнующей судьбе?
И какой поэт в часы раздумий
Не поет влюбленно о тебе?

Если будет от тебя таиться
В сердце песнь влюбленная моя,
То завянет сердце, как девица,
Что жила, любовь свою тая.

Где мне взять мелодию, чтоб чувство
Заплескалось в песне, как прибой?
В силах ли словесное искусство
Выразить прекрасный облик твой?

Каждому ты даришь вдохновенье,
Красотой ласкаешь каждый взгляд.
И с тобой прощаются в волненье,
И любовь к тебе всю жизнь хранят.

Солнце — это гость твой постоянный,.
Твой наряд — чудесные цветы,
И сверкаешь ты росой медвяной,
И полощешь в море корни ты.

В новый день идешь ты без опаски —
Будет новый день счастливым днем!
Ты гостей встречаешь по-абхазски,
О тебе поют они потом.

Если разлучаюсь я с тобою,
Я найти покоя не могу.
Слышится мне мерный шум прибоя
И шуршанье пальм на берегу.

Здесь, у моря, жил я с колыбели,
Здесь почти вся жизнь моя прошла,
Здесь мечты мальчишеские зрели,
Превращались в добрые дела.

Расцветай невиданным букетом,
Разрастайся, город мой родной,
И дари людей теплом и светом,
Ветром влажным, ласковой волной!

Можно ли не думать, мой Сухуми,

О твоей волнующей судьбе?
И какой поэт в часы раздумий
Не поет влюбленно о тебе?

1955

Шамиль Пилиа
(Родился в 1932 году)

В САДУ
Холодным ветром потянуло с гор,
И наступило время листопада,
Хожу продрогший по тропинкам сада,
И облетевших листьев мну ковер.

Ничто не нарушает тишину,
В саду не слышно даже птичьих песен.
Я вспоминаю раннюю весну,
Что ярче всех прожитых мною весен.

С любимой вместе в сад я приходил,
Он шелестел нам ласково листвою.
Здесь я цветы ей вешние дарил,
А ныне — ныне нет ее со мною.

Брожу один... Знакомые места
Влекут к себе с неудержимой силой.
Здесь родилась весной моя мечта,
И я тоскую о подруге милой.

1954

ПЕРВЫЙ УРОК
Прозвенел в коридоре звонок.
Почему-то, как школьник, робея,
В класс иду я на первый урок,
И язык от волненья немеет.

Я с детьми поздоровался, сел,
Разложил на столе мои книжки...
Не вчера ли за партой сидел
Беспокойный и шустрый мальчишка?

Уходил он с пушком над губой,
А вернулся сюда возмужалым,
Не с тетрадкою голубой,
А с портфелем и классным журналом.

Дорогие ребята! Для вас
Буду жить я вот с этой минуты...

Я с волненьем оглядывал класс
И стеснялся, робел почему-то.

1955

* * *

Когда твои лебяжьи руки
Держу в моих руках,—
Читаю, полный тайной муки,
Вопрос в твоих глазах.

Два ручейка волос волнистых
Сбегают по спине.
Ты с первых встреч в садах душистых
Любовь внушила мне.

Но как сказать о ней словами?
В глаза мне загляни.
Они тебе все скажут сами —
Не могут лгать они.

1955

* * *

В небе ласточка кружится,
Сердце будит нежной трелью.
Мой балкон для чаровницы
Домом стал и колыбелью.

Видишь — гнездышко свивает
Даже ласточка весною.
Скоро ль ты придешь, родная,
И останешься со мною?

1955

Нелли Тарба
(Родилась в 1934 году)

* * *

В чаще сада в час закатный
Наслаждаюсь я весною.
Вздохам чащи ароматной
Вторит дальний шум прибоя.

Облака в багряном свете,

Соловей концерт свой начал.
Что-то шепчет листьям ветер,—
Тайны сердца, не иначе.

На весну смотрю я жадно,
Не могу налюбоваться,—
От красы ее нарядной
Не уйти, не оторваться!

Я тянусь навстречу маю,
Я хочу с ним подружиться,
И внезапно понимаю,
Что любовь ко мне стучится.

1953

* * *

Врозь по городу мы бродим,
Словно вовсе незнакомы,
Только взглядами покуда
Разговор с тобой ведем мы.

Коль, случится, ненароком
Я в толпе тебя замечу,
Не бегу через дорогу,
Не спешу к тебе навстречу.

Только ты не огорчайся,
Ревновать не вздумай, милый,
Если сверстнику улыбку
Невзначай я подарила.

Нам в кругу друзей веселых
Рядом быть еще не время,
Не пора с души влюбленной
Сбросить сладкой тайны бремя.

Кое-кто уже приметил
Разговор немой глазами
И лукаво намекает:
«Третий лишний между вами!»

Но таинственной беседы
Не спугнут намеки эти:
Там, где двое породнились,
Помешать не в силах третий.

Врозь по городу мы бродим,
Словно вовсе незнакомы,
Но сердцами разминуться

Не сумеем все равно мы.

Пусть не вместе мы сегодня,—
Так и надо ведь до срока:
Коль сперва не пострадаешь,
Из любви не выйдет прока!

1954

ЖЕНИХИ

Ах, поглядели б вы, что за ребята
Из-за руки моей драться готовы!
Статны, подтянуты, молодцеваты,
Не поскупятся на острое слово.

Входят во двор они с пляской да с польем.
Я их за стол приглашаю с улыбкой.
Сердце, смущенное их появленьем,
Бьется в груди перепуганной рыбкой.

Всех угощаю питьем и сластями,
Шуткой на шутку легко отвечая;
Где подпою, где станцую с гостями—
Мол, полюбуйтесь-ка, вот я какая!

Но лишь закроются двери за ними,
О женихах не тужу я нимало —
Радостно мне: ведь и нынче, любимый,
Равных тебе я меж них не сыскала!

1954

* * *

Мама, прошу, сбереги мое платье,
То, что девчонкой носила я в школе,—
Свято от пятен храни и замятин
И посыпай нафталином от моли.

В дни, когда вновь я студенткой упрямой
В тихий наш дом ненадолго приеду,
Дочке опять покажи его, мама,
Дай побродить ей по свежему следу.

Словно звонок, что зовет на уроки,
В сердце ее зазвучит, оживая,
Детства ушедшего голос далекий,
Первых открытий пора золотая.

Снова двором пробежит она длинным,

Снова взлетит по ступенькам вприпрыжку,
Снова за парту усядется чинно,
Вынет из ранца тетрадки и книжки,

Выведет бережно буквы прямые,
Станет задачку решать на деленье,
Снова и снова постигнет впервые
Радость высокую преодоленья...

Мама, прошу, сбереги мое платье,
То, что девчонкой носила я в школе, —
Свято от пятен храни и замятин
И посыпай нафталином от моли.

1954

ВЫПУСКНИКИ

В десятый раз за десять лет
Уходит май веселый,
Но в первый раз за маем вслед
Уйдем и мы из школы.

Прощай, родной, любимый класс,—
Доска и парус карты!
Не мы — другие вместо нас
За эти сядут парты.

Прощай, широкий школьный двор,
Свидетель игр горячих;
Ты помнишь смех наш до сих пор
И топот ног ребячьих.

Прощайте, дни бесед в тиши,
Невинные секреты,
Волненья первые души,
Влюбленностью согретой.

Прощайте вы, кто день за днем
Ревниво и упорно
Роднил со знаньем и трудом
Питомцев непокорных,

Кто в сердце каждого из нас
Зажег любовь к отчизне
И ввел в просторный, светлый класс
Великой школы — жизни!

1954

ПОСЛЕДНЯЯ АРБА

Поднимая пыли тучи,
По дороге в летний зной
На арбе своей скрипучей
Держит путь Дадын седой.

Повстречался сын Дадыну:
— Эй, отец, да ты куда?—
— Знаешь сам,— в ответ он сыну,
Еду в город, как всегда.

Засмеялся парень тихо,
Глянул вдаль из-под руки,
А навстречу катят лихо
По шоссе грузовики.

Нагруженные до края,
Как бойцы, равняя строй,
Урожай душистый чая
Повезли они с собой.

Почесал Дадын за ухом,
Озорно прищурил глаз:
«Что ж, и впрямь, арба-старуха,
Расставанья пробил час!

Помнишь ты отца и деда,
Да пора и отдохнуть.
Скоро новая «победа»
Повезет Дадына в путь!»

И старик, махнув рукою,
Вспять упряжку повернул...
Так с последнею арбою
Распростился наш аул.

1955

КТО ОДИНОК?

Как всегда, прощаясь у дверей,
Ты сказал сегодня мне, вздыхая:
«Одинок я в комнате своей,
Без любимой дом не дом, родная!

Из его постылой тишины
Вновь и вновь стремлюсь к тебе мечтами;
За тобой меня уводят сны;
Пробужусь — и тут ты пред глазами...»

Милый, не брани свое жилье!
Бедный дом, мне жаль его сердечно:
Сердце переполнено твое,

Ты со мной, а он пустует вечно...

1955

* * *

Чую, мама, вижу, знаю,—
Я одна твой свет вечерний;
Всем созвездиям, родная,
Предпочтешь ты взгляд дочерний.

Чтобы сердцу без изъяна
Подарить свой клад богатый,
Беспокойно, неустанно
Ищешь друга для меня ты.

Только зря себя ты мучишь,—
Обернись сюда сначала:
Вот мой друг! Вглядись получше,
Не его ли ты искала?

1955

* * *

Где ты, комната «13»,
Однокурсниц шумный рой?
До сих пор еще, признаться,
Я грущу о вас порой.

Сколько дней в жару и вьюгу,
Как друзья, без громких слов,
Заменяли мы друг другу
И семью и отчий кров.

На виду поступок каждый,
Встречи, мысли и дела,
Но случилось, что однажды
Не сказавшись я ушла.

А когда вернулась снова,
Тихо села у огня —
Не спросил никто ни слова
Почему-то у меня.

Как по сговору какому,
Обходили целый год
Вы молчанием знакомым
Мой уход и мой приход.

Без намеков, без укоров,
Неустанно, вновь и вновь
От досужих разговоров
Берегли мою любовь.

А когда пора расстаться
Наступила нам весной,
Вместе комнату «13»
Вы покинули со мной.

И счастливою гурьбою
Проводили до ворот
Общежития, где двое
Начинают свой поход.

1956

Илья Ласуриа
(Родился в 1935 году)

ДЕРЕВО
Завороженный стою у реки,
Слушаю шум непокорный.
Словно персты великаньей руки,
В пене полощутся корни.

Здесь мы сидели когда-то давно
С милой, беспечны, как дети.
Дерево нас укрывало... Оно
Счастья безмолвный свидетель.

1955

ГДЕ ОБЛИК МИЛЫЙ?..
Твой облик милый, добрый дар природы,
Храню я в памяти моей.
Не знали косы ухищрений моды,
Глаза — искусственных теней.

Среди надушенных, нарядных сверстниц
Какой ты скромницей была!
Теперь ты носишь золотые перстни
И клипсы синего стекла.

Тебя, былую, даже вспомнить странно,
Настолько стала ты другой.
Поверх румянца у тебя румяна,
И брови тоненькой дугой.

И все трудней бывает год от года

Тебя узнать среди чужих...
Где облик, что дала тебе природа
В подарок от щедрот своих?

1955

ВОСПОМИНАНИЕ
Еще деревьям сладко спится,
А уж запела вдалеке
О ком-то очень милом птица
На непонятном языке.

С тобою мы сейчас в разлуке,
Но ты беседуешь со мной —
Ведь в каждом нежном, чистом звуке
Я слышу голос твой родной.

1955

СЕРДЦЕ
Смотреть на тебя,
Я не спорю, приятно,
Любви твоей жаждет
Немало сердец,
Но есть и на солнце
Досадные пятна,
Я долго молчал,
Но скажу, наконец.
Ты слишком гордишься
Собой, дорогая,
Твой собственный блеск
Ослепляет тебя.
Ты мимо проходишь,
Совсем как чужая,
Давнишнюю дружбу
Надменно губя.
А помнишь, как в детстве
Порезал я палец,
А ты за меня
Волновалась до слез?..
В песке мы копались,
И в речке купались,
И задранным не был
Изящный твой нос.
Теперь ты не хочешь
Рукой своей белой
Коснуться мозолей
Ладони моей.
Быть может, в работе
Она огрубела,

Но сердце нисколько
Не стало грубей.

1956

ПАМЯТНИК ЛЕТЧИКУ
Здесь лес взирает исподлобья
На речку, что по валунам шумит,—
В лесу к гранитному надгробью
Стальной пропеллер накрепко прибит.

Когда-то юноша крылатый
В погоне за врагом здесь пролетал,
И разлетались супостаты,
И бил им вслед карающий металл.

...Настала страшная минута...
Он понял, что теперь его черед.
Машину развернул он круто
И врезался во вражий самолет.

Старик абхазец у могилы
Подставил ветру седину свою...
Луна о летчике грустила...
И вторил лес окрестный соловью...

И снова в думах невеселых
Старик зовет погибших сыновей.
А где-то в украинских селах
Их славит песней звонкий соловей.

1956

ПАМЯТНИК ПОЭТУ
При последних отблесках заката
Разбираю стершиеся даты.
«Родился... Почил...» — гласит плита,
Тесанная в давние лета.

А с годами и могильный камень
Будет погребен седыми мхами.
Но в народе спящий здесь поэт
Навсегда оставил добрый след.

1956

Платон Бебиа
(Родился в 1935 году)

ЛЮБОВЬ ЗАСТАВИТ

По какой такой причине,
От каких тяжелых дум
Ходит друг в тоске-кручине,
Стал и бледен и угрюм?

Долго было все в секрете,
Много дней крепился он,
А вчера меня он встретил
И сказал мне:
— Я влюблен...

Только я стыжусь признаться...
Может, ты поможешь мне? —
— Друг мой, я тебя, признаться,
Понимаю не вполне.

Разве третий тут поможет
Красноречием своим?
Подожди. Любовь, быть может,
Разлетится, словно дым.

Ну, а если нету силы
Позабыть свою мечту,
Сам не выдержишь и милой
Скажешь все начистоту.

1955

КТО ВИНОВЕН?

Ты была и юной и красивой,
Но на редкость гордой и спесивой.
Ты чужой любовью помыкала,
Вот тогда и счастье проморгала.

Каждый получал отказ обидный —
Нарчхиоу(1) ты ждала, как видно!
Но герой тебя и не заметил,
К милой Гунде(2) проскакал, как ветер.

И теперь к другим спешат мужчины.
Ты стареешь... Седина... Морщины...
Плачешь часто, женихов ругая...
Только кто виновен, дорогая?

---

1 Нарчхиоу — легендарный герой абхазского нартского эпоса.
2 Гунда — красавица, сестра нартов.

1955

С НЕЮ НЕ СРАВНИТСЯ...
Розовые щеки,
Влажные глаза,
Гибок стан высокий —
Что твоя лоза!
Словно лебедь-птица,
Девица стройна.
Можно подивиться —
До чего умна!
Чудо-мастерица
И притом скромна.
В мире не сравнится
С нею ни одна!
Все как есть на деле —
Зря не похвалю.
Ведь уже неделю
Я ее люблю!

1956

Краткие сведения об авторах

Дмитрий Гулиа (1874). Родился в селении Уарча, Гумистинского участка (ныне Гульрипшский район, Абхазской АССР).
В конце 1885 года поступил в двухклассную Сухумскую горскую школу. По окончании школы в 1889 году поступил в Закавказскую учительскую семинарию в Гори, где учился около пяти месяцев, но затем вынужден был оставить учебу.
Экстерном сдал экзамен на звание учителя народной школы. В течение ряда лет работал преподавателем абхазского языка то в деревнях, то в Сухуме — в горской школе, в женской гимназии, в реальном училище, в учительской семинарии и, наконец, в Тифлисском государственном университете (1924—1925).
В 1891 году вместе с К. Мачавариани составил абхазскую азбуку. Первый сборник стихов вышел в 1912 году в Тифлисе. В 1919 и 1920 годах Д. Гулиа — редактор первой абхазской газеты «Апсны». После установления советской власти в Абхазии Д. Гулиа пишет поэмы, стихи, романы, организует передвижную театральную труппу, собирает и изучает фольклор. Им опубликовано много работ по истории и этнографии абхазцев.
Народный поэт Абхазии Дмитрий Иосифович Гулиа — член КПСС, депутат Верховного Совета СССР. Он награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Самсон Чанба (1886—1937). Родился в селе Атара, Очемчирского района.
Первоначальное образование получил в селе Адзюбжа. Учился в Сухумской горской школе, после ее окончания поступил в Кутаисскую сельскохозяйственную школу.
Окончил Хонскую учительскую семинарию и с 1914 года работал учителем в селах Кутол, Адзюбжа, с 1916 года — и Сухумской учительской семинарии.
После установления советской власти С. Чанба занимал ряд ответственных должностей, в то же время создал много литературных произведений. Он работал наркомом просвещения Абхазии, с 1925 по 1930 год С. Чанба был председателем ЦИК Абхазской АССР, а затем — снова на посту наркома просвещения. С 1934 года возглавлял Институт краеведения и был председателем правления Союза писателей Абхазии.
Начал печататься в 1919 году в газете «Апсны». Перу С. Чанбы принадлежат

романтическая поэма «Дева гор», драмы «Махаджиры», «Апсны Ханым», «Кераз» и др., повесть «Сейдык» и новеллы: «Песня страдания», «Ой, аллах, аллах», «Старый дуб», «Камень с очага моего дедушки» и т. д.

Иуа Когониа (1903—1928). Родился в селе Кутол, Очемчирского района. В 1919 году поступил в Сухумскую учительскую семинарию, в 1925 году — в Московский институт журналистики.
Выступил в литературе в 1920 году со стихами, опубликованными в газете «Апсны». В 1925 году изданы отдельной книгой его поэмы, получившие широкую популярность в народе. Те же поэмы вместе с его стихами составили второе издание (1933). Наиболее полное издание его произведений осуществлено лишь в 1956 году.
Один из любимейших абхазских поэтов; многие его произведения вошли в хрестоматии и учебники по абхазской литературе.

Мушни Хашба (1903). Родился в селении Поквеш, Очемчирского района. Окончив поквешскую церковноприходскую школу, в 1915 году поступает в Очемчирское начальное училище, затем учится в Сухумской учительской семинарии. В 1924 году командируется в Москву на учебу в Институт журналистики, который оканчивает в 1927 году.
В течение ряда лет — редактор абхазской газеты «Апсны Капш» и литературно-художественного журнала под тем же названием.
Литературной работой занимается с 1919 года. Известен своими стихами и рассказами («Алло», «Ацуныхву я порицал, но...», «Соль с перцем» и т. д.) и переводами художественной и политической литературы.

Владимир Агрба (1909—1937). Родился в селении Мгудзырхва, Гудаутского района, в крестьянской семье. До 1924 года был пастухом, затем учился в Сухуме, высшее образование получил в Москве. В 1932 году занимал пост секретаря Сухумского райкома ЛКСМ, в 1933 году — секретарь Краснопресненского райкома ВЛКСМ г. Москвы. С 1934 года находился на партийной работе в Абхазской АССР. В. Агрба — автор стихов и одной из первых повестей о коллективизации в Абхазии («Солнце взошло»), пьес «Если посеешь ветер, пожнешь бурю», «Кровавый путь».

Отар Демердж-Ипа (1910—1939). Родился в селении Уатхара Гудаутского района. Вступил в литературу рано, печатал стихи и статьи в газете «Апсны Капш» (с 1925 г.), с 1929 года — в периодическом сборнике поэзии «Ецваджаа» («Созвездие»).

Леварса Квициниа (1912—1941). Родился в селе Атара, Очемчирского района. Окончив атарскую начальную школу, поступил в Сухумскую абхазскую школу. С 1938 года учится в Литературном институте им. Горького при СП СССР, затем работает в редакции газеты «Апсны Капш». Был ответственным секретарем Союза писателей Абхазии.
В самом начале Великой Отечественной войны погиб на границе (около Белостока), сражаясь в составе пограничного отряда против фашистских захватчиков.
Стал печататься с 1928 года. В 1932 году выходит сборник поэтических произведений Л. Квициниа «Страна растет», включающий поэмы «Ткварчелстрой», «Ленин», «Миллионы голосов», «Комсомол» и др. Через год публикует поэму «Шаризан», а в 1936 году — поэму «Даур». В промежутке издает сборник стихов «Хорошее время».
Перу Леварса Квициниа принадлежат поэтические переводы из русской и грузинской литературы.

Леонтий Лабахуа (1911—1938). Родился в селе Река, Очемчирского района. В 1936 г. окончил Педагогический институт в Сухуме. В литературе работал всего шесть лет

(1931—1937). За этот непродолжительный срок создал ряд значительных поэтических произведений.

Шалва Цвижба (1912). Родился в селении Тамыш, Очемчирского района. Учился в тамышской сельской начальной школе и в Северо-Кавказском педагогическом институте в г. Владикавказе. Писать начал рано.
До 1935 года издал три сборника стихов и драматическую поэму «Кинжал». В 1954 году выпустил сборник стихов для детей «Маленький хозяин». В 1957 году Абхазским государственным издательством изданы «Избранные произведения» Ш. Цвижбы.

Киазым Агумаа (1915—1950). Родился в селении Гвада, Очемчирского района. После окончания Сухумского педучилища поступает в Московский институт журналистики, а затем переходит на учебу в Калининский педагогический институт, который заканчивает в 1937 году. Преподавал в средних школах, работал в редакции «Апсны Капш». В 1940 году призван в армию. В годы Великой Отечественной войны сражался в славном партизанском отряде им. Чапаева в Брянских лесах. В 1944 году был тяжело ранен. После демобилизации работал в редакции газеты «Апсны Капш», в Союзе писателей Абхазии.
Печатается с 1934года. К. Агумаа — автор стихов, поэм, рассказов, неоконченного романа и драмы, посвященной партизанской жизни; его поэтические призведения и рассказы издавались на грузинском и русском языках. Много трудился над переводами произведений Пушкина, Н. Бараташвили, Шевченко, а также армянского эпоса «Давид Сасунский».

Баграт Шинкуба (1917). Родился в селе Члоу, Очемчирского района. В 1935 году окончил абхазское педагогическое училище в г. Сухуме, а в 1939 году — факультет языка и литературы Сухумского педагогического института имени Горького. В 1945 году завершает учебу в аспирантуре Института языкознания Академии наук Грузинской ССР, защитив диссертацию на степень кандидата филологических наук. Затем работал старшим научным сотрудником в Абхазском институте языка, литературы и истории им. Гулиа Академии наук Грузинской ССР, а также Председателем правления Союза писателей Абхазской АССР.
Печатается с 1935 года. В 1938 году издает первый сборник своих стихов «Первые песни», а затем издаются поэма «Меч» (1943), сборник стихов (1948), роман в стихах «Мои земляки», который вышел также па русском и грузинском языках. В 1956 году издан однотомник стихов и поэм Б. Шинкубы.
Принимает активное участие в составлении учебников и программ по абхазскому языку и литературе. Перу поэта принадлежат переводы произведений грузинских поэтов: Н. Бараташвили, И. Чавчавадзе, А. Церетели, Важа Пшавела, А. Казбеги, а также русских писателей: А. Пушкина, М. Лермонтова-, М. Горького и др.

Иван Тарба (1921). Родился в селе Беслахуба, Очемчирского района; здесь же в 1933 году окончил начальную школу. В течение ряда лет работал ответственным секретарем очемчирской газеты «Большевистский путь» и в редакции «Апсны Капш». В 1947 году окончил Сухумский педагогический институт имени А. М. Горького и партийную школу при ЦК КП Грузии.
В разное время был ответственным секретарем Союза писателей Абхазии, министром просвещения Абхазской АССР. В настоящее время И. Тарба — председатель правления Союза писателей Абхазии.
Печатается с 1937 года. Автор нескольких сборников стихов, переводы которых издавались на грузинском и русском языках.

Сандро Сангулиа (1911). Родился в селе Джгерды, Очемчирского района. Печатается с

1932 года. Окончил Абхазский педагогический техникум. С 1937 по 1939 год редактировал областную комсомольскую газету «Комсомолец Абхазии», а с 1939 по 1941 год работал в редакции газеты «Апсны Капш». В 1941—1945 годах — в рядах Советской Армии. С 1946 года снова работает в редакции газеты «Апсны Капш».

Чичико Джонуа (1915). Родился в селе Члоу, Очемчирского района. В 1939 году окончил Драматическую студию при театре им. Руставели в Тбилиси, был актером Сухумского государственного драматического театра.
В 1941—1945 годах участвовал в Великой Отечественной войне. С 1946 года сотрудничал в редакции газеты «Апсны Капш». Вступил в литературу в 1936 году. Автор повести «Гудиса Шларба» и книги «Поэмы». Работает в редакции детского журнала «Амцабз».

Алексей Джонуа (1920). Родился в селе Члоу, Очемчирского района. Печатается с 1936 года. Высшее образование получил в Сухумском государственном педагогическом институте им. Горького. Автор нескольких книг стихов. Участник Великой Отечественной войны, в 1943 году находился на Украине в партизанском отряде, боровшемся против фашистских захватчиков. Редактор журнала «Алашара».

Алексей Ласуриа (1927). Родился в селе Кутол, Очемчирского района. Печатается с 1944 года. В 1953 году окончил Литературный институт им. Горького при Союзе писателей СССР. Книги его стихов изданы на абхазском, русском, грузинском языках. Работает в области поэзии, прозы и драматургии.

Константин Ломиа (1927). Родился в селе Кутол, Очемчирского района; здесь же получил семилетнее образование. В 1950 году окончил Сухумский государственный педагогический институт, а в 1952 году — Московский литературный институт им. Горького при Союзе писателей СССР. Печататься начал с 1945 года.

Киршал Чачхалиа (1918). Родился в селе Поквеш, Очемчирского района. Печатается с 1937 года. Автор сборников «Стихотворения» (1955), «В моем поселке» (1956). Слушатель Высших литературных курсов в Москве.

Кича Ачба (1918). Родился в селе Поквеш, Очемчирского района. В 1929 году ушел в армию на действительную службу. Прошел всю Отечественную войну 1941—1945 годов. Печатается с 1939 года.

Шалико Сангулиа (1923). Родился в селе Джгерды, Очемчирского района. Участник Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Автор сборника стихов. Печатается с 1939 года.

Константин Аргун (1924). Родился в селе Анухва, Гудаутского района. Печатается с 1946 года.

Джото Тапагуа (1924). Родился в селе Кутол, Очемчирского района. Печатается с 1944 года. Участник Великой Отечественной войны.Студент Сухумского педагогического института им. Горького.

Георгий Гублиа (1928). Родился в селе Куланурхва, Гудаутского района. После окончания Тбилисского государственного университета им. Сталина работает лектором Сухумского педагогического института им. Горького. Печатается с 1950 года. В 1958 году выпустил первый сборник стихов «Моя апхярца».

Анатолий Аджинджал (1930). Родился в селе Кутол, Очемчирского района. Печатается с 1948 года. В 1956 году окончил факультет языка и литературы Сухумского педагогического института им. Горького.

Владимир Анкваб (1928). Родился в селе Хуап, Гудаутского района. Печатается с 1953 года. Студент Литературного института им. Горького при Союзе писателей СССР.

Борис Тужба (1931). Родился в г. Сухуме. Студент Сухумского педагогического института им. Горького. Печатается с 1949 года.

Шота Чкадуа (1932). Родился в селе Кутол, Очемчирского района. Печатается с 1949 года.

Алексей Гогуа (1932). Родился в селе Гуп, Очемчирского района. Печатается с 1948 года. Студент Литературного института им. Горького при Союзе писателей СССР.

Константин Герхелиа (1932). Родился в селе Гвада, Очемчирского района. Студент Сухумского педагогического института им. Горького. Печатается с 1951 года.

Шамиль Пилиа (1932). Родился в селе Отхара, Гудаутского района. В 1951 году окончил Тбилисский государственный университет им. Сталина. Печатается с 1952 года.

Нелли Тарба (1934). Родилась в селе Дурипш, Гудаутского района. Печатается с 1948 года. Автор сборника стихов «Я люблю дороги». Работает и в поэзии и в прозе. Студентка Сухумского педагогического института им. Горького.

Илья Ласуриа (1931). Родился в село Кутол, Очемчирского района. Печатается с 1952 года. Студент Сухумского педагогического института им. Горького.

Платон Бебиа (1935). Родился в селе Кутол, Очемчирского района. Печатается с 1952 года. Студент Сухумского педагогического института им. Горького.

АНТОЛОГИЯ АБХАЗСКОЙ ПОЭЗИИ

Редактор Д. Голубков
Художественный редактор Г. Кудрявцев
Технический редактор А. Трошин
Корректор М. Доценко

Сдано в набор 11/11 1958 г.
Подписано к печати 10/IV 1958 г.
Бумага 60 X 92 1/16 — 34 печ. л. = 26,17 уч.-изд. л.
Тираж 10 000 экз. Заказ 1490. Цена 15 руб.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Московского городского Совнархоза Москва, Ж-54, Валовая, 28.

(OCR - Абхазская интернет-библиотека, http://apsnyteka.org/.)